$ 3.50

Китайская эротическая поэзия и проза

Прелестницы Востока

ЭКСМО

Прелестницы Востока

Китайская эротическая поэзия и проза

КИТАЙСКАЯ

эротическая поэзия и проза

Прелестницы Востока

Москва
ЭКСМО
2003

УДК 89
ББК 84(5Кит)
П 71

Самое лучшее, самое любимое — в книгах этой серии

Серия основана в 2001 году

Составители *И. Лисевич*, *И. Топоркова*

Оформление художника *Е. Ененко*

В книге использованы старинные иллюстрации к стихам поэтов эпохи Тан и Мин, а также рисунки из художественных альбомов Британского музея и частных французских коллекций XVII—XIX вв.

П 71 **Прелестницы** Востока: Китайская эротическая поэзия и проза. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 352 с., илл.

ISBN 5-699-02760-2

Китайская поэзия, несмотря на сдержанность выражений, очень изящна, но с большим пылом и страстью повествует об альковных утехах, которые были не чужды ни простым людям, ни императорам Поднебесной.

В сборник вошли поэтические и прозаические произведения VI—X вв. до н. э. и XVI—XVII вв.

УДК 89
ББК 84(5Кит)

ISBN 5-699-02760-2 **© ООО «Издательство «Эксмо», 2003**

КОЕ-ЧТО О КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Произведение традиционной восточной литературы вмещает в себя мир, незнакомый нам и далекий, живущий по собственным, зачастую не очень ясным для нас законам. В кратком предисловии мы постараемся познакомиться с необычном для нас мировосприятием старых китайских поэтов.

В старом Китае поэзия всегда должна была звучать как голос сердца. Вместе с тем «голос сердца» не сводился только к творческой индивидуальности поэта — стихотворец мыслился китайцу как бы медиумом, свое могущество и вдохновение он черпал из сокровенных бездн мироздания, куда были отверсты врата его духа.

Средоточием сокровенного китайцу представлялось Небытие, пустота, безмолвное Ничто. Именно здесь была обитель Великого Дао — Пути Вселенной, источника всего сущего, который как бы проявлял образы вещей в зримом мире, вырывая их из черной пустоты. Рождаются прекрасные цветы, ис-

торгаются стихи из сердца поэта, но начало у них одно. Все во Вселенной равно движется в пространстве и времени, повинуясь ритму Великого Дао. В извивах прихотливо струящихся рек, в застывших на тысячелетнее мгновение волнах гор этот ритм проявляется с особой зримостью, и, любуясь ими, проникая духовным взором в их скрытую сущность, поэт обретает кратчайший путь приобщения к Абсолюту. Очищается дух, просветляется зрение — и вот уже найдены единственно точные слова, выражающие не личное, не сиюминутное, но нечто вечное, одинаково значимое для всех.

Китаец благоговел перед изящным словом, воспринимал его как доступный человеческому слуху отзвук Великого Дао, зримое проявление сокровенного. Но зримым не исчерпывалась суть, словом не исчерпывался смысл. Берущий свое начало от древней «Книги перемен» китайский эталон художественности: «уже исчерпаны слова, а мысль — в избытке» — есть нечто совсем иное, нежели внешне похожее на него некрасовское пожелание: «чтоб словам было тесно, а мыслям просторно». Китайское изречение традиционно воспринималось как противопоставление слова и образа, который словом лишь пробуждается, но живет вне его, по собственным законам. Отзвучали слова, но роятся образы — подчас иные, нежели те, что названы словом.

За образами птиц на речном берегу угадываются фигуры любящих и добродетельных супругов, соблюдающих законы предков и заботящихся о «малых сих»; за стаей саранчи видится многочисленный богатый род со множеством детей и внуков, целая благоденствующая и счастливая страна; вид драгоценного нефритового камня рождает мысли о девушке — чистой, прекрасной, стыдливой и целомудренной...

Тема отношений мужчины к женщине не была основной для китайской поэзии. Любовь обычно мыслилась только как супружеская, и здесь тоскующей, любящей всегда выступала женщина — одинокая, покинутая и несчастная. Сама жизнь давала мало места иной любви, ведь женщина порой с малых лет поселялась в доме будущего мужа и редко видела кого-то из чужих, мужчина же смотрел на нее прежде всего как на источник продолжения рода, средство законного наслаждения и еще, быть может, как на необходимый атрибут достижения мировой гармонии через слияние сил Инь и Ян. Женщина не могла быть приравнена к мужчине хотя бы потому, что они принадлежали к разным мировым началам, и все творческое, заметим, ассоциировалось с мужским началом — Ян.

Более свободными в выражении любовного чувства были народные песни, городской романс и

подражание им – такая раскованность слышится, например, в цы, романсах эпохи Сун, и саньцюй – ариях эпохи Юань. Склонные же к иносказаниям конфуцианские комментаторы даже безыскусную любовную лирику древней «Книги песен» («Шицзин») старались истолковать как выражение чувств подданного к правителю или как ропот благородного мужа, не снискавшего монаршей милости.

Такие толкования, ставшие каноническими, породили определенную литературную традицию, в силу которой, например, обращение к «прекрасной» мыслилось как завуалированное обращение к другу, к человеку благородной души, а жалобы женщины, сетующей на несчастливую судьбу у порога старости, можно было понять и как выражение скорби не признанного обществом и государем таланта, человека возвышенных стремлений, не нашедшего применения своим способностям в делах управления государством. Однако вряд ли читатель захочет искать в любовных стихах скрытый смысл, и, конечно же, будет прав, ибо этот смысл присутствует далеко не всегда, а главное – поэзия для каждого времени звучит по-своему, и мы вольны выбрать тот план стиха, который созвучен нашей собственной душе.

И. Лисевич

О, радость свиданья!

ЦАО ЧЖИ

В ЖЕНСКИХ ПОКОЯХ*

Схватила одежду
И вышла, тоскуя, из дома.

С нерадостной думой
Бреду по тропинке знакомой.

Как мрачно и пусто,
Как будто мой дом на запоре.

Высокой травою
Покрыты ступени и дворик.

В широкие щели
Непрошеный ветер влетает,

На юг благодатный
Спешат перелетные стаи.

Весенние думы
Приходят и в эту годину,

И схожи с моими
Печаль и тоска господина.

Супруг благородный
Уехал далеко-далеко,

А я в этом доме
Без братьев живу одиноко.

О, радость свиданья!
Но путь невозможен обратный:

Не вырастет снова
Увядший цветок ароматный.

Душой человека
Когда постоянство владело?

Быть может, напрасно
Любовь удержать я хотела.

Ползучие стебли
Обвили сосну без опаски,

И к водам озерным
Прильнула зеленая ряска.

Я пояс девичий
Супругу вручила когда-то,

И в доме свекрови
Трудилась с утра до заката.

Коль сердце супруга
Еще вспоминает о старом,

Весенние думы
Меня никогда не оставят.

ЖУРАВЛИ*

Далеко-далеко
Устремилась чета журавлей.

У Восточного моря
Они потеряли друг друга.

Он на север спешит
За любимой подругой своей,

Но она полетела
Не на север, а в сторону юга.

Клюв и рядышком клюв —
Эти дни безвозвратно ушли,

И пришло расставанье
И глухая пора лихолетья.

Разве дали страшат? —
Им покорны и тысячи ли.

Их пугает другое:
Не попасть бы в небесные сети.

СЕМЬ ПЕЧАЛЕЙ

Башня возвышается одна,
Яркою луной освещена.

В башне женщина в тоске глубокой,
Но о ком печалится она?

«Медленно лучи скользят-скользят...
Ты уехал десять лет назад.

Тяжко мне на ложе одиноком,
Странника жены печален взгляд.

Ты – как пыль дороги полевой,
Я – как ил, что в глубине речной.

Ты вверху, а я на дне потока, –
Встретимся ль когда-нибудь с тобой?

Южным ветром я желаю стать,
Полечу, прильну к тебе опять.

Если ты объятий не раскроешь,
На кого тогда мне уповать?»

薛濤

КРАСАВИЦА*

Красавица,
Мила и хороша, -

Стоит под тутом,
Листья обрывая.

Трепещут ветви мягкие,
Шурша,

Кружатся листья,
Тихо опадая.

Ткань соскользнула,
Руку обнажая,

Браслетом тонким
Схвачена рука.

В прическе шпилька —
Птица золотая,

А пояс —
Изумрудная река.

Сверкают и играют
Жемчуга,

Мунань голубоватый
Чист и нежен.

Шелка ее одежд
Как облака,

С полою легкой
Ветер так небрежен.

Вздохнет —
О, запах орхидей свежей!

Взгляд подарит —
О, солнечный восход!

И остановит экипаж
Проезжий,

О голоде
Забудет пешеход.

Скажите,
Где красавица живет?

На улице широкой,
В доме крайнем,

Где так крепки
Запоры у ворот.

Ее лицо
Как солнце утром ранним, —

Оно и восхищает
И манит.

И вновь и вновь
С упорством и стараньем

Несут ей свахи
Ткани и нефрит.

Но кто умом и честью
Знаменит?

Достойных встретить
Трудно, к сожаленью.

И зря молва стоустая
Шумит —

Поймет ли кто
Большой души стремленье?

Она одна.
Пришла пора цветенья.

Глубокий вздох
В тиши ночной звучит.

* * *

Ползучие стебли
Сажаю под южной горой,

Поднимутся летом,
Давая прохожим тень.

Когда господину
Стала я верной женой,

Взаимная близость
Была глубока и сильна.

В те дни одеялом
Мы укрывались одним,

И на постели
Подушка была одна.

«Песню о сливе»
Тайком вспоминали с ним,

Гусли и цитра —
Точно одна струна.

Годы уходят,
Вечер уже недалек,

Сердце супруга
Злое таит в себе.

Чувства угасли,
Вышел и встречам срок,

Тяжко на сердце,
Нечем помочь беде.

Из дому вышла,
Тихий оставив двор,

В роще блуждаю —
Нет мне покоя нигде:

По двое, вижу,
Звери глядят из нор,

А среди веток
Птичья чета в гнезде.

Листьев касаюсь,
Вздох улетает вдаль,

Шелковый ворот
Влажен от горьких слез.

Добрая лошадь
Знает мою печаль,

Тычется мордой
В ладони мои и ржет.

Раньше мы были
Как рыбы в одном пруду,

Ныне — как звезды:
Нас разделил небосвод.

Радость былую
Где я теперь найду?

И одиноко
Горькая жизнь течет.

Небу доверься —
Станет на сердце легко.

Жаль только — небо
Слишком от нас далеко!

РЯСКА*

Волею ветра
На запад и на восток

Движется тихо
Ряски зеленый листок.

Время настало,
Я распростилась с отцом;

В доме супруга
Мой настоящий дом.

Усердно трудилась
С рассвета и дотемна.

А ныне укоры —
В чем же моя вина?

В сердце супруга
Была доброта одна,

Как с цитрою гусли —
В согласье муж и жена.

Но все изменилось,
И тот не вернется день,

И мы точно звезды —
Далекие Шан и Шэнь.

Перец душистый
Несет аромат полей,

Но он не сравнится
С прелестью орхидей.

Новой любовью,
Бывает, сердца полны —

Ничто не сравнится
С любовью прежней жены.

Бывает, вернутся
Ушедшие облака.

Милость супруга,
Увы, далека, далека.

Вздох одинокий
Слышит один небосвод.

Сердце больное
Разве участье найдет?

Солнце и месяц —
Неумолим их бег,

Жизнь человека –
Словно в пути ночлег.

Ветер печальный
За полог проник опять.

Слезы-росинки –
Их мне никак не унять..

Новое платье
Умело кроит рука...

Белые, тонкие,
Узорчатые шелка...

ПЕСНЯ

Клей да лак
Крепки, пока сухие,

А размочишь —
Станут мягче ваты;

Белый шелк
Подвластен всякой краске —

Как узнать,
Что белым был когда-то?

Я не сам
Жену свою оставил —

Клевета
В разлуке виновата.

ПОКИНУТАЯ ЖЕНЩИНА*

Возле дома дерево растет,
Не простое дерево — гранат,

Глянцевиты листья у него,
И оттенок их голубоват;

Превосходны красные цветы,
Лепестки сверкают и горят.

Стайка птиц, испуганно кружа,
Быстро опускается сюда.

Птицы машут крыльями, кричат,
Может быть, настигла их беда?

На гранате красные цветы
Не сменились завязью плода.

Я гляжу на птичью суету,
А душа печальна и грустна:

Нет детей — отправится навек
В дом отца преступная жена,

Подарит супругу сыновей -
Будто в небе яркая луна,

А бесплодье — худшее из бед,
Это ведь падучая звезда.

Неразлучны небо и луна,
До утра вдвоем они всегда,

А звезда падучая сверкнет -
И мгновенно сгинет без следа.

Мне прогулок радостных не знать,
Отдохнуть — увы! — не суждено,

Горькой и злосчастною судьбой
В жизни предназначено одно:

К Желтому источнику уйти,
Черепицей падая на дно.

Сон меня покинул в эту ночь,
Что была прозрачна и тиха.

Тяжкий вздох мятущейся души
Слился с долгим криком петуха.

Выхожу из дома своего
И блуждаю, ко всему глуха...

Замедляю слабые шаги
И опять вхожу в пустынный дом,

Занавески тонкие шуршат,
Я отодвигаю их с трудом,

Струн касаюсь, и певучий чжэн
В сердце отзывается моем.

И звучит взволнованно в тиши
Песнь о созревающих плодах;

Не могу сдержать мою тоску,
Слезы выступают на глазах.

Нет, гранат не может обмануть
Этих птиц, сидящих на ветвях.

У корицы тоже поздний плод,
Ждет корица — иней упадет.

Разве только летом и весной
Созревает самый лучший плод?

Я прошу супруга моего —
Пусть не знает горя и забот.

ФЕЯ РЕКИ ЛО*

Я покинул столичный город, возвращался в удел на восток. За спиной Ицюэ, Хуаньюань уже позади, и Тунгу прошел, изошел на Цзиншань. Солнце к западу шло, кони тащат коляску с трудом. Я коней приказал распрячь, где душиста трава; пусть пасутся, где чжи растет. В тополиной роще бродил-гулял, наблюдал за потоком Ло. И тут смутилась душа, встревожился дух, и мысли бегут-бегут... Вниз смотрю — ни одной души, вверх взглянул — увидел красавицу. На краю утеса стояла, и тогда я вернулся, вознице сказав: «Поїдем. Ты кого-нибудь видишь там? Разве может прелестным таким быть человек?» И возница мне отвечал: «Слышал я, будто фею этой реки в старину величали Ми-фей. Та, что видели вы, государь, не она ли? Каков ее вид, позвольте спросить?» И я отвечал ему: «Как вспугнутый лебедь парит, с летящим драконом изяществом схожа. Хризантемы осенней прекрасней она, сосна весенняя ей сродни. Похожа

на месяц — легкое облачко ее от очей скрывает. Порхает-порхает, точно снежинки, влекомые вихрем, влекомые долгим ветром. Глядишь на нее издалека: ярка, как солнце, встающее в утренней дымке; ближе она подойдет — вод прозрачных чистый и скромный житель — лотос. Не худа, не полна, сложена по законам гармонии. Плечи, будто точеная статуя. Статная. Нежно-тонкая талия. Стройная шея грациозно-изящная. Ясная, свет излучающая кожа. Ей ли нужна помада! Аромата пудры не знает. Прическа-туча высока-высока. Слегка, изящно очерчены брови. Красные губы блестят, горят белизною ровные зубы. Улыбается — ямочки на щеках. В зрачках — золотистые искры. Манеры ее — чудо. Нетороплива, стыдливо-целомудренна, сдержанна в меру. Как нежна, благородна как! Необычен наряд, неземной, особый; облик ее подобен картине. Тонкое платье переливается и свежестью блещет; больно для глаз сияние драгоценных сережек. Убор головной — золото с перьями зимородка; жемчужинок рой озаряет гибкое ее тело. «Дорога длинна-длинна» — названье узорных туфелек; накидка легка, шелк, словно туманная дымка».

И вновь я пришел на берег реки взглянуть на красавицу. Неуловим, тонок аромат, от нее идущий; к горному склону она медленно приближается. А потом вдруг, будто сбросив оцепенение, на крутом

утесе прогуливается, оживленная. Протянула белую руку свою к священному берегу, сорвала линчжи на краю стремительной быстрины. Чувство моей души к ее красоте влекло, сердце билось сильней, но грустен я был. Встретиться с феей мне кто сможет помочь? Легкой доверю волне речи свои. И пусть расскажет волна о помыслов чистоте; яшму-подвеску для феи Ло с пояса снял. Но правам была верна красавица фея Ло, блюла этикет она, понимала Книгу Стихов. Красную яшму берет, как ответный призывный дар, рукой указала в пучину вод: там встретимся мы. На чувства я наложил узду, а чувства мои глубоки; страх обуял: еже пропаду, обманет она. Легендой про юного Цзяо Фу внезапно был отрезвлен; стою, нерешителен, как слон, подозрителен, как лиса. Стремления прочь гоня, я стою непроницаемо-сдержан: мол, этикет удержал меня от бурных порывов. Устыдилась фея, приблизилась вдруг ко мне и скорее отпрянула прочь. Сиял-исчезал священный луч, светлело-темнело все вокруг. То будто в полет собралась, словно аист: только взмахнет крылами — и в небо; то шла по густой траве, благоухая, ступала по горной тропе — ароматом пахнуло. Пела о вечной любви долгую-долгую песню, звуки грустны и суровы, звуки протяжны. И тогда сонм духов явился, своих подруг зовя-маня. Играют прозрачных вод струей, парят над

островом фей, ищут они зимородка перо, в воде жемчуга. Две феи Сяна-реки, южные феи, не отпускают руки ханьской подруги. Вздыхают о Паогуа, звезде печальной и сирой, скорбно звучат слова о Пастухе одиноком. Причудливо так летят по ветру их одежды; ожидая чего-то, стоят, лица прикрыв рукавами. Сонмы фей легко парят, уток быстрей летят они, гребня волны коснутся чуть — чулки оросит водяная пыль. Законов нет движеньям их: крутой утес, спокойный плес, идут, стоят, уходят вновь, глаза — лучи, блестящий взгляд, горит-блестит лицо — нефрит, уста молчат — таят слова, в дыханье запах орхидей. Как грациозны, как милы... Что пища? Позабыл о ней, и все мирское отошло... И ветры тогда отозвал Пин И, владыка реки усмирил волну, ударил Фэн И в барабан, песню запела Нюй-ва. Конвой колесницы — рыб узорных летящие стаи; звенит колокольчик, он сзывает всех — улетаем. Голова к голове, величавы тут шесть драконов, далеко-далеко плавно несут облако-колесницу. Из глубин выплывает кит, поддерживая колеса, водяная птица вослед летит, как охрана. Вот и Северный позади островок, Южный кряж одолели. Белоснежную шею изогнула фея, взор ко мне обратила, с губ слетают слова печально, объясняет она дружбы великий принцип. Сожалела она о различье путей человека

и духа, роптала она: юность проходит, а мы не вместе. Заслонилась шелковым рукавом, слезы свои скрывая, но слезы текли ручьем, орошая ее одежду. Скорбела: встречи желанный час прерван уже навеки, вот, горевала, двое нас, вот — каждый уже один. Чем достойным меня наградить за чувство? Яркие серьги мне подарить из Цзаннани? Пускай в темноте обитает дух феи прекрасной, сердце, преданное мечте, мне отдано навеки...

Внезапно исчезла она со скалы высокой, сердце смутилось мое — сиянье лучей погасло. Нет ее тут, вновь поднимаюсь в горы; ноги идут, душа недвижима. Чувства сильны, думы о ней, вижу ее, сердце скорбит. Верится: вновь телесный увижу образ, бросился в челн и поплыл против теченья. Плыл бесконечной рекой, о возвращенье не помня. Думы одна за другой, боль нестерпима. Ночью уснуть не мог, скорбно-печальный. Иней на землю лег и увлажнил одежду. Утро пришло, велел запрягать коляску; путь на восток — следует ехать дальше. Вожжи в руках, плеть поднимаю повыше, мешкаю все, утес не могу покинуть.

СЮЭ ДАО-ХЭН

(ок. 550 г.)

СИСЯНЬ*

Плакучие ивы
затянули ветвями плотину,
И лотос нежнейший
окунулся по горло в струи.
На светлой дороге,
что ведет к опустевшему дому,
И персик и слива
лепестки разбросали свои.
Там дева из песни
шелковичные листья срывает,
Жена Доу Тао
вышивает тончайший узор.
Ее от супруга
разделяют застава и горы,
И ветер с луною
каждый вечер выходят в дозор.

За все блага мира
не могла б я сейчас улыбнуться,
Мне тысячей мисок
исчерпать мои слезы невмочь,
И пламенный феникс
за опущенным пологом скрылся,
Дракон надзеркальный
опустился за зеркалом вслед.
Несчастное сердце!
Ты мятешься ночною сорокой!
Я жду, изнывая:
о, когда же петух запоет!
Я вижу на крыше
разоренные ласточек гнезда;
Смотрю я на окна —
там паук паутину прядет!
Прошедшей зимою
ты далеко на север уехал,
А ныне на запад,
на запад ты держишь свой путь...
И я не имею
от тебя ни вестей, ни привета!
О, если б надумал
ты коня своего повернуть!

ШИЦЗИН

(600 г. до н.э.)

* * *

Если я люблю его всем сердцем,
Почему мне не сказать ему об этом?
Если жажду я его всем телом,
Почему мне не сказать ему об этом?

* * *

Плавно проносит река мимо берега тихие
струи.
Рыцарь и дева лежат над рекою в объятьях
друг друга.
О, как чиста и прозрачна вода, освещенная
солнцем!
Страстью своей насладясь, они дарят друг
другу шоны.

ЧЖАН ЦЗЮ-ЛИН

(673 – 740)

ГЛЯДЯ НА ЛУНУ, ВСПОМИНАЮ О ДАЛЕКОЙ

Над задумчивым морем
Поднялась луна в тишине.

Край небес весь заполнив собой,
Отразилась в волне.

Мне, влюбленному, ночь
Показалась уж слишком длинна.

Я свечу погасил.
Все залила сияньем луна.

Плечи платьем прикрыл, —
Вечера от росы холодны.

Почему не могу
Дотянуться рукой до луны?

Я б сорвал ее с неба,
Поднес бы любимой своей,

Но со мной ее нет,
Лишь во сне, может, встретимся с ней.

Доставлять мужчине удовольствие скорее способна женщина, у которой нет великих талантов и выдающихся свойств.

Конфуций (551—479 гг. до н. э.)

ЛИ БО

(701 – 762)

* * *

Пока она со мной была,
Моя чаровница,
Повсюду были цветы.
Когда ж от меня навеки ушла
Моя чаровница,
Все дни мои стали пусты.
Три года как нет ее со мной,
Моей чаровницы,
И никто ее не возвратит.
И лишь простыня на кровати пустой
Моей чаровницы
Ее аромат хранит.
Опавшие листья по ветру летят,
Хоть осень тепла и суха.
И капли росы как слезы блестят
На ковре из зеленого мха.

* * *

Попивая вино у горной тропы, я машу рукой,
Увидев, что мимо меня проезжает верхом
Красавица-дева из У, которой едва минуло
пятнадцать.
Я ей предлагаю вина, и, сойдя с коня,
Она подходит, мое приглашенье приняв, —
Красавица-дева из У, которой едва минуло
пятнадцать.
Я сажаю ее на колени, от взгляда ее охмелев,
А она, от вина моего осмелев,
Соглашается мне отдаться.
О, это утро у горной тропы, согретое солнцем
вино
И неистовый жар ее ласк —
Красавицы-девы из У, которой едва минуло
пятнадцать.

ЧЖАН ЦЗИ

(725? –780?)

ПЕСНЯ ВЕРНОЙ ЖЕНЫ

(Посылаю начальнику приказа работ в Дунпине Ли Ши-дао)

Я замужем, сударь,
вы знаете это прекрасно
И все же подносите
мне две жемчужины ясных.
Я очень растрогана
родственным вашим подарком,
Его приколоть
я на кофте хотела бы красной.
Но сад государя кончается там,
где дом возвышается мой,
И должен мой муж во дворце Мингуан
хранить государя покой.
Я думаю, сударь, как солнце и месяц,
намеренья ваши чисты,
Но я ведь супругу на жизнь и на смерть
с ним вместе идти поклялась!

И я возвращаю подаренный жемчуг,
и слезы бегут из очей:
Когда еще замужем я не была,
зачем я не встретила вас?..

ТУН ХАЙ

* * *

Прошла гроза, умолкнул гром на время,
до поры.
Пролились облака дождем с Нефритовой горы.
Почти без сил, едва дыша (чему я очень рад),
Встает подруга не спеша, чтобы надеть халат.
А в затуманенных очах еще мерцает свет
Пожара страсти, что зачах лишь после ста
побед.

ВАН ВЭЙ

(701 г. – 761 г. н.э.)

ПРОВОЖАЮ ШЭНЬ ЦЗЫ-ФУ В ЦЗЯНДУН*

На ивовой переправе
Безлюдно и молчаливо.

Гребцы налегли на весла –
Ты скрылся в дымке седой.

И все же тоска о друге,
Подобно весне счастливой,

С юга на дальний север
Последует за тобой.

БЕРЕГ В ЗАРОСЛЯХ КИЗИЛА

Красные и зеленые
Плоды на ветвях созрели, —

Будто весною раннею
Цветы зацвели опять.

В горах задержу я гостя
Желанного. Неужели

Кизиловую настойку
Не будет он вышивать?

ВДОВА КНЯЗЯ СИ*

Пусть повелитель
Любит все сильней, —

Ей не забыть
Любви минувших дней.

Она тоскует,
Над цветком склонясь, —

Ни слова не услышит
Чуский князь.

БАНЬ ЦЗЕ-ЮЙ*

1

На полет светляков
Потихоньку гляжу я в окно,

А гостей голоса
Во дворце отзвучали давно.

Мне уже не заснуть —
Сторожу одинокое ложе, —

И светильнику, видно,
Гореть до утра суждено.

2

Давно дорожка
Поросла травой,

И государь
Немилостив со мной.

И не могу я слышать
Голос флейты:

Слежу
За колесницей золотой.

3

Я терем закрыла —
Приют опостылевший мой.

Где ты, государь?
Ты не встретишься больше со мной?

В саду за окном
Не смолкают весь день разговоры,

И песни, и смех...
Хорошо веселиться весной!

ХАНЬ ЮЙ

(768 – 824)

ПЕСНЯ О НЕВЫСОКОМ СВЕТИЛЬНИКЕ

В восемь пядей бывает высокий светильник,
Только он бесполезен подчас;

А светильник всего лишь в две пяди — и ярче
И приятней бывает для глаз.

Желтый занавес. Полог зеленый. Закрыла
Я пурпурную дверь за собой;

Но ненастные ветры с холодной росою
Проникают в печальный покой.

Я крою для далекого путника платье,
Мне туман застилает глаза.

Подправляю фитиль и светильник к постели
Придвигаю, пока не погас...

Он уехал в Дунлу, чтоб в Великой науке
Совершенного знанья достичь.

На экзамен отправился двадцатилетним
И еще не вернулся домой.

Пишет тоненькой кисточкой мелкие знаки
И от чтенья совсем изнемог.

Голова побелела, как снегом покрылась,
И глаза плохо видят впотьмах.

Мы решили когда-то, что будем друг другу
Помогать средь житейских тревог.

Только если все ночи читать до рассвета,
Тут и сон не придет на порог!

«Будет время, — сказал ты, — богатым
и знатным
Я на родину к милой вернусь,

И при свете большого светильника яшма
Засверкает в твоих волосах...»

Но, увы! Как бы мы ни мечтали с тобою, —
По-другому решила судьба.

Посмотри, господин, — твой печальный
светильник
У постели стоит одинок.

ЮАНЬ ЧЖЭНЬ

(774 – 831)

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

1

Младшая дочь
В почтенном семействе Се,

Младшая дочь,
Тебя полюбили все.

Но выдали замуж —
И все повернулось не так.

Подобно Цянь-лоу,
Твой муж был честный бедняк.

Я был без одежды,
Но ты не вздыхала в тоске,

Одежду искала,
Роясь в своем сундуке.

Вина мне хотелось —
И без упреков и слез

Последнюю шпильку
Вынимала ты из волос.

Дикие травы —
Обычная наша еда,

Но ты не роптала,
Довольной была всегда.

Опавшие листья
Шуршали в твоих руках —

Скудное топливо
Для нашего очага.

Теперь я имею
Больше ста тысяч монет.

Зачем мне все это?
Тебя уже в мире нет.

2

Когда-то мы в шутку
Пытались представить на миг,

Что станется, если
Умрет один из двоих.

А ныне все это
Я пережил наяву:

Тебя уже нету,
А я вот еще живу.

Я роздал одежды
Из твоего сундука.

Мне больно их видеть:
Их шила твоя рука.

К слуге и служанке
Ты относилась тепло.

Хорошее чувство
Теперь ко мне перешло.

Ночною порою
Я вижу тебя во сне.

Жертвенных денег
Я много сжег на огне.

Такие страданья
Знакомы любому из нас.

Но горечь разлуки
Сильнее во много раз

Для тех, кто с супругой
Влачили бедности дни,

Кому не сияли
Радостные огни.

3

Сижу, одинокий,
Покорный своей судьбе,

И горестно плачу
О тебе и себе.

Разве, скажите,
Долог наш бренный век?

Пусть даже столетье
Живет на земле человек.

Остался бездетным
До самой смерти Дэн Ю,

В велении неба
Узнал он судьбу свою.

Горька и печальна
Элегия Пань Юэ,

Ее написал он
Усопшей своей жене.

Я тоже стихами
Выразил скорбь мою

И так же бездетен,
Как некогда был Дэн Ю.

Я рядом с тобою
Лягу в глубокий склеп.

Тебя я не увижу:
Я буду и нем и слеп.

Надеяться, верить...
Как трудно на то уповать,

Что в жизни грядущей
Я встречусь с тобой опять.

За все твои муки,
За огорченья твои,

За грустно-печально
Сведенные брови твои

В тоске безысходной
Глаз не сомкну, скорбя.

Лишь этим могу я
Отблагодарить тебя.

ЛИ ШАН-ИНЬ

(812–858)

НОЧЬЮ В ДОЖДЬ ПИШУ НА СЕВЕР

Спросила ты меня о том,
Когда вернусь к любимой в дом.
Не знаю сам. Пруды в горах
Ночным наполнились дождем...
Когда же вместе мы зажжем
Светильник на окне твоем,
О черной ночи говоря
И горном крае под дождем?

ВЭНЬ ТИН-ЮНЬ

(818 – 872)

* * *

В слезинках тает красная свеча,
Дурманит яшмовых курильниц аромат
На всем тоскливой осени печать.

Сурьмою брови чуть подведены,
Небрежно прядь спадает на висок...
А ночь длинна, подушки холодны!

Давно за полночь. Дождик льет и льет,
Тревожно шепчутся удуны под окном...
И без того разлуки час гнетет!

Под дробь дождя о гулкую ступень
Приходит хмурый и ненастный день.

НЮ СИ-ЦЗИ

(880? – 930?)

РАЗЛУКА

Над вешними горами дымка
Растает скоро.
Уже светлеет на востоке
И гаснут звезды.
Озарена последним светом
Луны неясной,
Ты тихо льешь разлуки слезы
Туманным утром.

Мы говорили долго-долго
Слова прощанья,
Но недосказанного много
Осталось в сердце,
И, оглянувшись, говорю я
С тобою снова.

Цвет платья твоего зеленый
Мне мил навеки.
Повсюду на траву я буду
Глядеть с любовью!

ЧЖАН СЯНЬ

(990 – 1078)

* * *

Песне «Шуйдяо» внимаю с кубком вина в руке.
Отдых прошел полдневный, я ж и сейчас в тоске:

Я весну провожаю — вдаль уходит она.
Разве она вернется? Разве придет весна?

Жизни моей, я вижу, близок уже закат,
Помню свои надежды, боль и горечь утрат,

Прошлое так далеко, мы его не вернем,
Тщетны воспоминанья и сожаленья о нем.

Селезень с уткой у пруда. Сумерки. Тишина.
В облачные прорывы вдруг выплывает луна.

Свет заслоняя лампы, падают складки шелков;
Полог зеленый опущен. Тень легла от цветов.

Только что люди уснули. Ветру покоя нет,
Завтра по всем тропинкам ляжет опавший цвет.

ЯНЬ ШУ

(991 – 1055)

* * *

Астры подернулись
Дымкой тоски и печали.
Крупные слезы
На лепестках хризантемы.
Полному месяцу
Горе понятно едва ли:
Люди в разлуке,
Дали печальны и немы.

Шелковый полог
Не защищает от стужи.
Западный ветер
Ветви деревьев ломает.
Где же ты, ласточка?
Мне ведь все хуже и хуже.
Месяц на небе
Этого не понимает.

Если б могла я
Отправить письмо жар-птицу!
С башни высокой
Вдаль я гляжу удрученно.
Ныне куда он умчится?
Горы огромны.
Широкие реки бездонны.

ЛЮ ЮН

(Ок. 1050 г.)

МИМОЛЕТНАЯ РАДОСТЬ

Нашей страсти помню первый день я:
Вечно вместе быть поклялись руки.
Знала ль я, что радость наслажденья
Сменят чувства боли и разлуки?

Эта боль пришла ко мне в апреле,
Все вокруг меня цвело бурливо.
Я боюсь лишь, что природы прелесть
С ним умчится прочь, как пух от ивы.

Жаль, что я его не удержала,
Сердце с ним расстаться не сумеет.
Мысль о прошлом грудь невольно сжала.
Кто же одиночество развеет?

Он сердца людей пленять искусен,
Он и благороден и изящен.
И не вспоминать о нем стремлюсь я —
Все же брови хмурятся все чаще.

О женщине лично не должно быть слышно за пределами ее дома.

Конфуций

ЧЖУ ШИ-ЧЖЭНЬ

(ок. 1200 г.)

* * *

Как четко видны на холмах павильоны,
Беседки, кустарники — в зеркале вод!..
А осень давно золотистые кроны
Зеленым деревьям в подарок несет.
Зачем этот феникс на пологе вышит?
Сегодня я занавес свой опущу...
Далеко мой друг... Пусть никто не услышит,
Что я этой ночью — как прежде — грущу.

Нет, — полог узорный у входа откинув,
Я буду бродить, онемев от тоски,
И, брови в раздумье мучительно сдвинув,
Следить, как, сверкая, летят светляки...
О, как я двурогому месяцу рада!
Я рада, что нынче луна не кругла!
Сегодня мне яркого света не надо —
Я свет полнолунья снести б не могла.

* * *

Одна брожу... как пуст мой дом!
Тоскливо мне одной.

Стою недвижно под окном
Наедине с луной.

Сегодня даже гостя нет,
Чтоб мне стихи читал, —

Чтоб мне стихами дал ответ
На те, что услыхал.

Стою недвижно. Холодок
Закрался в грудь ко мне,

И в лампе огонек продрог, —
Он гаснет в тишине.

От слез увянет красота...
Кто мне ее вернет?

Потух светильник... Темнота!
А сон все не идет.

楊太真

ЧЭНЬ ЮАНЬ-ПИН

(Ок. 1240 г.)

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ОСЕННЕГО ВЕЧЕРА*

Грустишь, и за цветами лотоса
Не тянется твоя рука.
Перед тобою — опустевшая,
В тумане осени, река.

Вечерним солнцем освещенные,
Вдаль гуси дикие летят.
Тебе глубокой этой осенью
Они отрады не сулят.

Ты хочешь боль из сердца выбросить,
А боль становится острей —
И вот ложится, непокорная,
На дуги тонкие бровей.

Стихами излила любовь свою —
Отослан красный тот листок...
Но воду под мостом узорчатым
Река уносит на восток.

Взглянув на терем свой, подумала,
Что незачем идти домой,
Хотя давно уж над дриандрами
Поднялся месяц молодой.

МАО ЧЖИ-ЮАНЬ

(Ок. 1250 г.)

ШОУЯНСКАЯ ПЕСЕНКА*

Ты уехал. Тоской затуманен мой взор.
Нет вестей никаких от тебя до сих пор...
«Убивает нещадно людей равнодушье».
О тебе я со всеми веду разговор —
Но не слышно тебе, не горят твои уши...

Одиноко в покоях своих я сижу,
Прошлый март вспоминаю и горько тужу —
Как тогда, расшумелась зеленая ива...
И на персиков цвет я веселый гляжу...
Ты был рядом тогда... А одной так тоскливо...

Утомленно порхают кругом мотыльки,
Слышу иволги песню в лесу у реки.
Зной. Природа в вечернем бездействии тонет.
На земле неподвижно лежат лепестки,
Ветерок занавески жемчужной не тронет.

От печали разлуки спасения нет —
Кто бы мог исцелить от бесчисленных бед?
Есть один только врач — мой любимый, далекий.
Лишь коснется меня — сгинет горести след
И недуг меня больше не тронет жестокий.

В новогоднюю ночь разлучились мы вдруг,
Ты уехал. И жизнь потекла сиротливо.
Потому и шумит так уныло бамбук,
Лепестки осыпает дрожащая слива...

И окончился сон. Опьяненье прошло.
Догорела свеча в уголке моем скромном,
Тишиной безотрадной меня облекло,
А луна на ущербе в окне полутемном...

ГУАНЬ ЮНЬ-ШИ

(Ок. 1280 г.)

* * *

У окон раскрытых
сидим на подушках,
беспечно поем;
Теснее прижались,
обняли друг друга —
счастливы вдвоем!
Мы стражи считаем,
и ждем, и боимся —
разлука близка!
Четвертая стража прошла,
но остались
любовь и тоска!
Но страсть не остыла,
а ночь промелькнула,
как ткацкий челнок.
О мудрое небо!
Продли нам свиданье
еще на часок.

ЧЖАН КЭ-ЦЗЮ

(Ок. 1300 г.)

ОСЕННЯЯ ТОСКА

На облаках холодных
пишет строки

Гусей летящих
стройное движенье.

Вот в зеркале,
как феникс одинокий,

Красавицы печальной
отраженье.

Тоску осенний ветер
навевает,

Не видеть мужа —
худшая из пыток.

Красавица
тоскливо напевает,

Подогревая
на огне напиток.

Нет отблесков огня
на стенах белых,

Покрыла ночь
все вещи черным лаком.

А женщина
немного опьянела,

Сменился легкий сумрак
полным мраком.

* * *

Я стою под лучами
заходящего солнца.
Травы густые,
словно стена...
Сердце чувствует горечь
неизбежной разлуки,
Выпит последний
кубок вина.
Для меня снарядили
быстролетную шлюпку
Под пестрым флагом,
с пышной кормой.
На лугу ожидает
быстроногая лошадь,
Она доставит
тебя домой...
И быстрее, чем мог бы
вскрикнуть раненый ястреб,

Чем пал бы с ветки
персика цвет,
Чем впитала б суша
каплю вешнего ливня, —
Мы разлучились
на много лет!
И уже под лучами
заходящего солнца
Лодка плывет
по тихой воде,
И смотрю я с тоскою
на закрытые окна...
Где ты,
моя красавица?
Где?

СЮЙ ЦЗАЙ-СЫ

(Ок. 1300 г.)

ВЕСЕННИЕ ЧУВСТВА

Любовь мы выдали движением бровей,
И догадалась мать сначала;
А позже страсть блеснула из очей
И для чужих заметной стала.
Потом молва о нас среди людей
По всей округе побежала,
Родные разлучили нас скорей.
И половина в том вины моей,
Но и твоей вины — немало!

ЛЮ ЦЗИ

ПЕСНЯ СОЛДАТА, УХОДЯЩЕГО В ПОХОД

Солдат, уходя в поход,
жене своей говорит:
— Останусь я жив иль нет —
можно ли угадать?
Но я у подземных недр
согласен стать на посту,
Когда бы мне знать, что ты
сына мне родила.

ХЭ ЦЗИН-МИН

(1483 — 1521)

* * *

Вечерняя спустилась мгла,
И дом от ветра задрожал;
Роса холодная легла
На шелк роскошных одеял.
Тоскуя, думаю о том,
Кого в пути застанет ночь;
Я вся в слезах о дорогом,
О, если бы ему помочь!
Руками белыми держа
Концы просторных рукавов,
Бреду, по комнате кружа,
И гулок звук моих шагов.
Отсюда слышно, как вальки
В тиши морозной, где-то там,
На темном берегу реки,
Стучат по вымытым камням.
Несется к облакам их звук,

Будя в душе моей печаль,
Во мраке затихает вдруг
И с ветром улетает вдаль.
Луна плывет, одета тьмой,
Звезда горит, как уголек.
Их видит и любимый мой,
Но от меня он так далек!..
Душа торопится к нему,
Но возвращается она,
И ночь похожа на тюрьму,
Что злыми пытками полна.
Пускай за десять тысяч ли
Мой господин, — он так любим,
Что сердцем я на край земли
Лечу, ничтожная, за ним.
Все дни, все ночи напролет
Тоску по нем несу в себе.
Разлука все сильней гнетет;
Бездонны мысли о судьбе.
Но нет уж слез в глазах моих.
Под лампой — черный лак стола,
Сиянье ножниц золотых
И серебристая игла.
Я ояс радости крою
Для господина моего.
Вернется он в свою семью
И поспешит надеть его!

ФЫН МЭН-ЛУН

(1576 – 1646)

ПОСЫЛКА ПИСЬМА

Ты посылаешь письма беспрерывно,
В них даже о погоде пишешь дивно.
А занимательного мало, милый мой.
Но если тысячу ты их пришлешь за сутки,
Они отыщут в сердце отзыв чуткий,
Докучливой не будут болтовней.

О письма, письма! Ценного в вас мало.
Пустая вещь! Но трудно жить без вас.
В те дни, когда я вас не получала,
Невольно слезы капали из глаз.

Идеальная женщина должна быть благорасположена к другим женщинам, которых может взять в свой дом ее повелитель, но сама же она может выйти замуж только однажды. Муж для нее — само Небо. Есть лишь одно Небо. Искать еще одно Небо в этой проходящей жизни — значит предрекать себе беду.

«Нюйцзе». Конфуцианский трактат

МАО СЯНЬ-ШУ

(1620 – 1686)

ПЕСЕНКА «КРОЮ ОДЕЖДУ»

Опять дорожную одежду
Крою для мужа моего, --
Без мерки, хоть не та, что прежде,
Теперь фигура у него.
Крою я новую одежду,
А слезы старые бегут;
Я утюгом их след прилежно
Скорей заглажу там и тут. --
Ведь господни, увидев пятна,
Вернет одежду мне обратно!..

СИН ДЭ

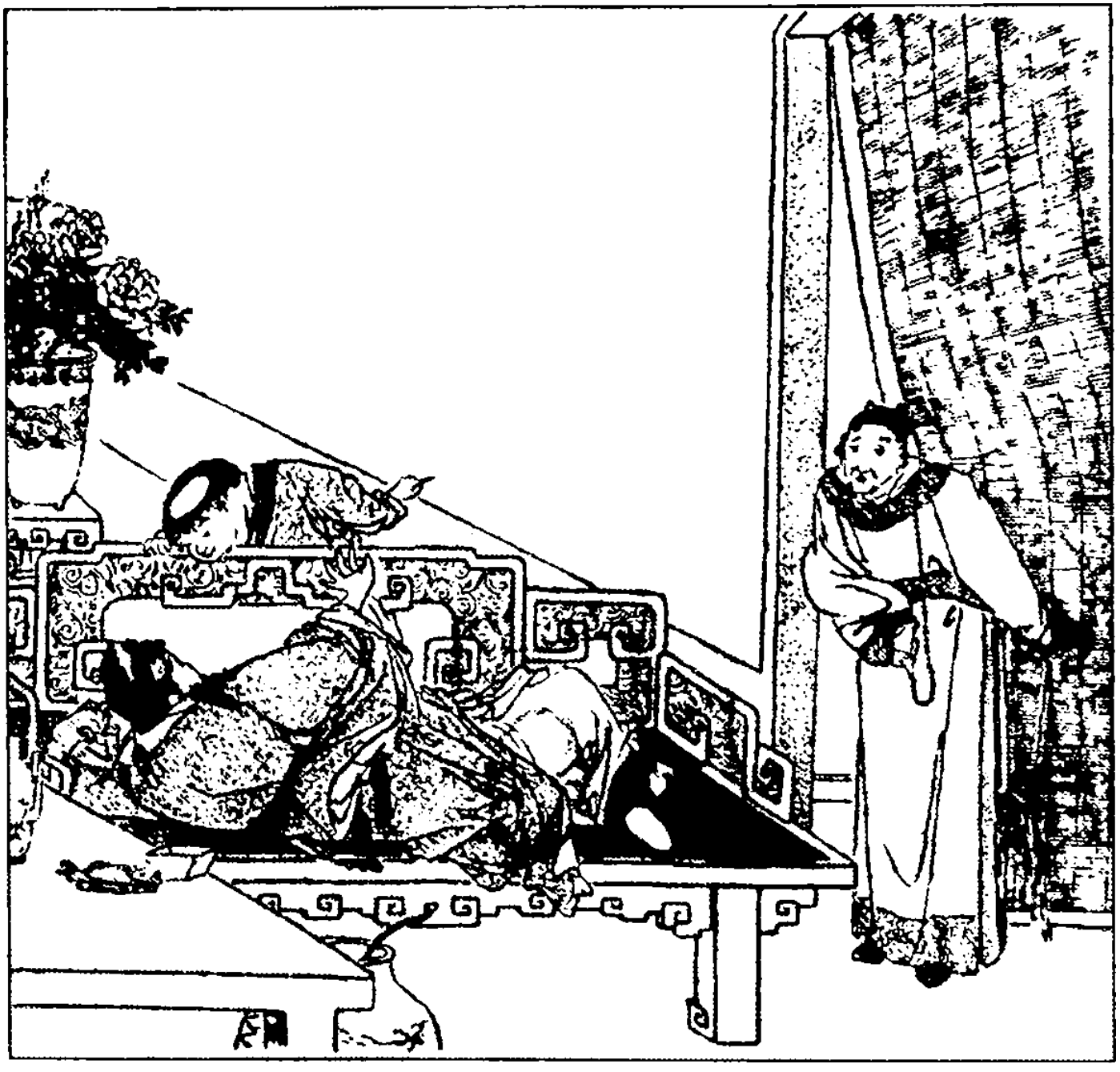
(1655 – 1685)

* * *

Я не сержусь, нет, я жалею
Того, кто бросил город свой родной...
Когда с тобой мы здесь гуляли,
Цвели сады чудесною весной.
А нынче нет тебя со мною,
И мне гулять приходится одной.
Подобно пурпурному ливню,
По воздуху кружатся лепестки,
И от ветвей склоненной ивы
Слетает пух туманом вдоль реки,
А я стою в лучах заката,
Смотрю — и сердце рвется от тоски.

* * *

Когда луну
    я вижу в ясном небе,
Я не могу
    ее не пожалеть —
Одну лишь ночь
    она глядит колечком,
А там все время —
    четверть или треть.
Но если б ты луной сияла в небе,
То я бы и туда к тебе проник
И, несмотря на страшный лунный холод,
Сумел бы сделать пламенным твой лик!..
Но что сказать —
    нет средства от разлуки,
Жизнь движется и ярко и светло,
Над кружевной моею занавеской
Мелькнуло бойкой ласточки крыло...
Трещат в высоких зарослях цикады...
Я песню спел,
    а горе не прошло.



ЧЖАО ЦИНЬ-СИ

(1790 – 1847)

НАПИЛСЯ ПЬЯНЫМ

Дождалась — домой вернулся!
Уж давно сгустилась тьма.

Бледный месяц показался
За оконной кисеей.

Чашку чая приготовив,
Подала ему сама.

И ругаю и ласкаю,
А бедняга — сам не свой.

Смотрит мутными глазами,
Как в туманном полусне.

Стану спрашивать, — ответил
Хоть бы фразою одной!

Лишь ногой качает туфлю
Да, измученный, ко мне

Все склоняется уныло,
Будто ива над водой.

ГУН ЦЗЫ-ЧЖЭНЬ

(1792 – 1841)

ПИШУ О ЖЕЛАНИИ*

Далеко за туманом алый терем.
В заоблачные выси смотрит он.
Угадываю линии его
Неясные и чистые, как сон...
Осеннее безмолвие нарушив,
На озере Тайху запела флейта.
Беру стихи любимые с собой,
Иду с тобою к лодке расписной.
За туалетным ящичком ты сядешь,
А рядом — я... Курильницу зажгу,
Чтоб усладить тебя благоуханьем.
Я опускаю занавесь из шелка,
Мне дела нет до осени унылой,
Мне дела нет до хмурого дождя:
Ты волосы причесываешь рядом.
Без устали смотрю я на тебя.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НЕ РАЗГЛАДИТ УТЮГ...*

Не разгладит утюг над бровями морщин,
И тоску не измерит портновский аршин.
В изможденном страдальце меня не узнать,
И триграммы Вэнь-вана не могут сказать —
Обрету ли когда-нибудь счастье с тобой?
«Брось!» — твержу я себе, истомленный
борьбой.
Но из сердца тебя я не в силах изгнать,
И любовную боль мне ничем не унять. —
Если сделался сердца рабом человек,
Со свободой он должен проститься навек.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПРИХОДИ ЧАЩЕ

Когда приходить ты ко мне –
меня ты не находишь,
А если дома я сижу –
ко мне ты не приходишь.
Ко мне заходишь ты с тех пор,
как я с тобой знакома,
Но почему-то лишь тогда,
когда меня нет дома.
Коль хочешь ты застать меня –
прийти сегодня надо,
И, буду дома или нет, –
я буду очень рада.
Почаще только приходи,
и ждет тебя награда:
Почаще только приходи –
и быть того не может,
Чтоб дома не было меня;
настойчивость поможет.

Но если часто приходить
ко мне не перестанешь,
Меня ты дома никогда,
пожалуй, не застанешь.

ХУАН ЦЗУНЬ-СЯНЬ

(1848—1905)

ИЗ «ГОРНЫХ ПЕСЕН»

* * *

Девушка в семье одной
стала молодой женой,
И глядятся в зеркала
все подруги день-деньской.
Свадебного барабана
не смолкает громкий бой,
Ну, а сердце повторяет
только возглас: «Милый мой!»

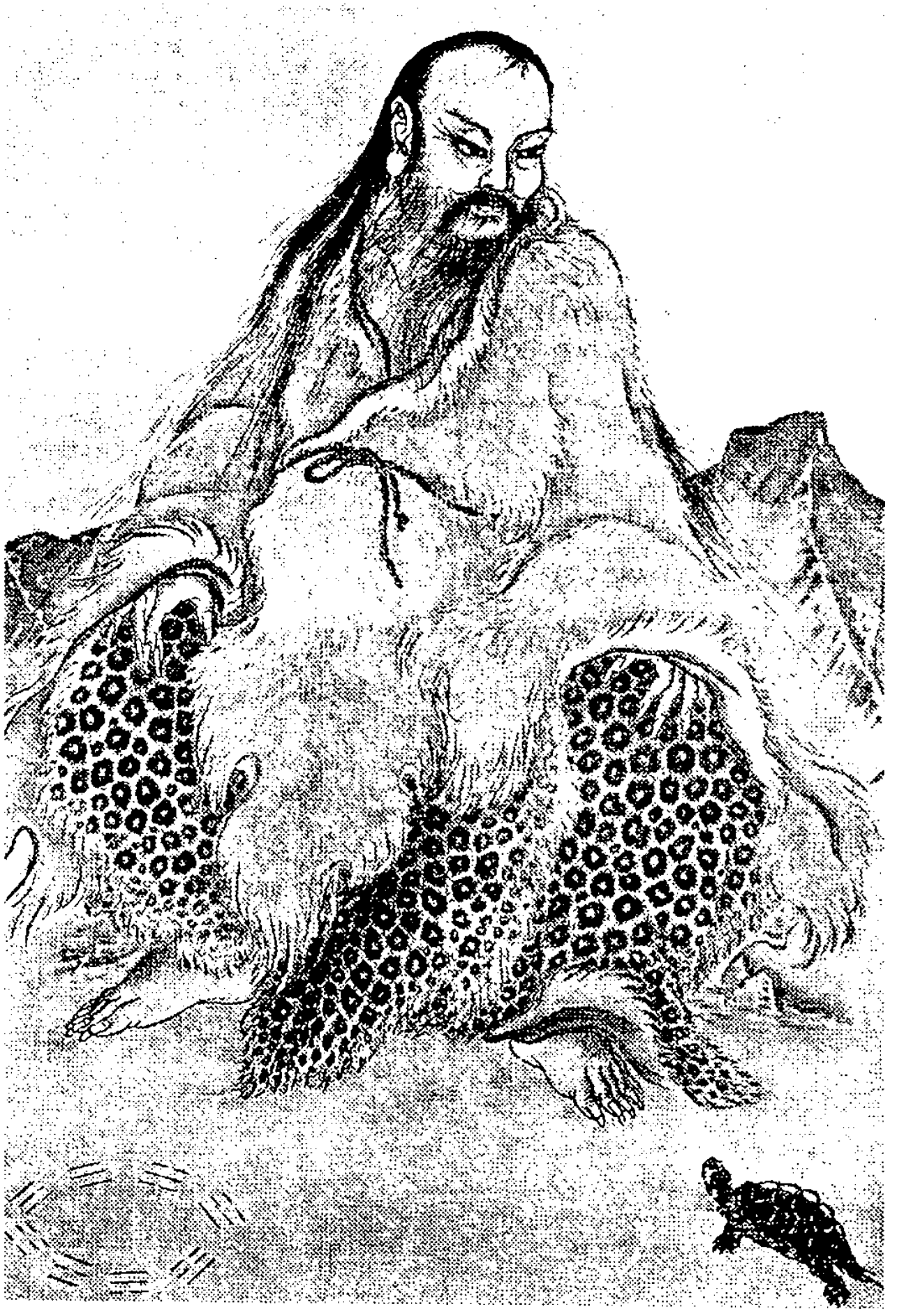
* * *

Все хотят, чтоб и за гробом
нити дружбы не рвались,
Ну, а мне связать бы только
с милым нынешнюю жизнь.
Вместе мы часов двенадцать,
а никак нам не расстаться.
С ним сидим, стоим иль ходим —
плечи словно бы срослись.

* * *

Лет тринадцать миновало,
как мой милый — мой супруг.
Но, расчесывая косы,
я взгрустнула нынче вдруг.
Вспомнилось, как я с тобою
кров впервые разделила,
Вспомнилось, как засыпал ты
на моей груди, мой друг.

Любовь меня иссушила



ЮЭФУ
НАРОДНЫЕ ПЕСНИ*

ПЕСНИ НА МОТИВ «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

ВЕСНА

* * *

Волнующий ветер
Рождается в дни новолунья.
В лесах молодых
Зацветает цветочный покров.
Резвятся там пары
При свете весенней луны,
Смеются и шутят,
Друг друга влекут за одежды.

* * *

Она привлекает
Веселым и ярким лицом.
Весь облик ее
Миловиден и нежен!
Чуть ветер весенний
Повеет к ней в окна теплом, —
Ткачиха за прялкой
Исполнится чувством весенним.

* * *

В девичьих покоях
В начале луны полумрак.
Шелками узорными
Ветер весенний играет.
Весной переполнена,
Песни не в силах я петь.
Настойка с корицей
Рождает любовное чувство.

* * *

Кукует кукушка
В бамбуковых зарослях где-то.
Цветущие сливы
Лепестками покрыли дороги.
Веселые девушки
Гуляют в весенние месяцы,
Узорными юбками
Задевая пахучие травы.

* * *

Багряный закат озарил
Зеленую чашу садов.
Распустились цветы
Алых звезд в небесах.
Как могу вышивать
Одиноко в покоях своих,
Когда каждый сейчас
Полон чувством весенней любви?

* * *

Тонкое облако
Украшает багряный закат.
Запах цветов
Ветер душистый доносит.
Красавица ходит
В цветущем весеннем саду,
И шелковый пояс
Летает средь вешних цветов.

* * *

Как ярки у ней
Рукава из багряного шелка.
Заколки из яшмы
И серьги светлее луны.
Красиво ступая,
Гуляя по росам весенним,
Красавица ищет
Того, кто по сердцу придется.

* * *

В весеннем лесу
Так красиво цветы распустились.
Весенние птицы
Так грустно поют о любви.
Весенние ветры
Такое приносят волненье —
Меня овевая,
Одежды моя раскрывая.

* * *

Ласточка первой
Запоет на рассвете весной.
Следом кукушки
Закукуют, друг другу мешая.
Соловей, свою песнь
Заструив, позабудет прервать.
Мы гуляем, и птицы
В нас будят весенние чувства.

* * *

Изящно и нежно
Взмахнет рукавами, танцуя.
Так вьется и гнется
Все гибкое, легкое тело,
Что кажется, будто
То пляшет цветок орхидеи,
И образ, растаяв,
Оставит весенние чувства.

* * *

Гибка и нежна,
В лучезарном волнующем танце
То петлей, то зигзагом
Пройдет и поет свои песни.
В изумрудных одеждах
Отражаются светлые блики.
Лишь увидишь ее —
Возникнет любовь в твоем сердце.

* * *

Ясный месяц сегодня
Озаряет лавровую рощу,
Там цветы молодые
Подобны расшитому шелку.
Кто же может сейчас
Не томиться весенней тоскою
И сидеть одиноко
В покоях за ткацким станком!

* * *

Предчувствую сердцем
Тот месяц весенних цветов,
Когда я с улыбкой
Тебя задержу на дороге.
При встрече меня
Ты из многих захочешь избрать;
Любви я достойна,
Ты в том сомневаться не можешь.

ЛЕТО

* * *

Высокий мой дом
Не имеет ограды вокруг
И ветер к себе
Со всех привлекает сторон.
Тот радостный ветер,
Одежду на мне распахнув,
Волнует меня,
Наполняет весельем и смехом.

* * *

В тревоге мечусь
По цветами расшитым коврам.
И полог спешу
Задернуть, чтоб ты не вошел.
Любимому рано
Предстать предо мною сейчас.
Пускай подождет,
Пока наряжаться закончу.

* * *

Если с весны
У тебя не будет любимой,
То в осень и зиму
Ненастнее жизнь твоя станет.
Мы вместе резвимся
В горячее летнее время,
И чувства взаимны,
И наши желания слитны.

* * *

Разлукой весенней
Любовь укрепится твоя.
Ты летом вернешься —
И станет сильнее любовь.
Свой шелковый полог
Ты для кого отогнешь
И для кого ты
Вторую подушку положишь?

* * *

Веер складной
На постель свою брошу устало.
Жду в нетерпенье
Прихода далекого ветра.
Взмахну рукавом,
Отряхнув цветные уборы,
И ветру навстречу
Взойду на высокую башню.

* * *

Персик созрел —
Значит, персик съедят.
Милый веер мне дарит
С орнаментом «слитная радость».
Я томлюсь и волнуюсь,
Желанья сердец наших слитны,
Я в девичьих покоях
Свидания жду с нетерпеньем.

* * *

В шелководстве и в поле
Все работы закончили мы.
И мы думаем с грустью,
Как натружены наши тела.
Мы для жаркой поры
Понашили бы легкой одежды,
Подарили б ее
Тем бездомным, что мимо идут.

* * *

Я утром всхожу
На башню, где ветер прохладный,
А ночью скрываюсь
Среди орхидей на озерах.
Восходит луна,
И лотосы я собираю,
И каждую ночь
Срываю я новый цветок.

* * *

Да, лето в разгаре:
Нет ветра, и тихо повсюду,
И легкие тучи
Лишь вечером в небе мелькнут.
Мы, за руки взявшись,
В густую уходим листву,
Где стебли сплелись
И яркие ягоды скрылись.

* * *

Как гетере ни шла
Косынка зеленого цвета,
Но весна на исходе,
И знак этот снять ей придется.
Сорока в лесу
Меняет свое стрекотанье,
И летом цикады
Иначе поют по лесам.

* * *

В дни жаркого лета,
В сухие и знойные дни
С собой постоянно
Я веер раскрытый ношу.
Нежна и прекрасна
Девица нефритовой башни.
Красиво ступая,
Гуляет в прохладном дворце.

* * *

Кончается лето,
А в сердце любовь все сильнее.
Свое одиночество
Больше терпеть я не в силах.
Пыль с белой циновки
Душистым платком я сметаю,
Чтоб вместе с любимым
Взойти в помещенье для сна.

* * *

Из легкого шелка
Одежды я сшить не успела,
А ветер горяч
И не может меня охладить.
Когда же пройдет
Это жаркое, душное время,
Чтоб пудру, румяна
Смогла на себя наложить?

* * *

В дни летнего зноя
На праздниках мы не гуляем,
Но думаем мы
О любовных свиданьях всегда.
Катаемся в лодках
На озере лотосов нежных
И там вспоминаем
Любимых средь ярких цветов.

ОСЕНЬ

* * *

Стал ветер свежее,
И стали прохладными дни.
Луна в небесах
Как будто яснее и выше.
Все девушки шьют
Для зимнего времени платья,
А жены стирают —
Вальками, пестами трудятся.

* * *

Прозрачные росы спустились,
Блестя, как нефриты.
И ветры прохладу
Приносят ночною порой.
Кто любит — не может
Сегодня под крышей улечься, —
Гуляет и бродит
При свете осенней луны.

* * *

По сердцу пришлась ты
Мне в самую жаркую пору.
А нынче, увы,
Кончается поздняя осень.
Хотел бы вернуть
Ту начальную полную радость,
Как будто не знаю,
Что время цветенья прошло.

* * *

Порывистый ветер
Подул на осеннем закате,
На небе луна
Зажигается блеском осенним.
Мы, за руки взявшись,
Гуляем, играем все вместе.
И двор оживляют
Веселые лица подруг.

* * *

Осеннею ночью
Поднимется ветер прохладный,
И в небе яснее
Сияют и звезды и месяц.
В девичьих покоях
Торопятся стать понарядней,
Под пологом ярким
Любимого ждут на свиданье.

* * *

Окно распахнул
Прохладного ветра порыв,
И месяц, клонясь,
Шлет в спальню косые лучи.
Всю ночь напролет
Там слова никто не промолвит,
Лишь слышно, как двое
Под пологом шитым смеются.

* * *

С той самой поры,
Как расстались с тобою, любимый,
Ни дня не прошло,
Чтоб не думала я о тебе.
Тревожусь всегда,
Что осенние листья опали
И впредь никогда
Не увижу зеленых ветвей.

* * *

Приходит к нам холод
В восьмой и девятой луне,
И я одиноко
Мотаю за прялкою пряжу.
Еще не готово
Для зимнего времени платье.
Коль милый покличет,
То что же мне делать тогда?

* * *

Любуюсь я осенью
Парами диких гусей,
Весною люблю
На ласточек пары смотреть.
Но сокол осенний
Сроднится с подругой фазана,
И больше никто
Подругу фазана не встретит.

* * *

И утром и вечером
Падают белые росы,
Осенние ветры
Печалят мне долгую ночь.
Я знаю, мой милый
Нуждается в теплой одежде, —
При свете луны
Я белую пряжу сучу.

* * *

Осеннею ночью
В окно мое ветер подул
И полог расшитый
Приподнял над тихой постелью.
Я вверх посмотрел
И светлую вижу луну —
Я с нею послал
За тысячу ли свое чувство.

ЗИМА

* * *

Замерзшие птицы
Прижались к высоким деревьям.
В ветвях оголенных
Поют заунывные ветры.
Быть может, любовь
Меня до конца иссушила —
Могу ль сохранять,
Как прежде, красивым лицо!

* * *

Я тихо брожу
В опустевшем зимою лесу,
Увяли лианы,
И чувство печали возникло.
Но стоит запеть
О радостях первой любви –
В увядшей траве
Как будто цветы расцветают.

* * *

Жаровню топлю,
Чтоб холод ночной отогнать.
В халате двойном
Сижу на цветных одеялах.
Напротив меня
Любимый на ложе сидит —
Играем, поем
При свете душистых свечей.

* * *

Морозные дни
Нам года конец предвещают,
На северном ветре
Снежинки, танцуя, летят.
С тобою вдвоем
Под тяжелым лежим покрывалом,
И там нам тепло,
Как жаркою летней порой.

ПЕСНИ
БЕЗ МУЗЫКАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

* * *

Я у тонкой рубашки
Разорву-распорю рукава,
Украшенья-цветы
Уроню из прически на землю.
Друг, куда ты ушел
И когда возвратишься назад?
Может, в западном крае
В слезах свою жизнь ты закончишь.

* * *

Одеяло отброшу
И ясный светильник поставлю.
В одиночестве думать —
Кто в силах такое терпеть?
Скоро-скоро узнаю
Морозную долгую ночь —
Ведь в горячем и ярком
Светильнике кончилось масло.

* * *

Растрепаны волосы —
Никак причесать невозможно.
Больна и худа —
Кто станет глядеть на меня?
Когда ты захочешь
Узнать, как грущу о любимом,
Взгляни, как свободен
Стал пояс ни платье моем!

* * *

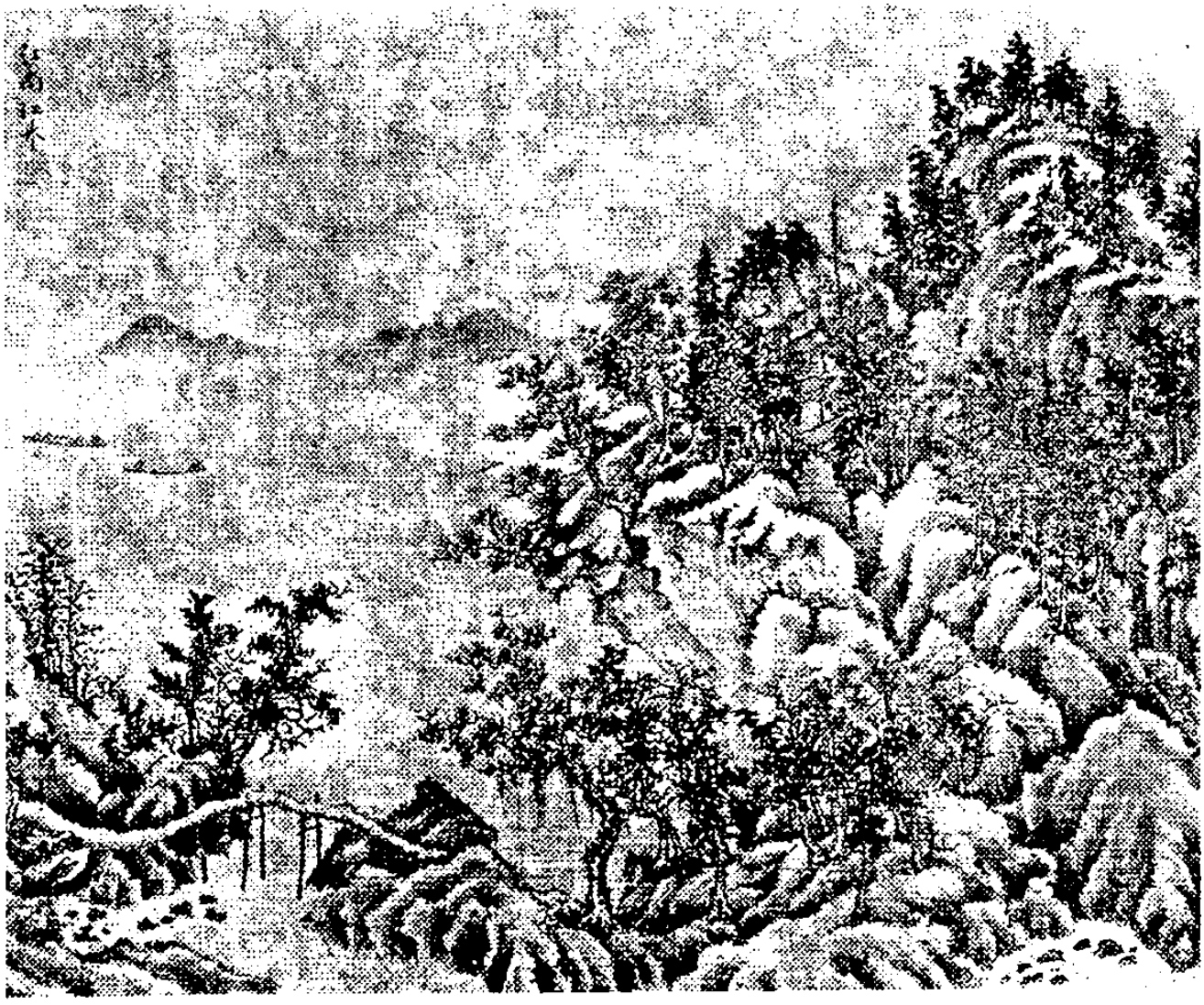
Вспоминаю о милом —
Не в силах ни есть, ни уснуть я.
Печально бреду
До развилок трех дальних дорог,
У встречного ветра
Прошу я о милом известий.

* * *

Расцвели все цветы.
Кто может,
Тоскуя в весенние дни,
Уйти ночевать
Под шелковый полог один?

* * *

Узнала, что милый
Меня променял на другую!
От гнева нет силы
В руках и ногах у меня.
Как птицы, свободно
Летали мы с ним по дорогом, —
В глубоком колодце
Не сможет летать и стокрылый!



Вплоть до достижения им пятидесяти лет муж должен входить в Павильон Удовольствия своих жен раз в три дня, своих наложниц — раз в пять дней, а прочих девушек, живущих у него в доме, — по своему усмотрению.

Конфуций. «Записки о церемониях»

* * *

Когда ты полюбишь —
Посмеешь назвать его имя.
О нем вспоминая,
По прозвищу звать уж не станешь.
Лишь скажешь в молчанье
«Любимый!» И снова: «Любимый!»
Ведь мы поклялись,
Что друг друга не бросим до смерти.

* * *

К Белым воротам
Двое пришли
В белой и черной шапке.
Юноша в белом —
Это мой милый,
Кто же такой
Юноша в черном уборе?

* * *

Я жду и надеюсь,
Что в сумерках после заката
Улягутся все
До того, как любимый придет.
Я слушаю тихо:
Не входит ли в дом мой любимый?
И жду в нетерпенье
Я стука шагов за окном.

* * *

Ты ночью пришел
Ко мне через изгородь тихо,
А перед рассветом
Ушел, отворивши ворота.
С собою унес ты
Все то, чем богата девица,
Не сделай же так,
Чтоб грусть и печаль она знала.

* * *

Я никогда
Не имела такого желанья.
Кто же сказал вам,
Что можно явиться ко мне?
Видите — я отвернулась
От вас равнодушно,
Больше ко мне
Не являйтесь с такими речами.

* * *

С той самой поры
Как с любимым рассталась,
Слышны непрерывно
Печальные вздохи мои.
Я в день восхожденья
Из глины твой облик слеплю,
В алтарь я поставлю
Убитого друга портрет.

* * *

Я дни вспоминаю —
Вернуть их назад невозможно.
В пути повстречала
Я юношу с нравом беспутным.
Алтарь мой разрушен,
Одежда на мне износилась,
И белое тело
Покрыли кровавые язвы.

* * *

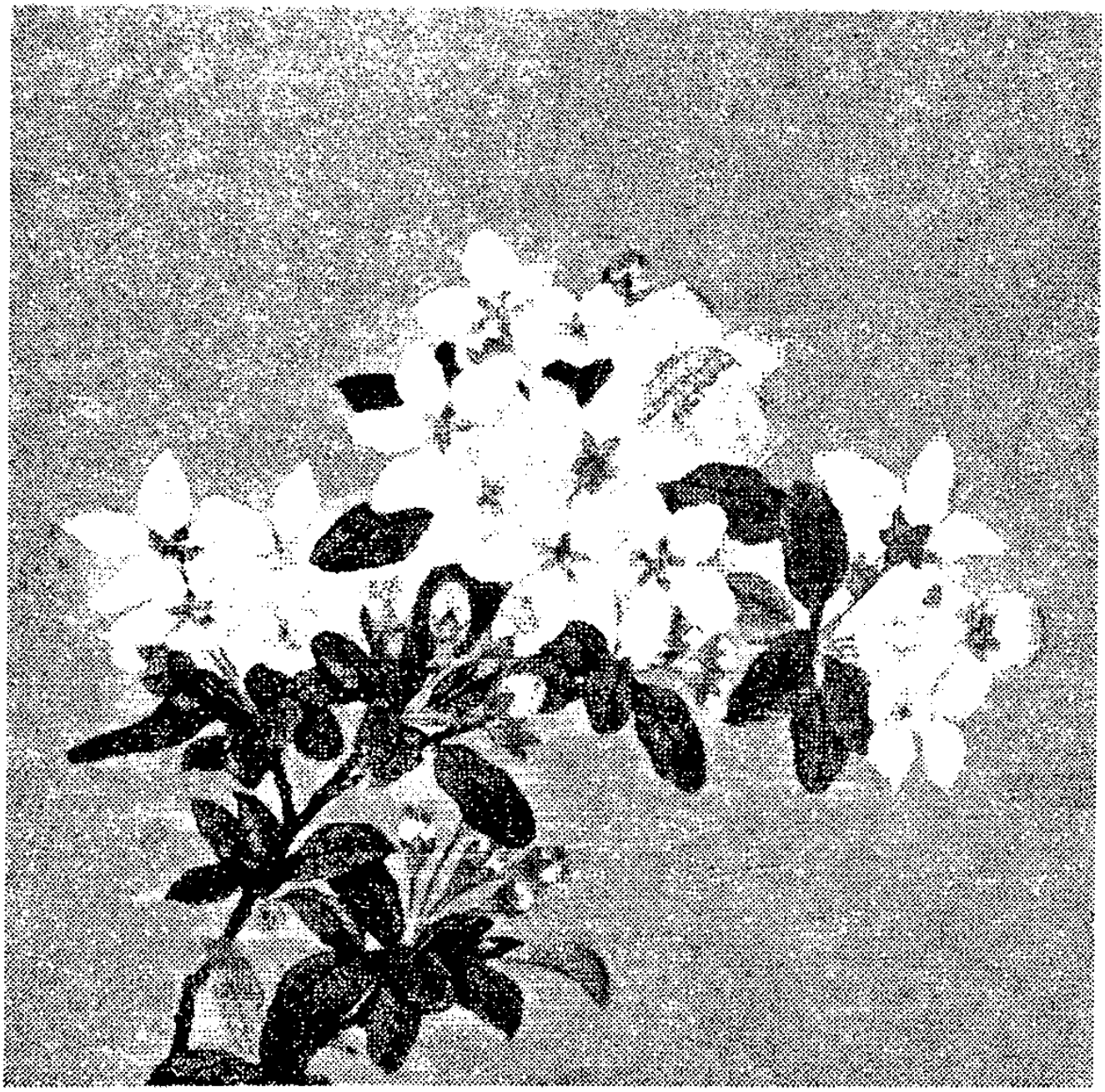
Я долго томилась,
Но милый ко мне не пришел.
Обняв одеяло,
Беседую я с пустотой.
Луна уж зашла,
И звезды заметно бледнеют...
Поймете ли вы
Когда-нибудь чувство мое?

* * *

Стыд потеряв,
Меня ты одну оставляешь.
Меня обманул,
Говоря, что ты честен и прям.
Предначертания неба
Нарушаешь, меня покидая.
Движению звезд
Поступаешь ты наперекор!

* * *

Поступки супруга —
К любви моей неблагодарность.
Могу ли его
Я полной любовью любить?
Бумага мачжи
Так сказала куску полотна:
«Тонка я,
А ты и груба и редка».



* * *

Ко мне приходи —
С улыбкою, полной веселья,
И так обними,
Чтоб не смог никогда отпустить.
Я вслед за тобой
Прошла бы хоть тысячу ли.
Что может
Прекраснее этого быть!

* * *

Мой милый, любимый!
В начале любви
В знак верности пили мы кровь,
Отныне готовы
Мы броситься в Желтые воды,
Мы вместе решили,
Что жить мы не будем в разлуке.

* * *

Со смехом ко мне
Приблизилась девушка нынче,
Я обнял ее
И никак не могу отпустить!
Озера засохнут,
И лотос от зноя увянет,
Но наша любовь
Одновременно с нами умрет!

* * *

Милого сердце
Любви не питает ко мне.
Горечь и грусть
Ко мне без конца и без края.
У лотоса вянет
Уже сердцевина стебля,
А чувство к тебе
Во мне все растет и растет.

* * *

Взяла его руку —
С любимым проститься пора.
Он должен идти,
Но нежность его не пускает.
Уже исчезают
Лучи заходящего солнца.
Сидим мы и видим,
Как день догорает прощальный.

* * *

Зачем говорят,
Что я неуступчива очень?
Когда полюблю —
Даю это ясно понять.
Где лотосы густы —
Там тысячи ярких цветов.
Тебе говорю я:
Поверь, что любовь зацвела!

ЗАПАДНЫЕ ПЕСНИ
местности Цзин и Чу

ПЕСНИ НА МОТИВ «МУЗЫКА ШИЧЭНА»

* * *

Родилась и росла
У стен городских, у Шичэна.
Откроешь окно —
И пагоды в городе видишь.
Шичэнские юноши
Знают мой дом у стены;
Как мимо идут —
Непременно глядят на меня.

* * *

В расцвете весны
Распускаются сотни цветов, —
Сорви и воткни
В прическу тугую любой.
Гуляем и топчем
Цветы «позабудь о печали»
И вместе встречаем
Разгар долгожданной весны.

Жена не может быть столь же желанной, как наложница, наложница — столь же волнующей, как тайная любовница, а тайная любовница — так же сводить с ума, как женщина, которая недоступна.

Старая китайская пословица

ПЕСНЯ НА МОТИВ «МЕЛОДИИ СЯНЬЯНА»

* * *

Лебедь летит
По небу высоко-высоко
И вдруг начинает метаться,
Кружиться тревожно.
Кого-то любимый
Ласкает сейчас на чужбине?..
Душа — как дорога,
Разбитая сотней колес.

НА МОТИВ «ПЕСНИ ТРЕХ ОСТРОВОВ»

* * *

Провожала тебя
До залива Баньцяо, любимый.
Поджидаю тебя
На вершине Саньшаньской горы.
Вижу я паруса,
Что плывут по реке в отдаленье,
Но теченье и ветер
Проносят их мимо меня.

* * *

Напиток линлу
Из восточной Хунани,
Сосуд для вина
С драконом резным из Кантона,
Нефритовый кубок,
Из золота чашки и утварь —
Мы с милым вдвоем
Наконец-то за чаркой вина!

ПЕСНИ НА МОТИВ «РВУ ТРОСТНИК»

* * *

Зеленый тростник
Скрывает ростки молодые,
И длинные листья
Качаются следом за ветром.
Мы вместе с любимым
На лодке приплыли сюда,
Тростник собираем
На всех близлежащих озерах.

* * *

Мы утром идем
К островку, где цветут орхидеи,
А днем отдыхаем
Под тутовым деревом старым.
Когда мы с любимым
Вдвоем здесь тростник собираем,
То связку набрать
За весь день я никак не могу!

ПЕСНИ НА МОТИВ «НА ЗАПАДЕ ВО́РОНЫ НОЧЬЮ ЛЕТАЮТ»

* * *

Солнце взошло —
На востоке рождается свет.
Диск его круглый
Блестит, как яичный желток.
Супруг мне вернул
Благосклонную нежность свою,
Любовная радость
Будет, как прежде, у нас.

* * *

В разгаре весна —
Вторая и третья луна.
Цветы распустились,
Покровом роскошным цветут.
Зову непрестанно
Любимого выйти навстречу —
Смеются цветы,
И иволги песни поют.

ПЕСНИ НА МОТИВ «ВОРОН НОЧИ КРИЧИТ»

* * *

Любимая птица —
Скворец, что поет по утрам.
Поет он без грусти:
Он знает, когда рассветет.
Нет больше причин,
Чтоб заплакала в третью я стражу;
Жаль только, ушел
От меня мой любимый средь ночи.

* * *

За тысячи ли
Различаю далекий дымок,
Возможно, что это
Тот дом, где любимый живет.
Хочу полететь —
Крыльев нет у меня за спиной...
Как тяжко мне жить
Одинокой в печальных раздумьях!

ПЕСНИ НА МОТИВ «МЕЛОДИИ ШОУЯНА»

* * *

Восточная башня
В сто чи высотой —
Студеные ветры там веют.
Но я и в разлуке
О милом своем не забуду.

* * *

У длинных мостков
Струится, волнуясь, река.
Как зеркало, воды прозрачны:
Прибрежные рощи
И милый мой в них отразились.

* * *

Ночью грущу о тебе,
Ожидаю, но ты не приходишь,
Все веселы люди,
Лишь я одиноко печалюсь!

ПЕСНЯ НА МОТИВ «СИЧЖОУ»

* * *

Помню, сливы цвели,
Их цветы опадали в Сичжоу...
Ветку сливы сломав,
Посылаю на север тебе.
Одета на мне
Оранжево-красная куртка.
А локоны черны,
Как перья в крыле вороненка.
...Закатится солнце,
И сорокопут вылетает,
И ветер шуршит
Листвою высоких деревьев.
Деревья растут
У самого входа во вдор.
В воротах видна
Бирюза украшений моих.
Открыты ворота,

Но милый ко мне не приходит,
Одна выхожу я
Лотосы красные рвать.
Я лотосы рву —
На южных прудах уже осень,
И вот уж цветы
Украсили наши прически.
Склонившись, мы ищем
Созревшее лотосов семя.
По цвету оно —
Как струя зеленой воды.
Я лотосы прячу
За пазуху и в рукава,
И лотоса мякоть
Красна одинаково всюду.
Тебя вспоминаю,
Но милый ко мне не идет...
Я взор подымаю —
Летит лебединая стая.
Повсюду к Сичжоу
Летят эти вестники писем.
Я милого жду,
Взойдя на зеленую башню,
Высокая башня,
Но милого все же не видно.
Перила на башне —
Двенадцать изгибов у них.

И руки на них —
Как светлые яшмы лежат.
Откинула занавес —
Вижу высокое небо.
Оно голубое,
Словно далекое море.
Морская вода
Беспредельна, как грезы ночные...
В печали любимый.
Печалюсь и я без него,
И южные ветры,
Узнав о желанье моем,
Осеннею ночью
В Сичжоу мечты унесли...

ПЕСНИ НА МОТИВ «ЛАНЪЕВАН»

* * *

Меч длиною в пять чи
Я впервые купил
И его на стене
У себя водрузил.
Трижды в день я тебя
Приласкаю рукой —
Юных дев красота
Не сравнится с тобой!

* * *

Быстрый конь у меня,
С длинной гривою он,
Видно издалека,
Что не конь, а дракон.
Кто сумеет такого
Коня оседлать,
Того смело смогу
Гуан Пином назвать.

ПЕСНИ НА МОТИВ «МЭН-ЧЖУ»

* * *

Богата Мэн-чжу —
Все люди о том говорят.
Действительно так:
Дом золотом чистым наполнен.
Ее голова
В убранстве из многих цветов,
Заколки из яшмы,
И серьги — как ясные луны.

* * *

Я милого помню –
Четыре-пять лет уж прошло.
И чувства так явны,
Что в мыслях тоска неизменна.
Хотела б найти
То место, где нет никого,
Чтоб там, оглядевшись,
Прижаться к любимому крепко!

* * *

В Янчжоу повсюду
Граната цветы расцветают —
Их можешь сорвать,
К одежде своей приколоть.
Что, если напомнит
Цветок незаметный меня,
Попросит, чтоб ты
Красавиц других не ласкал?

Летит павлин на юго-восток

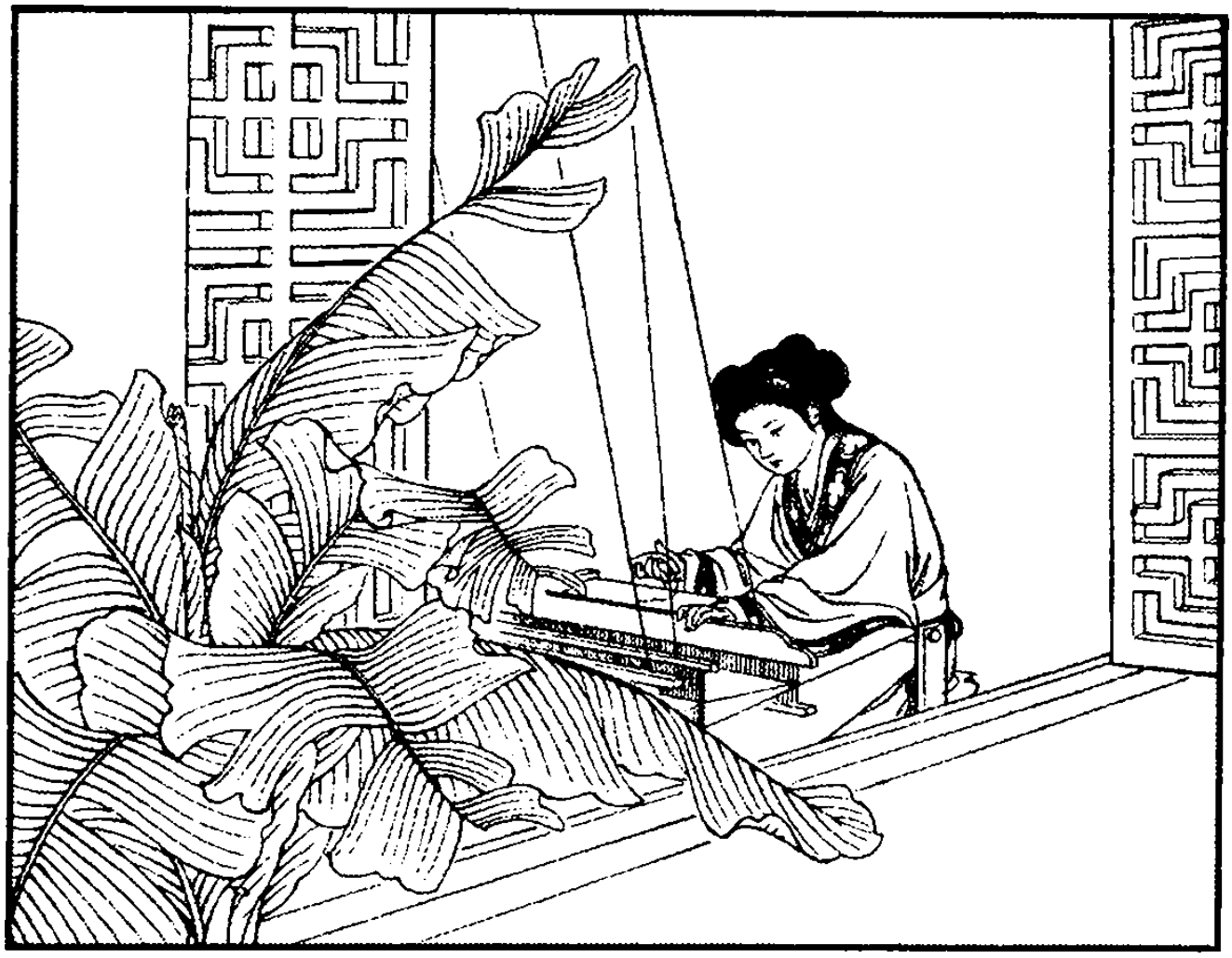
Тоскую по любви,
Глядя на пташек.
Они тоже в клетке.

Песня гейши

ЛЕТИТ ПАВЛИН НА ЮГО-ВОСТОК

Поэма

Эта поэма живет среди китайского народа уже более 1700 лет. В ней рассказывается о молодых любящих супругах — Лю Лань-чжи и Цзяо Чжунцине. Они жили счастливой жизнью в мире и согласии 1700 лет назад. Но жестокие люди заставили их разлучиться. Их судьба стала легендой, сохранившейся в веках.



Лет тысячу семьсот назад, а может быть, и больше, в Китае, в местечке Луцзян, провинции Аньхой, жила умная и красивая девушка. Звали ее Лю Лань-чжи.

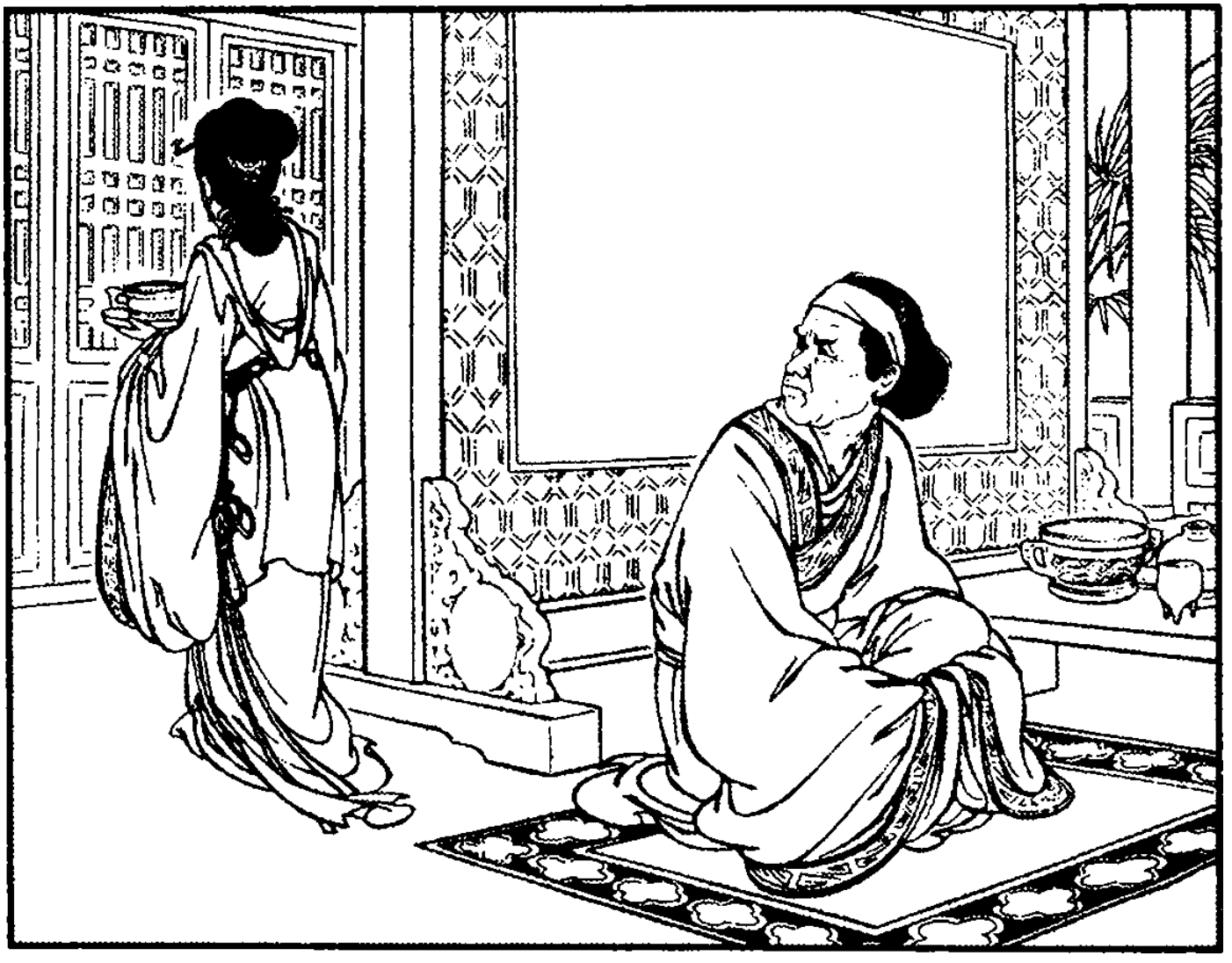
Ей было тринадцать лет, когда она научилась ткать.

К четырнадцати годам она умела шить и вышивать.

В пятнадцать лет уже хорошо играла на лютне.

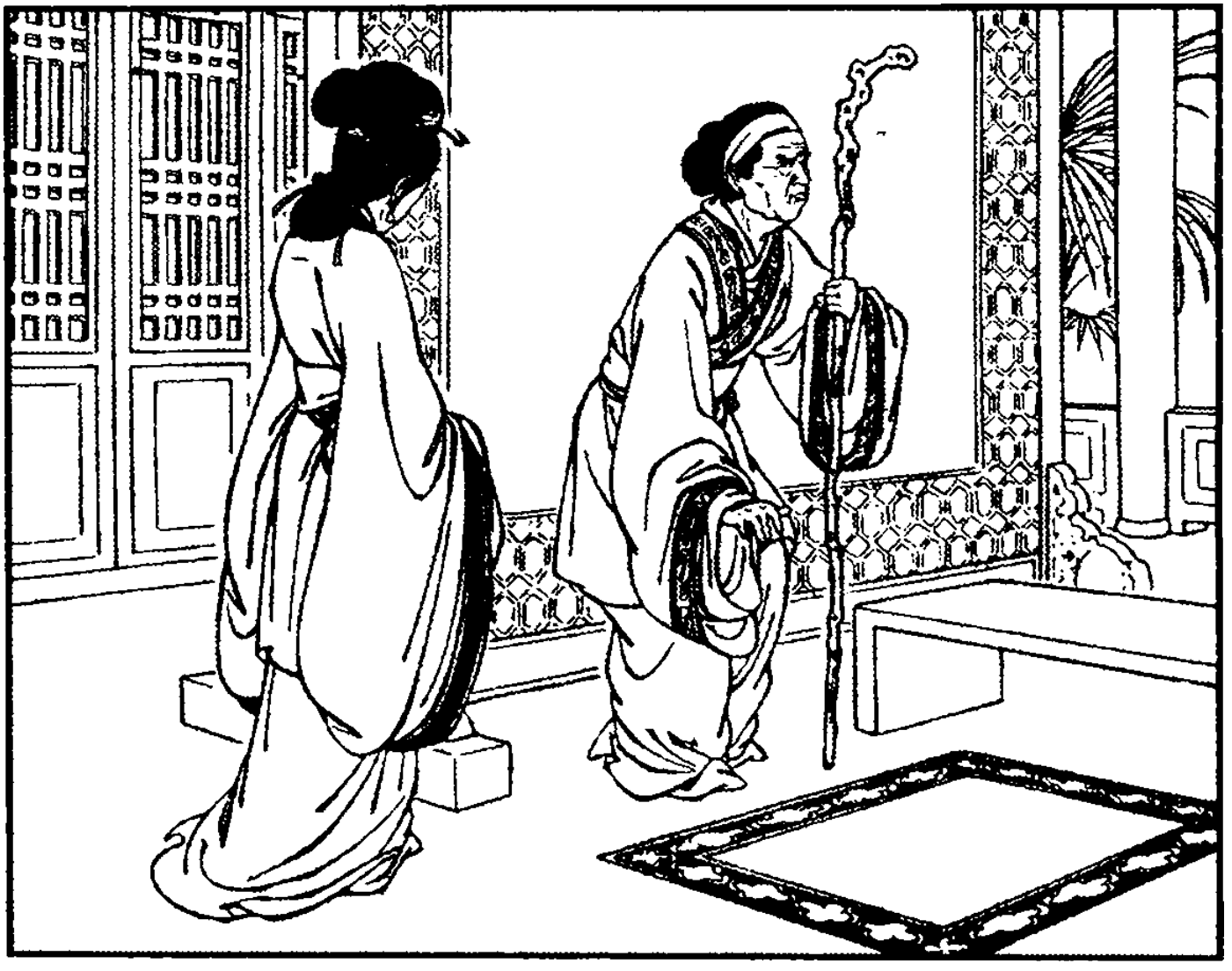
К шестнадцати бегло читала и стихи, и прозу.

Когда же ей исполнилось семнадцать лет, ее выдали замуж за Цзяо Чжун-цина — мелкого чиновника в местном ямыне. Молодые супруги крепко полюбили друг друга и жили в мире и согласии.

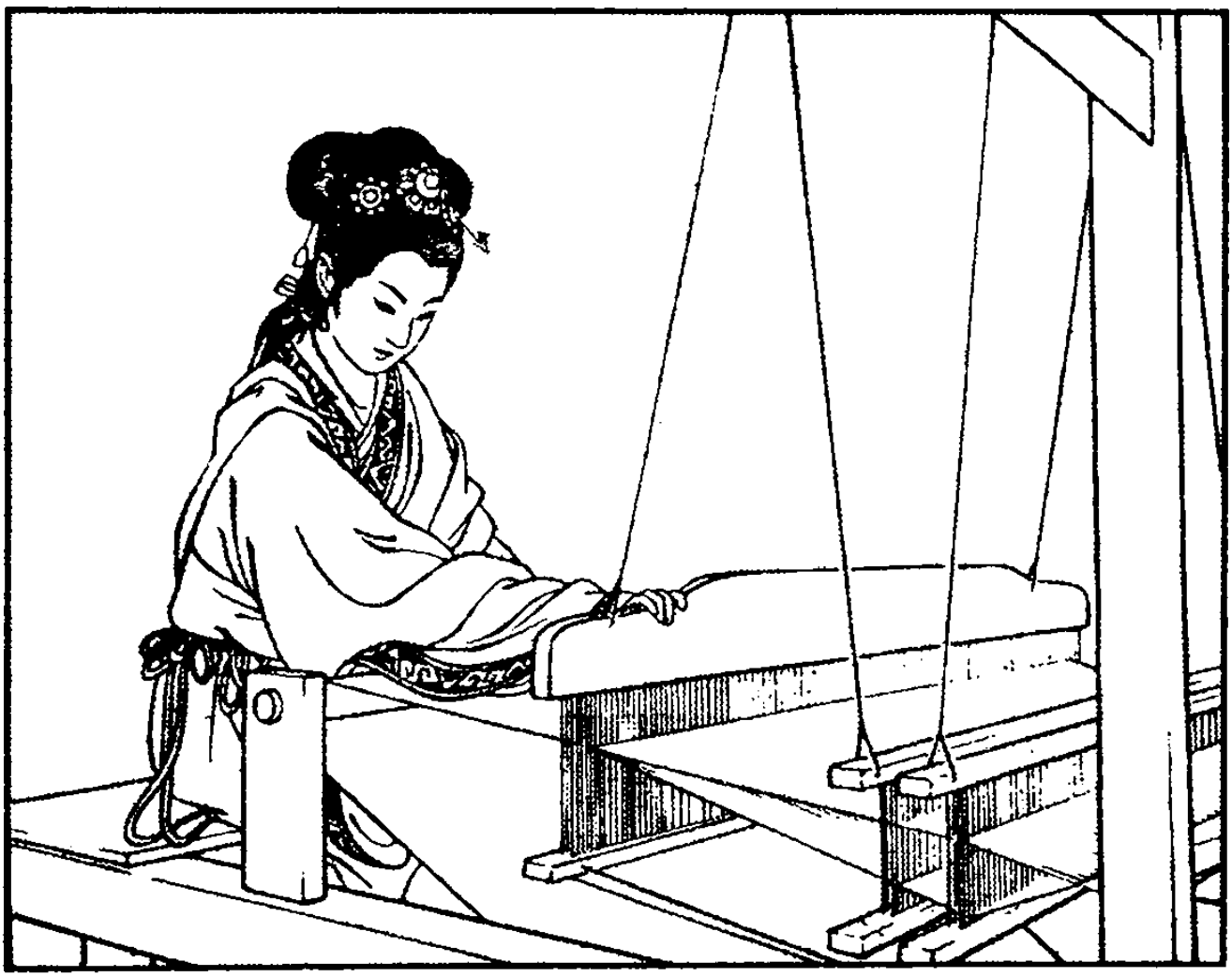


Но мать Чжун-цина оказалась свекровью злющей-презлющей, какие часто встречались в китайских семьях. Мелочная и властолюбивая, она вечно донимала невестку придирками и ворчанием, хотя та безукоризненно выполняла всю порученную ей работу.

Наденет Лань-чжи платье чуть понаряднее, свекровь бранит ее за легкомыслие, упрекает, что она семью хочет опозорить.



Оденется Лань-чжи чуть попроще, свекровь и тут ее
ругает, что стыда она не боится — ходит нищенкой.



День-деньской хлопотала Лань-чжи по хозяйству, пряла и ткала до глубокой ночи.

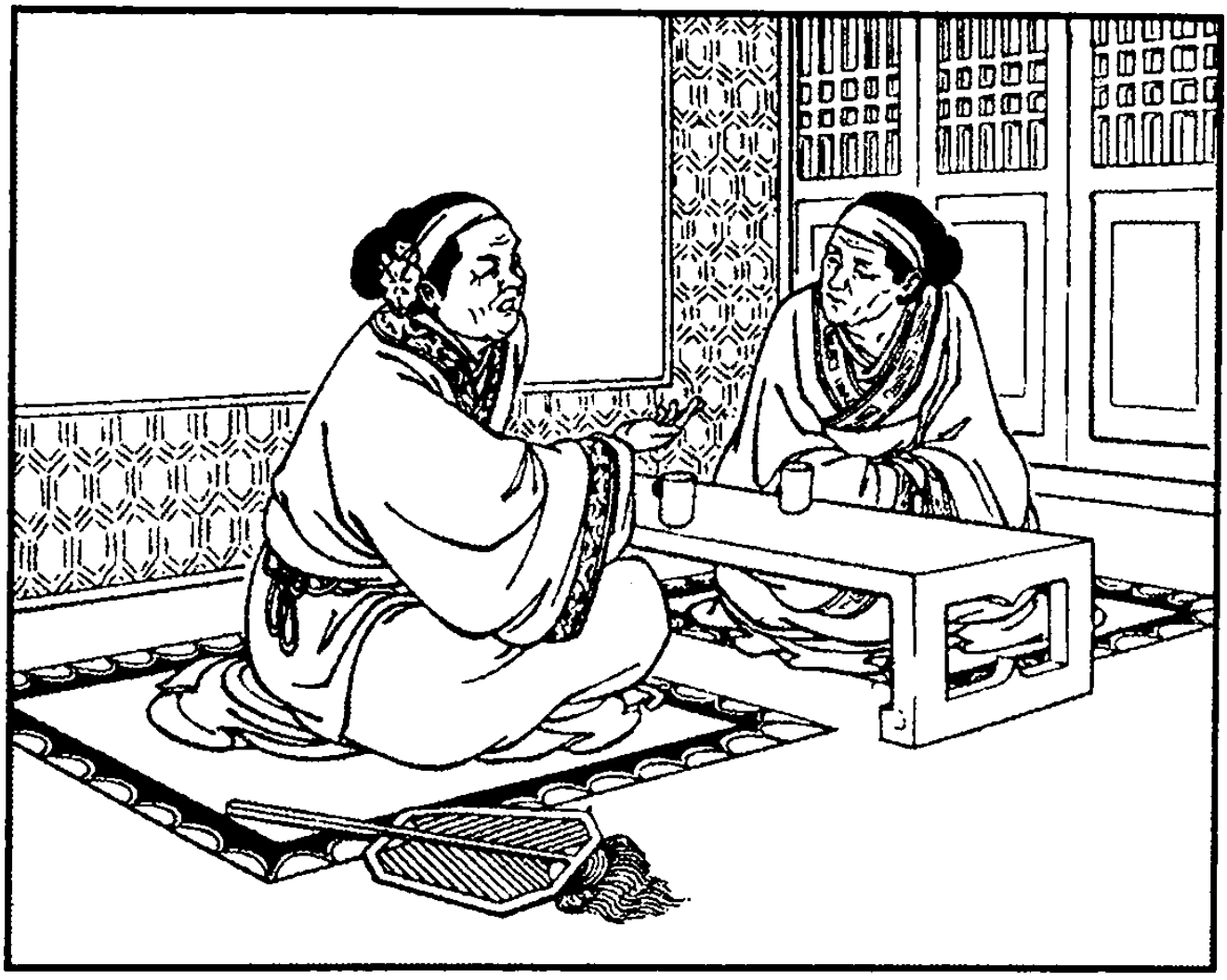
Трудилась Лань-чжи не покладая рук, но свекровь все бранила ее, говоря, что она ленивая. Как бы хорошо она ни ткала, свекровь к чему-нибудь да придерется — то слишком тонкий выткала шелк, то слишком грубый. Никак не угодишь!

Как-то раз сидит Лань-чжи у себя в комнате в грустном раздумье. Увидела это золовка и, чтобы развеселить ее, попросила поиграть на лютне.

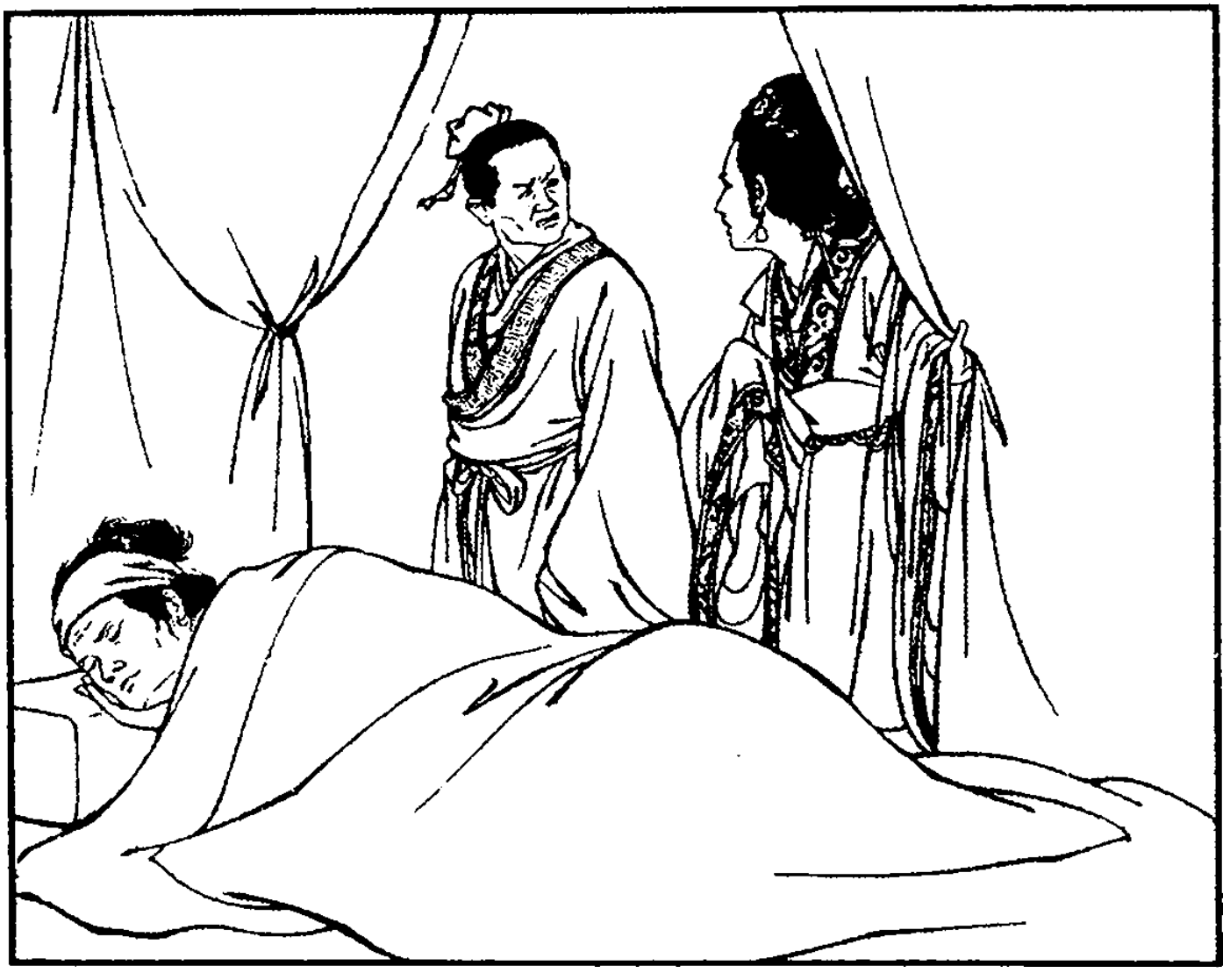
Чудесная музыка привлекла внимание вернувшегося домой Чжун-цина. Он вошел в комнату и попросил жену сыграть ему еще.

Свекровь, давно уже подслушивавшая за дверью, ворвалась в комнату и давай кричать на Лань-чжи, что та, негодница, только и умеет, что мужа завораживать; так, мол, вскружила ему голову, что он забыл сыновнюю обязанность — не пошел к матери на поклон, вернувшись со службы.

Так шли за днями дни, и вот однажды в гости к свекрови пришла одна женщина, мастерица устраивать свадьбы и жить на полученные за сватовство деньги. Пришла и стала расписывать красоту и богатство барышни из семьи Цзинь. Позарившись на богатство, свекровь решила отделаться от Лань-чжи, чтобы женить своего сына на богатой, и тут же попросила гостью помочь ей в этом.

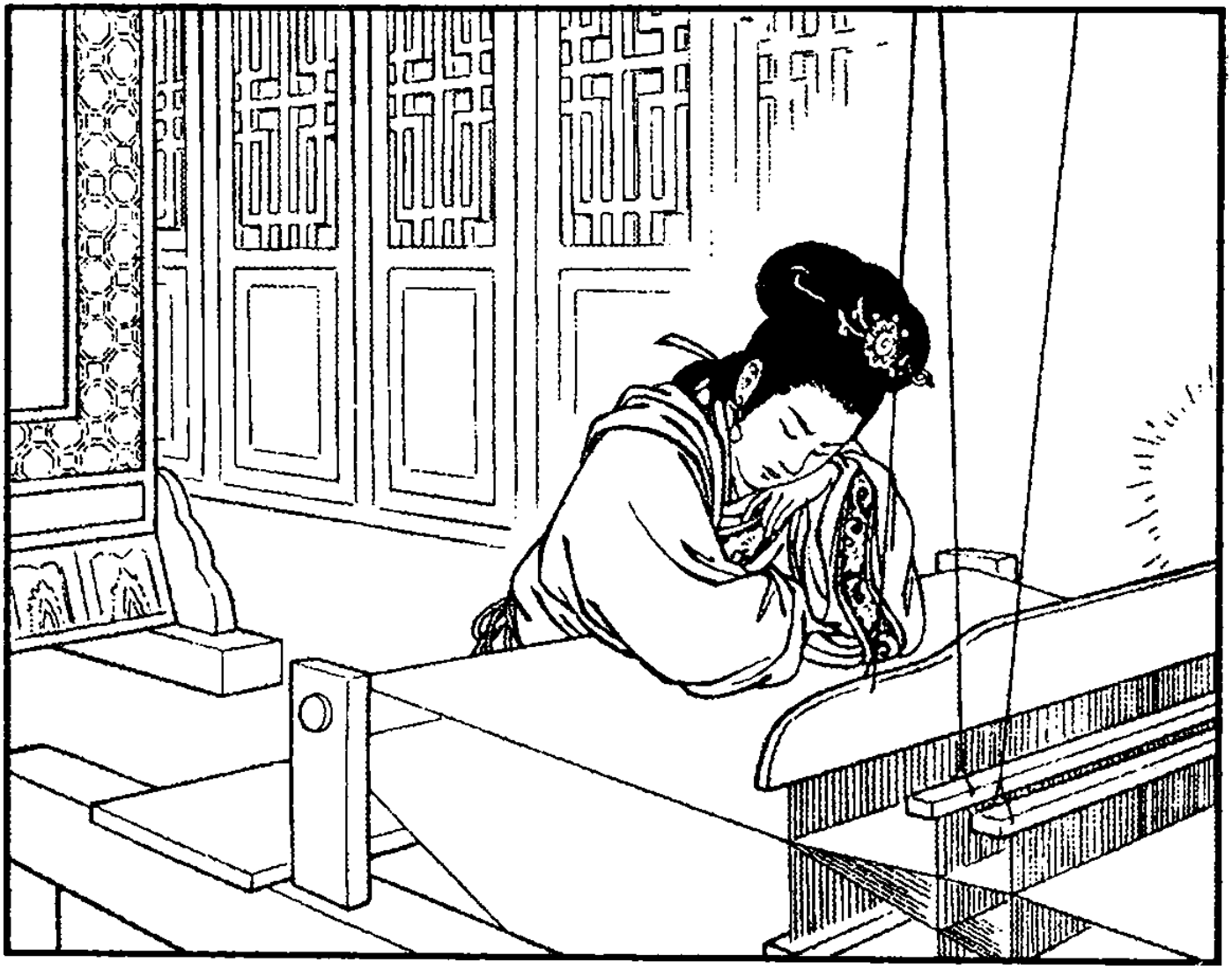


Их разговор был прерван неожиданным приездом брата Лань-чжи, который приехал за сестрой, так как мать их серьезно заболела. Свекровь нехотя отпустила Лань-чжи, строго-настрого наказав ей вернуться на третий день.



На третий день матери не полегчало. Обеспокоенная Лань-чжи, боясь отойти от постели больной, попросила брата послать к свекрови за разрешением остаться дома подольше. Но брат, занятый кутежами, отмахнулся от просьбы сестры.

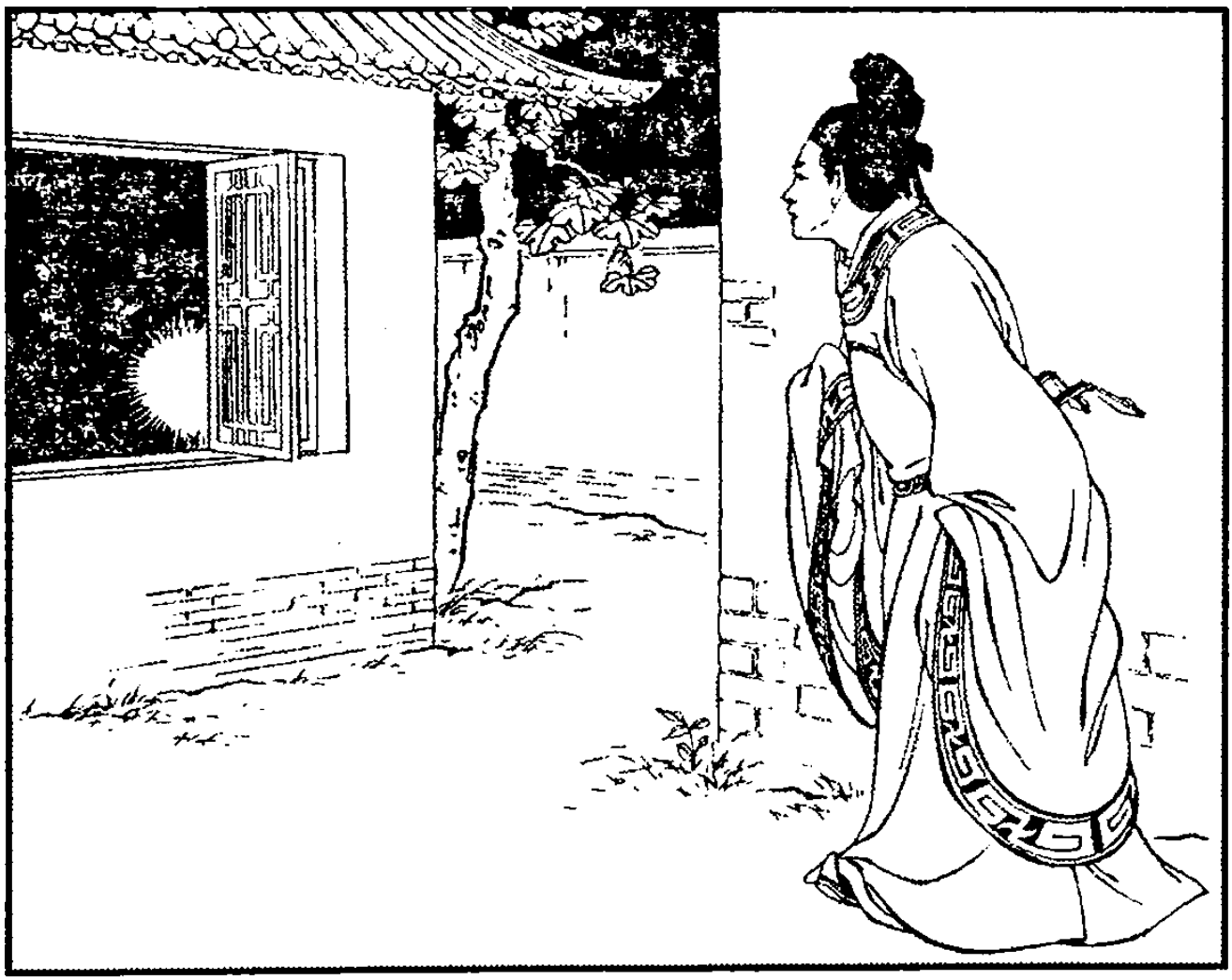
На следующий день Лань-чжи поспешила вернуться в дом мужа извиниться перед свекровью за опоздание, но та набросилась на нее с бранью и упреками, даже не выслушав ее до конца.



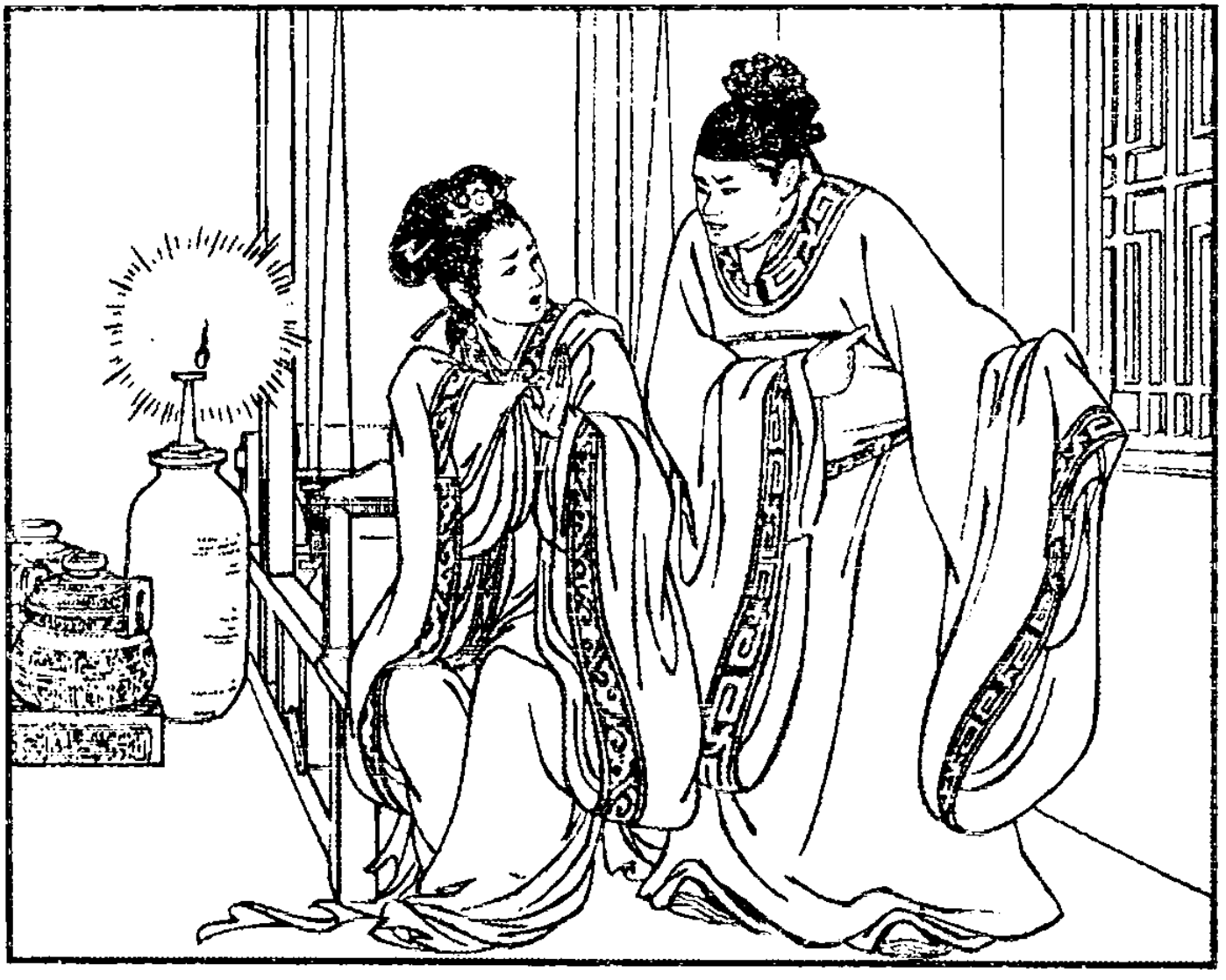
В наказание за неповиновение свекровь велела Ланьчжи ткать круглые сутки без передышки. Поздней ночью, сломленная усталостью, молодая женщина задремала над станком.

Подсматривавшая за ней в щелку свекровь только и ждала этого. Ворвавшись в комнату, она жестоко избила Лань-чжи своим посохом.

Золовка Лань-чжи потихоньку пробралась к ней, чтобы утешить ее и предупредить о замысле матери женить брата во второй раз. Но не успела она и слова сказать, как услышала голос матери и поспешила на зов.



В тот день Чжун-цин вернулся со службы поздно и, услышав поскрипывание ткацкого станка, удивился, что Лань-чжи все еще не легла отдохнуть после поездки к матери.



Он поспешил к жене. Увидя мужа, Лань-чжи не смогла сдержать слез, а он, увидев ссадины и подтеки на ее руках, понял, что ей опять досталось от свекрови. Чжун-цин хотел было идти поговорить с матерью, но Лань-чжи удержала его, прося не тревожить мать — ведь она уже легла спать.

В то же мгновение в комнату ворвалась разгневанная свекровь и спросила сына, почему он снова пренебрег сыновним долгом и не пришел ей поклониться. Растерявшийся Чжун-цин пробормотал, что Лань-чжи удержала его, думая, что мать спит.

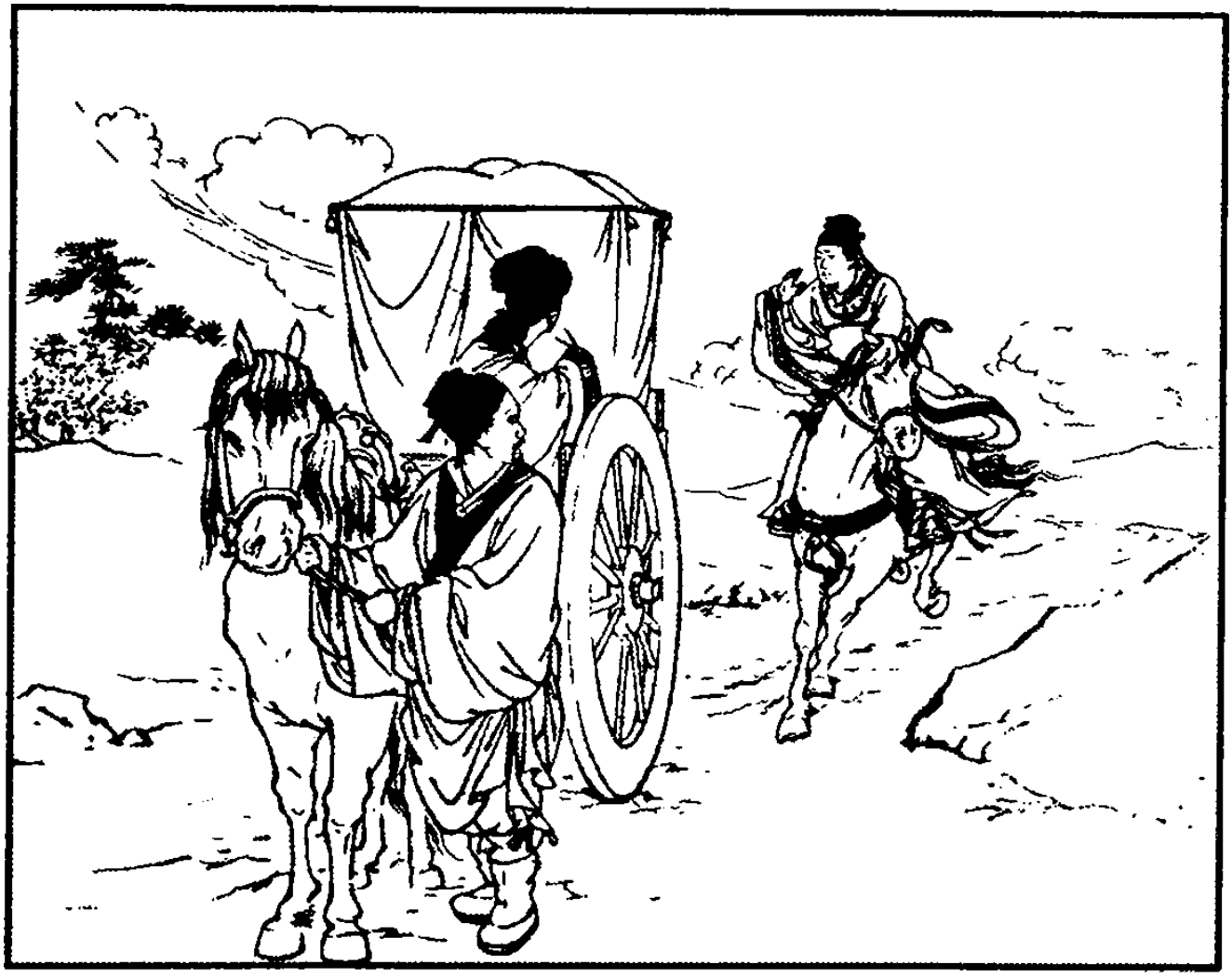
Такого именно предлога и искала свекровь. Назвав Чжун-цина дурным сыном, она сказала: «Выбирай — либо мать, либо жена! Я не намерена жить с ней под одним кровом!» Затем, дав сыну бумагу и кисть, велела ему написать документ о разводе, а Лань-чжи — на следующее же утро убираться вон из ее дома.

Взглянул на бумагу и кисть Чжун-цин, вздохнул и разрыдался. Но делать было нечего, пришлось написать, как велела мать. Кончив писать, он сказал жене, чтобы она уехала на время к своей матери, а он постарается вернуть ее. Однако более прозорливая Лань-чжи стала уговаривать мужа не тешить себя пустыми надеждами.

Уложив вещи, Лань-чжи переоделась в свое красивое свадебное платье, а затем попросила Чжун-цина сохранить на память о ней часть ее приданого и никогда не забывать три счастливых года их супружеской жизни.

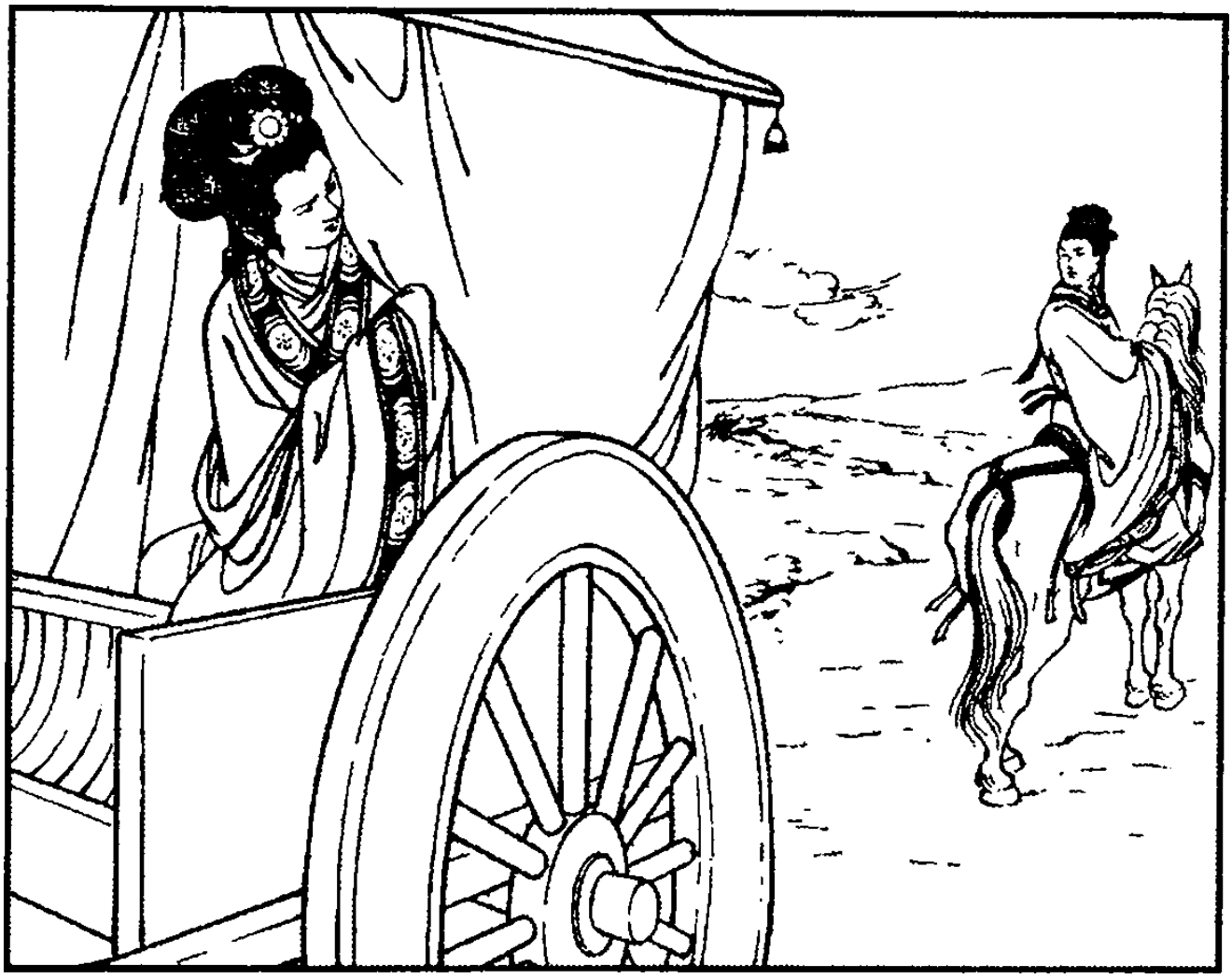
Золовка Лань-чжи прибежала попрощаться и, бросившись в объятия невестки, горько заплакала. Ведь сестренка Чжун-цина была еще совсем ребенком, когда Лань-чжи вошла в их дом, а теперь почти догнала Лань-чжи ростом. Тяжело было им расставаться друг с дружкой.

Между тем занялся день. К воротам подъехала повозка, и Лань-чжи, по обычаю поклонившись свекрови в ноги, поехала домой.



Сидит Лань-чжи в повозке и плачет. Вдруг слышит, будто кто-то окликнул ее. Выглянула из повозки, видит — верхом на коне скачет Чжун-цин.

Горькое это было прощание. Указав на придорожные камни, Чжун-цин поклялся жене, что любовь его будет несокрушима, как скала, а она обещала мужу, что любовь ее будет вечной и стойкой, подобно прибрежному тростнику.



С болью на сердце посмотрев друг на друга последний раз, молодые супруги расстались, обещая не нарушать своих клятв.

Доехав до дому, Лань-чжи долго не решалась войти. Стыдно было ей, разведенной, показаться на глаза матери и брату.

Услышав, что дочь выгнали из дома мужа, мать Ланьчжи была очень разгневана.

Но когда Лань-чжи рассказала все, что ей пришлось перенести, сердце матери наполнилось жалостью и сочувствием.

В это время брат Лань-чжи кутил с сыном начальника уезда и сыном правителя области. Узнав о позоре сестры, он хотел выгнать ее из дому.

Но его собутыльники оттоворили его. Красивая Лань-чжи приглянулась им обоим, и у каждого в голове созрел свой план.

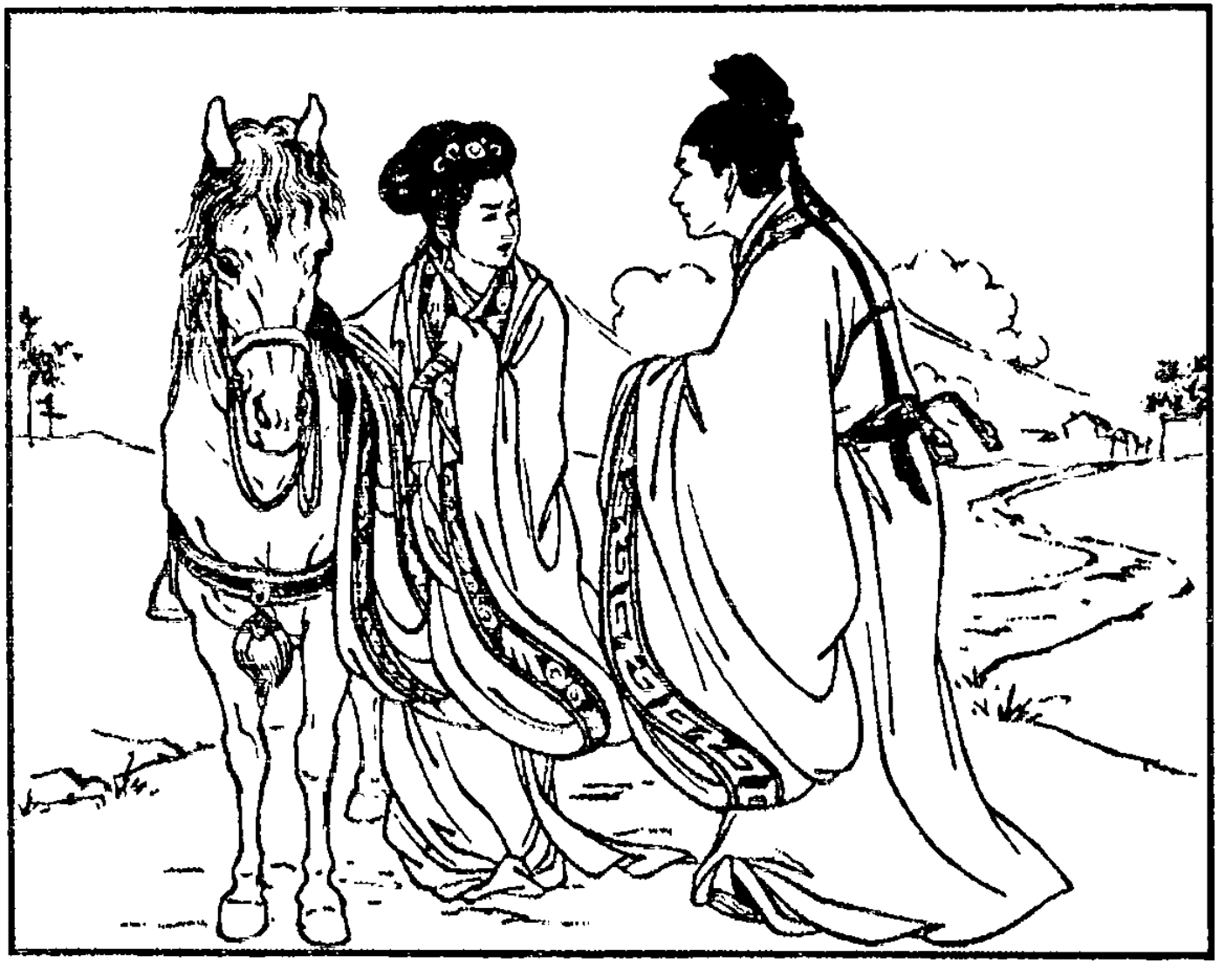
Не прошло и десяти дней, как сын начальника уезда прислал сваху. Лань-чжи сказала матери о клятве, данной Чжун-цину, и о своем намерении оставаться верной. Мать отказала свахе.

Несколько дней спустя правитель области прислал своего чиновника просить Лань-чжи в жены сыну. Соблазнившись богатством, брат Лань-чжи сразу же дал свое согласие, не считая нужным посоветоваться с сестрой.

Возмущенная поступком брага, Лань-чжи твердо заявила о своей решимости не выходить замуж за другого; но он со злостью сказал ей: «Думаешь, я всю жизнь кормить тебя буду?»

С приближением дня свадьбы брат становился все более суровым и неумолимым. Отчаявшись переубедить его, Лань-чжи решила лишить себя жизни и, приняв это решение, успокоилась. Мать велела ей сшить свадебный наряд, и она, не прекословя, принялась за шитье.

Одну только мечту лелеяла Лань-чжи в сердце — увидеться перед смертью с Чжун-цином. И вот накануне свадьбы знакомое конское ржанье донеслось до ее слуха. Взволнованная, выбежала она за ворота.



Она не обманулась — это был Чжун-цин. Но Чжун-цин, до глубины души возмущенный ее мнимой изменой, обрушился на нее с упреками. До него дошли слухи о предстоящем браке. Лань-чжи рассеяла его гнев, рассказав ему, как ее вынудили дать согласие.

Гнев в сердце Чжун-цина сменился глубокой скорбью, ибо он понял, что уже не сможет вновь соединиться с любимой. Лань-чжи сказала ему о своем решении своей смертью наказать тех, кто был причиной их страданий.

Вечером, накануне свадьбы, Лань-чжи подошла к глубокому озеру в конце сада. «Чжун-цин, — сказала она, подняв взор к небу, — я остаюсь тебе верна!» — и с этими словами бросилась в воду.

Весть о смерти Лань-чжи дошла до Чжун-цина. Долго бродил он, словно потерянный, пока не забрел в тополевую рощу, там он и повесился. «Лань-чжи, любовь несокрушима, как скала», — были его последние слова.

Печальная судьба молодых супругов глубоко тронула сердца людей, и люди похоронили их рядом под сенью вечнозеленой сосны — такой же неизменной и стойкой, какой была их любовь.

Красота, покорявшая царства

ЛЮБОВЬ В ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Много замечательных красавиц знала китайская история — свидетельство тому «Жизнеописания знаменитых женщин», составленные историком Лю Сяном. Одну прелестницу когда-то подарили китайскому «Сыну Неба» коварные враги. Этот владыка, отличавшийся недюжинной силой, был могуч, крут характером и не стеснял себя нормами морали, однако в личной жизни ему не везло — ни с одной из жен богатырь не мог достичь наивысшего удовлетворения. Новая красавица подарила ему счастье, но, потворствуя всем низменным страстям государя, довела империю до гибели. Сам же он погиб в огне, когда враги брали штурмом дворец.

Другой «Сын Неба», правивший уже на рубеже нашей эры, ввиду чрезвычайной загруженности завел обычай вызывать гаремных красавиц по иллюстрированному каталогу. Самая прекрасная из них посчитала ниже своего достоинства дать взятку

иллюстратору — и тот изобразил ее так, что не хотелось даже смотреть... Именно ее император решил поднести в дар соседу, вождю кочевников-гуннов, и только на прощальной аудиенции понял, чего он лишается... Разумеется, живописца, нарушившего принцип жизненной правды, казнили, но исправить что-то было уже невозможно.

Третья красавица, кроме прочих достоинств, прославилась удивительно легкой, грациозной походкой, за что вошла в историю под именем «Порхающей бабочки». Ее венценосный возлюбленный души в ней не чаял, она же, будучи бездетной и опасаясь соперничества других обитательниц гарема, привлекла к любовным играм младшую сестру... Кончилось дело тем, что государь, не удержавшись, принял многократную дозу замечательного настоя, которым подкреплял себя для любовных утех, — и скончался на ложе страсти!

Однако самой знаменитой стала четвертая красавица, бедная сиротка, жившая из милости в доме богатых родственников, «гадкий утенок», ставшая со временем прекрасным лебедем и затмившая всех красавиц Поднебесной. Тысячу лет после этого китайские поэты, прозаики и драматурги продолжали славить прекрасную Ян гуйфэй и оплакивать ее трагическую гибель.

Это случилось очень давно. Крестоносцы еще не

пытались освободить Град Господень от неверных, а орды Батыя не нападали на Киевскую Русь. В Европе не было царств и королевств со знакомыми нам названиями, а оставшаяся от Римской империи Византия, теснимая варварами, сжалась до размеров нынешних Греции и Турции. Зато возникший на ее границах Арабский халифат простирался тогда от Пиренейского полуострова до Средней Азии, охватывая три материка и множество прежде независимых стран и народов. Начинался восьмой век — один из темных веков европейской истории.

В то время столица Поднебесной империи, Чанъань, была едва ли не самым многолюдным городом мира. Меньше всего она отвечала своему названию — «Города вечного спокойствия», ибо жизнь здесь поистине била ключом и замирала лишь с наступлением темноты, когда закрывали городские ворота и цепями преграждали проходы из квартала в квартал, дабы защититься от воров и злоумышленников.

На севере столицы, обращенный к солнцу, возвышался Запретный город с его прекрасными императорскими дворцами, озерами и павильонами. Однако «Просветленный государь» — император Мин-хуан — не слишком любил даже эти дворцы, скрытые от столичной суеты за высокими фиолетово-розовыми стенами. Куда милее его романтичес-

кому сердцу была знаменитая гора Лушань, возвышавшаяся на бескрайней равнине неподалеку от столицы, покрытая причудливыми скалами и вековым лесом. Там в летних дворцах больше всего любил он проводить время и именно там, на берегу теплого источника у подножья горы, впервые увидел прекрасную Ян гуйфэй...

Мин-хуан вступил на китайский престол в 712 году, еще при жизни своего отца -- и вскоре пошатнувшиеся было дела империи пошли на лад. В пограничных генерал-губернаторствах китайские солдаты-поселенцы и перешедшие на сторону империи варварские племена довольно успешно отражали набеги кочевников. Ремесла и торговля в империи процветали, караваны верблюдов везли редкостные западные товары, чтобы обменять их здесь на шелк, а выходцы из Согда и других западных земель населяли в Чанъани целые кварталы... Население Китая выросло до 45 миллионов человек – не было тогда другого столь же многолюдного государства на Земле! А ведь каждый житель платил в казну подушную подать... Не счесть было богатств Мин-хуана!

Отдав в начале царствования дань кое-каким реформам, «Просветленный государь» в дальнейшем довольствовался тем, что государственная машина «катилась по накатанной колее». Его сорока-

четырехлетнее правление знаменито не реформами, а расцветом искусства, науки и культуры. Именно тогда жили и творили величайшие поэты Китая Ли Бо и Ду Фу, основанный императором «Грушевый сад» собрал у себя лучших артистов и певиц Поднебесной, а академия «Лес кистей» — прославленных ученых и эрудитов. Всемогущий «Сын Неба» так благоговел перед талантом, что повелел однажды главному евнуху снять с Ли Бо жавшие тому сапоги, сам же растирал тушь для поэта, — неслыханная милость! Император обожал диковинные цветы и деревья — при нем в столице стали разводить пионы и выращивать апельсины, «почти такие же вкусные, как на юге». Жизнь двора текла в забавах и удовольствиях, а изящные искусства, романтические фантазии и причудливые сны окрашивали существование императора в волшебные тона. Реальность все дальше отодвигалась на задний план, поскольку, казалось, не было для него ничего невозможного.

Однажды, в день праздника осени, когда император любовался луной, придворный маг предложил ему прогулку на ночное светило — и вот через какое-то время они уже слушали песни небесных дев в лунном чертоге. На возвратном пути император оглянулся — и увидал, как рушится за спиной волшебный мост... Однако он успел записать мело-

дию и обучил ей певиц своего «Грушевого сада»: «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор» — называлась она. Не раз потом случалось императору видеть во сне небожительниц или фей — и всегда, пробуждаясь, записывал он новую музыку.

Только смерть императрицы, а затем и любимой жены, красавицы У-хуэй, омрачали его существование. Нельзя сказать, чтобы «Сын Неба» был обделен женской лаской — три тысячи женщин было в его дворцах, и в их числе лучшие из лучших: жен второй категории, согласно дедовским обычаям, девять; третьей категории — двадцать семь; четвертой категории — восемьдесят одна. Но полного совершенства, увы, не было: и вместо того чтобы благоразумно наслаждаться достоинствами каждой, «Сын Неба» мечтал о небожительнице, какую в даосских чарах он видел на луне...

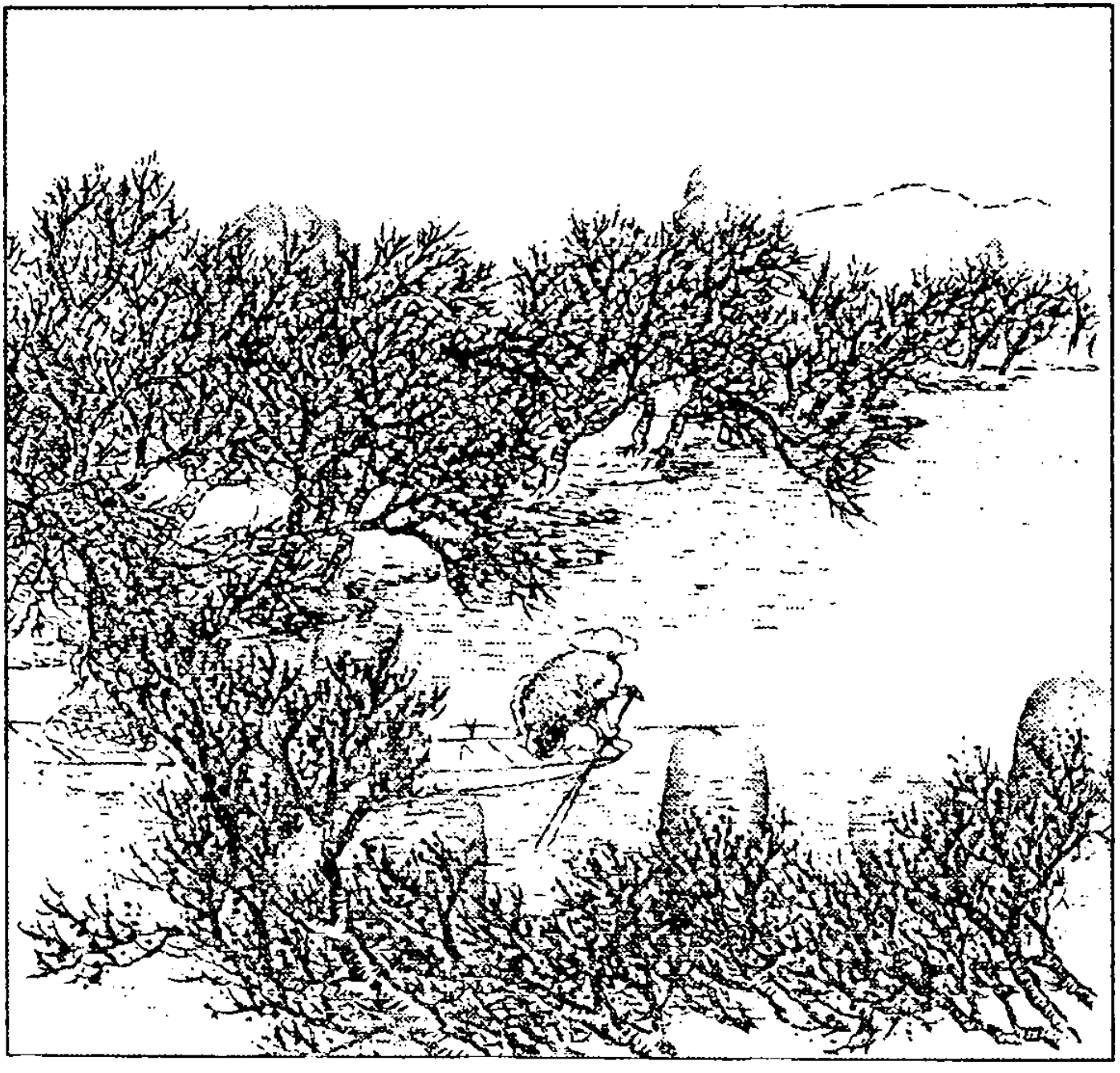
Главный евнух — тот самый, что снимал сапоги с поэта, — был послан с поручением и выполнил его столь же успешно. Небожительница отыскалась в гареме восемнадцатого сына императора: когда государю тайно показали ее во время купания в теплом источнике, тот пришел в полный восторг! Она была так хороша, что, казалось, тело ее источает свет, и только черная туча волос слегка затмевала его. На рубеже двадцати двух лет, в расцвете

своей красоты, она презирала ухищрения помады и румян — и покорен был император.

Нет, китайского варианта шекспировской трагедии не получилось; восемнадцатый принц воспитывался в духе сыновней почтительности, к тому же ему щедро компенсировали потерю... Но перед людьми было неловко отбирать жену собственного сына, поэтому красавицу сначала отправили «на очищение» в даосский монастырь, где та приняла новое имя «Великой Истины» — как у наперсницы бессмертной богини Сиванму, «Царицы Запада». Впрочем, есть мнение, что именно даосы с самого начала способствовали возвышению красавицы ради усиления собственного влияния при дворе.

Если это действительно так, то затея вполне удалась: даосский психотренинг и тайные искусства брачных покоев дали девушке бесспорное преимущество перед всеми остальными. Император, пожаловавший ей титул «Драгоценной супруги из семьи Ян» (под именем Ян гуйфэй она и вошла в историю), а ее покойным родителям титулы владетельных князей, был в полном восторге. К тому же она была умна, образованна, умела мило шутить, разбиралась в музыке и поэзии... Днем они почти не разлучались, а вечером красавица прислуживала ему в опочивальне.

Семь сотен мастериц без устали трудились над



нарядами и украшениями любимицы государя в пожалованном ей дворце Пэн-лай. Загоняя лошадей, мчались гонцы, чтобы свежими привезти в столицу пришедшиеся ей по вкусу ароматные южные плоды личжи. А над родней Ян гуйфэй поистине пролился дождь монарших милостей. Титулы, дворцы, всевозможные привилегии жаловал им император, но самым дорогим было то влияние, которым все они не стеснялись торговать, собирая колоссальные богатства.

Пять домов родни Ян гуйфэй вызывали зависть и восхищение всей столицы. Никогда не закрывались ворота их усадеб, пропуская нескончаемый поток друзей и просителей, гонцов и слуг, без конца строились там новые хоромы - краше прежних. Весь город сбегался посмотреть, как съезжались по праздничным дням к императору родственники Ян гуйфэй — казалось, пятицветная радуга опускалась тогда на землю и, извиваясь, вползала в Запретный город. А там, где она прошла, находили потом оброненные золотые украшения, монеты, драгоценные камни —. целое состояние для бедного люда! И, перепачив старинную песню, разносчики на улицах с издевкой пели, что лучше пусть рождаются девочки — они в гаремах добудут больше, чем работники-сыновья.

Самую сильную неприязнь у людей вызывал

старший двоюродный брат Ян гуйфэй (родных у нее не было — она росла сиротой в доме дяди), которого «Сын Неба» удостоил почетного титула «Опора трона». Всесильный первый министр Ян гочжун самовластно распоряжался делами государства и его казной, не стесняясь даже своей противоестественной связи с родной сестрой Ян гого, как бы выставляя ее напоказ. Империя понемногу приходила в упадок, все обвиняли в этом Ян гочжуна — но поделать ничего не могли.

Не могли, ибо император все больше привязывался к красавице Ян. Вместе наслаждались музыкой, хоронили любимого попугая, совершали прелестные прогулки. Порой, правда, и он замечал, что его нежная возлюбленная и, особенно, ее родня ведут себя не так, как подобает. Дважды у него хватило сил, к ужасу всей семьи Ян, отослать ее домой к дяде — но паника при дворе длилась недолго.

Ваша драгоценная супруга — всего лишь женщина, — якобы писал ему в своем прошении премьер Ян. — Как любая из женщин, она лишена разума и сознания. За свою непочтительность государю она заслуживает смерти. Но коль скоро она пользовалась высочайшими милостями, ей подобает принять за эта смерть во дворце... как можно, чтобы позор вышел наружу?

Покорная и полная нежности, оба раза она была

милостиво прощена, осыпана подарками и удостоена еще большей любви.

Через несколько лет на дворцовой сцене, где разыгрывалась эта трогательная пастораль, появился новый персонаж, которому было суждено дать нашей истории трагическое окончание. По крови полководец Ань Лушань был китайцем только наполовину, по внешнему же виду и привычкам оставался форменным варваром. Его согдийские предки, обитавшие в Средней Азии, оставили ему в наследство пышную растительность на лице и теле и большой мясистый нос, которые поражали китайцев. Был он грузен телом и, погружаясь в сон после обильного дворцового обеда, издавал столь мощный храп, что неискушенным и суеверным придворным казалось, что в такие минуты обнажается его природное естество и на время полководец превращается в дракона... Ань Лушань был сметлив и образован, знал шесть (!) варварских языков и видел столько далеких стран, что беседовать с ним для императора оказалось куда как интереснее, чем с китайскими эрудитами. А нестандартное поведение новичка, ломавшее дворцовые стереотипы, поневоле заставляло его заметить, а заметив — уважать.

— Почему ты приветствуешь только мою драгоценную супругу, а не меня? — с любопытством спра-

шивал его император, забывая, что такое нарушение этикета заслуживало смерти.

Мы, варвары, знаем лишь мать, но не знаем отца, — нимало не смущаясь, отвечал Ань Лушань, продолжая разыгрывать свою роль «человека степей». — Для нас женщина важнее.

Он был находчив и наблюдателен, «ловок в речах», а главное, обладал внутренней силой, которую чувствовали окружающие. Государь все больше приближал его к себе, и когда во время какого-то представления усадил его вместе с собой на ложе, общее негодование выразил наследный принц. «С древнейших времен и поныне не бывало еще, чтобы подданный сидел рядом с императором!» — воскликнул он, не сдержавшись, но так и не сумел образумить отца.

У красавицы Ян не было детей, и следующим шагом стало провозглашение не слишком юного полководца «приемным сыном» государя и его «драгоценной супруги» теперь Ань Лушань получил законное право бывать с императором в его внутренних покоях.

Как-то раз, когда после купания Ян гуйфэй стояла у зеркала, ее корсаж вдруг опустился и обнажилась прекрасная грудь. «Государь погладил ее, а потом предложил Ань Лушаню игру в параллельные фразы, благо тема была у него под рукой, —

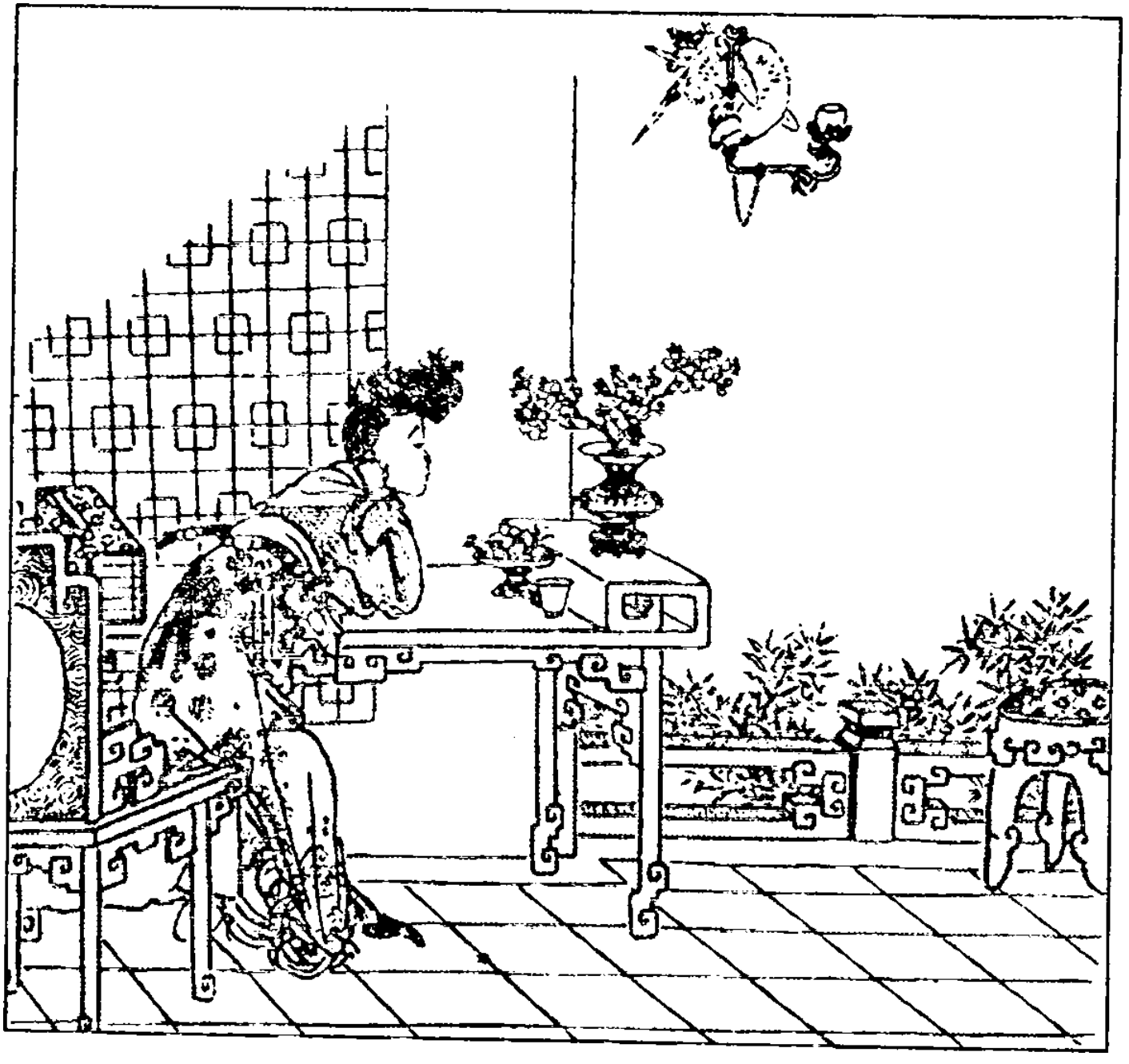
читаем мы в одной средневековой книге. – Не выпуская из рук грудь «драгоценной супруги», он изволил молвить: «Мягкая и теплая, точно мясо только что обезглавленного петуха». Красавица не нашлась, что ответить, но Ань Лушань, что стоял рядом, придумал ответную фразу: «Влажная и прохладная, будто свежеприготовленный овечий сыр».

Красавица рассмеялась:

– Теперь верю, что варвары из племени ху только и знают, что свой овечий сыр!»

А государь после этого долго был весел и доволен.

Она была уверена в том впечатлении, которое производила на мужчин, и корсаж соскользнул, скорее всего, не случайно. Правда, гаремные соперницы за глаза называли ее «толстухой», но то говорила женская зависть. Просто соблазнительные формы Ян гуйфэй были гораздо более подчеркнуты, чем обычно свойственно китаянкам. И столь же необычной белизной отличалась ее кожа. Поскольку Ян единственная из придворных дам обходилась без белил и румян, естественная нежность лица выглядела поразительной. Она отнюдь не была хрупким созданием: отлично умела скакать на лошади, а тяжелое детство приучило ко всему – но в ней было столько томной женственности, что мужчине



невольно хотелось опекать ее и заботиться о ней. «О, бессильная нежность сама!» — восклицал, вспоминая ее, поэт, а немолодой уже супруг всегда чувствовал себя около Ян гуйфэй настоящим мужчиной... Впрочем, не исключено, что этому способствовали и травяные сборы, и умение даосских последователей при необходимости подпитать энергией партнера...

Однако никакая красота не совершенна, если она ограничена только физической сферой. Мин-хуан скучал с другими женщинами, думавшими, что их долг — только служить в опочивальне, скучал с придворными, мысль которых сковывал страх. И только прекрасная Ян могла позволить себе прикрикнуть на всемогущего владыку: в очаровательном теле таился сильный и независимый характер. С ней можно было посидеть за шахматами, поговорить о музыке или стихах, красота сочеталась с талантом, умом, и этим своим сокровищем Мин-хуан искренне гордился.

Многие современники полагали, что между красавицей Ян и мужественным варваром была предосудительная связь: легенды рассказывают, как грубо и смело домогался он ее, как застал их главный евнух, который, однако, почел за лучшее обещать государыне хранить молчание... Был ли неравнодушен к ней и ее двоюродный старший брат,

«опора престола», или же он довольствовался кровосмесительной связью с родной сестрой – сейчас трудно сказать. Во всяком случае, удачливого полководца он невзлюбил сразу и безрезультатно убеждал императора, что Ань Лушань несомненный изменник. Увы, на этот раз он сказал государю сущую правду.

Посланный в конце концов на войну с кочевниками, Ань Лушань возглавил целых три генерал-губернаторства, собрал большое войско, одержал победу – и поднял мятеж! Правда, в своем манифесте, обращенном к народу, он уверял, что ни в какой мере не покушается на священную особу государя – напротив, стремится освободить его от власти злых и порочных царедворцев, которые поставили императора и Поднебесную на край гибели, однако сути дела это не меняло.

При дворе царили растерянность и паника. Исполненное радостей безоблачное существование отучило наперсников императора от критических ситуаций, к тому же многие из них были просто стары. Посланный против Ань Лушаня генерал, вместо того чтобы ожидать его в горном проходе за Великой стеной, понуждаемый бестолковыми распоряжениями вывел войско в поле – и был наголову разбит. Дорога на Чанъань оказалась открытой. Начался панический исход жителей, которые

не ждали ничего хорошего ни от варвара Ань Лушаня, ни от его войска, состоявшего в основном из диких инородцев. И пыль на дорогах стояла такая, что «невозможно было отличить лошадь от повозки».

Передав командование наследному принцу, император принял решение двигаться со своим двором в сторону верховьев Янцзы, в южную землю Шу — горную окраину страны. Императорский кортеж, состоявший из тысяч придворных и слуг, сотен повозок и паланкинов, растянулся на много верст. Когда к вечеру прибыли на первую почтовую станцию, выяснилось, что высланный передовой отряд исчез, жители все до одного разбежались, а провизии в спешке с собой не захватили. Проголодавшиеся императорские внуки, как волчата, кидались на то немногое, что могли поднести «Сыну Неба» придворные, — и на его глаза навернулись слезы. Слишком блистательным и безоблачным было царство, чтобы закончиться столь же благополучно! Но если царедворцы еще помнили о преданности, грубые солдаты, прошедшие весь долгий путь пешком, не хотели ложиться спать голодными. Сразу вспомнилась мозолившая многие годы глаза роскошь «пяти домов семьи Ян», обиды и притеснения, нищенская жизнь собственных детей... Солдаты начали роптать. Чтобы избежать самого

худшего, с речью к ним обратился командир, обвинив во всех бедах империи временщика. Ян, «опора трона», на свою беду, как раз беседовал с послами племени туфаней, стараясь обрести в них союзников в борьбе с мятежом — это только прибавило подозрений. «Ян с туфанями замышляет измену!» — взревела толпа; смерть временщика с сыном оказалась скорой и ужасной.

Однако взбунтовавшееся войско не думало на этом останавливаться. «Да и как солдаты могут разойтись, когда корень зла еще цел?!» — прошептал главный евнух государю, с ужасом наблюдавшему за бушующей толпой. Намек был ясен, ибо каждый понимал, кто привел к власти старшего Яна... «Умоляем Ваше величество забыть о личных привязанностях ради благополучия страны», — поддержали евнуха другие вельможи.

Императору нелегко было принять решение, но крики бунтовщиков все усиливались, и он сам вывел свою супругу из покоев. Главный евнух Бао Линн затянул шелковый шнурок на грациозной шейке красавицы в соседнем буддийском храме, а когда все было кончено, тело выставили на обозрение в окне постоялого двора, завернув его в лилово-розовую пелену. Говорят, что отъезжающие так спешили, что несчастную просто бросили в придорожную канаву, наспех присыпав землей, и какая-

то старуха составила себе целое состояние, показывая желающим за деньги вышитый шелковый чулочек государыни — самую интимную, по тогдашним понятиям, часть туалета...

Прошло два года. Провозгласивший себя государем Ань Лушань бесславно погиб от руки своего же сообщника, мятежники оказались разбитыми, кочевники возвращались к своим стадам, крестьяне — в свои селения. Вернулся в столицу и государь-отец Мин-хуан, где сын отвел ему для жительства Западный дворец, видимо, с намеком на закат жизни и близкую кончину. Будучи не волен покидать его, Мин-хуан вспоминал прошлое и жестоко тосковал.

Однажды ему доложили, что явился кудесник-даос, способный вызывать духи умерших. Старый император оживился — быть может, все-таки удастся ему увидеть еще раз красавицу Ян гуйфэй?! Обряд длился долго — наконец, выйдя из транса, даос сообщил, что обыскал всю вселенную, пока не нашел «Драгоценную супругу» государя-отца в блистающих чертогах острова бессмертных в Восточном океане... Как залог неизменности ее чувств маг держал в руке обломок драгоценной шпильки. А чтобы сомнений не оставалось — пересказал со слов Ян ту тайну, о которой не знал никто, кроме нее и самого императора: о клятве вечной верности, дан-

ной ими друг другу в ночь встречи созвездий Волопаса и Ткачихи...

Государь был растроган воспоминанием, слезы омочили его рукав, и он наградил мага. Через три года он скончался, будучи со дня зачатия (как считали тогда в Китае) семидесяти восьми лет. По обычаю и, видимо, в память увлечения государя даосской магией, сын пожаловал ему посмертное имя «Мистический предок» — Сюань Цзун, — под которым тот и вошел в китайскую историю. В стране были проведены необходимые реформы, подать заменена налогом на имущество, взимавшимся частями дважды в год, и страна на какое-то время успокоилась. А китайским поэтам и драматургам в качестве «вечного» сюжета осталась волнующая тема трагической любви «Сына Неба» и красавицы, «покоряющей царства». Какая-то нераскрытая тайна присутствует во всей этой старой истории. Недаром же она начинается обучением героини в даосском монастыре и принятым ею именем небожительницы, что взращивает плоды бессмертия где-то в горах на севере Тибета, а заканчивается появлением мага, связующего в своем мистическом трансе два мира. И вообще — как удалось Ян гуйфэй затмить собой все три тысячи прекраснейших женщин Поднебесной, собранных во дворцах «Сына Неба», и безраздельно многие годы владеть этим далеко не

кротким и не слабохарактерным человеком?! Владеть настолько, что с ее смертью жизненные силы как бы покинули императора и «стал он словно мешок, из которого высыпалось зерно...» Не тайные ли даосские науки тому причиной и, конечно же, травы: возбуждающие, приворотные, дарующие силу, молодость, страсть?..

И. Лисевич

ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ

Отрывок из романа XVI века

«Вымыв все свое тело, Золотистый Лотос распустила волосы и вошла в спальню. Серебряная лампа была привернута и горела очень тускло, смягчая и размывая очертания окружающих предметов. В постели под покрывалом похрапывал Цзин Симэнь, вздрагивая во сне. Золотистый Лотос присела на краешек кровати и натянула на ноги ночные тапочки.

Затем она легла, положив голову на продолговатую подушку, но спать ей совершенно не хотелось, и вскоре она потянулась к мужу и положила руку на его мужское орудие. Оно было мягким, как вата, и никак не откликнулось на ее недвусмысленное прикосновение. Незадолго до этого она выпила вина, и тогда оно на нее не подействовало. Теперь же вино ударило ей в голову, и она с безрассудной страстью нырнула под покрывало. Мгновение спустя

ей удалось повернуть спящего Симэня так, что она смогла взять в рот Черепашью Голову и начать языком щекотать ее. Когда муж проснулся, он сказал:

– Ты что, только сейчас легла? Где ты была?

– Мы выпивали во дворе. Третья жена Мэн вынесла два подноса с едой и вином, и у нас получился настоящий пир.

– А что ты там вытворяешь, шалунья?

– Мы играли в чет и нечет на пальцах, и, когда я проиграла Изящной Башне, мне пришлось выпить три чашки вина.

– Поищи-ка мой любовный пояс в ногах постели. Ты сможешь до него дотянуться?

Она не только дотянулась до него, но и помогла его надеть. Результаты ее трудов под покрывалом были теперь вполне очевидны, и она завязала пояс вокруг талии мужа, а затем застегнула тугой чехол на его Нефритовом Стебле. Еще немного ласк заставили его подрасти на пару дюймов. Поскольку же муж был в ленивом настроении, а она была полна энергии, она сказала ему, чтобы он подложил под себя подушку, а все остальное она сделает сама. В конце концов все четыре красные подушки оказались под ягодицами Симэня, и Золотистый Лотос, не тратя времени на дальнейшую подготовку, согнула ноги в коленях, уселась на него верхом и взяла в руку зачехленное орудие.

Ты не забыл принять на ночь лекарство? — спросила она.

Принял, — сказал Цзин Симэнь. — Надеюсь, что тебе не станет дурно от вина.

— Мы будем сейчас наслаждаться позой, которая называется «Порхающие бабочки».

И без всякой жалости к Нефритовым Воротам она тотчас же нанизала себя на его копье.

— Ну вот, — с гордостью воскликнула она, — сегодня он был так велик и все же весь уместился внутри меня! Сам посмотри.

Симэнь пощупал пальцами между ее ног, чтобы убедиться в верности этого утверждения. Он сумел нащупать лишь свои яички и в избытке чувств пошлепал ее по бедрам, что было воспринято ею как сигнал к началу движения. Когда ее нижние округлости начали подниматься и опускаться и в такт с ними стали двигаться ее согнутые в коленях ноги, нижняя часть ее тела стала действительно очень похожа на порхающую бабочку.

— Что тебе больше нравится: чехол или серебряный колпачок? — спросила Золотистый Лотос. — У меня серебряный колпачок вызывает раздражение до боли.

Затем она сделала остановку, чтобы погладить его по щекам.

— Дорогой мой, сердце мое и печень, в этой позе ты, кажется, пронзаешь меня насквозь.

Вслед за этим признанием она с удвоенной энергией возобновила свою атаку на него и, совершив триста приседаний, закричала, чтобы он укусил ее в шею. В этом положении они оба одновременно насладились тем, как Облака пролились Дождем.

Ли Юй

ПОДСТИЛКА ИЗ ПЛОТИ

Отрывок из романа VII в.

«По моему мнению, — сказала госпожа Чжэнь, — женщин можно условно разделить на две категории: на тех, что радуют глаз, и тех, что предназначены для использования. Одно необязательно подразумевает второе, хотя иногда встречаются женщины, которых можно отнести и к той и к другой категории. Красоте всегда присущи следующие свойства: стройное тело, тонкость и изящество линий. Самые известные художники придают изображаемым ими женщинам именно такую внешность, никогда не рисуя их грубыми, мощными, с крупными костями. Однако эти художники таким образом просто передавали свое восхищение их красотой, почти никогда не пытаясь показать их чисто женскую полезность. Женщины, которые не появлялись на их картинах, но приносили им иное удо-

вольствие, обладали плотным, хорошо сбитым телом; они редко бывали стройными и изящными, зато всегда сильными и крепкими. Почему же они отдавали предпочтение таким женщинам? Причина проста: их пригодность для использования именно как женщин.

Сильная женщина сможет выдержать вес мужчины, когда он окажется на ней, а пропорции ее тела будут почти теми же, что и его собственные; таким образом, его член будет входить в нее, как нога в удобный башмак, а лежать в ней будет так же мягко, как на той постели, что находится под нею. Почему же это так важно? Ответ вполне очевиден. Худая женщина под телом мужчины подобна скале или бревну. Оказавшись на ней, мужчина ощутит боль в сотне мест, а когда она станет двигаться, ее костлявые конечности будут бить его справа и слева. Как же сможет он найти здесь покой и отдохновение? С другой стороны, женщина, предназначенная для использования, являет собой как бы продолжение мягкой постели, в которой он утопает, ни о чем не заботясь, будучи уверен, что не услышит никаких жалоб, зная, что он может погружаться в нее насколько захочет глубоко и двигаться насколько пожелает яростно и продолжаться это может сколько угодно долго. Так что для опытных

мужчин плотное тело предпочтительнее изящной красоты.

Порассуждаем, однако, еще конкретнее. Мужчина весит в среднем сто катти (75 кг), а это — немалая нагрузка. Лежать на хрупкой женщине — все равно что спать на шаткой кровати, которая может внезапно развалиться под вами. Если одно из удовольствий, доставляемых сношением, состоит в том, чтобы предаться неистовой страсти, как может мужчина безоглядно броситься в бой, когда он знает, что его противница слишком слаба, чтобы достойно противостоять ему? Некрасивая, но крепкая девушка всегда лучше хрупкой красавицы.

К счастью для мужчин, многие из нас, женщин, сочетают в себе пригодность для использования с красотой, и мужчина, которому встретилась женщина, на восемь десятых обладающая и теми и другими качествами, может считать, что получил в свое распоряжение превосходную кобылицу для своих скачек.

Рассказы о людях необычайных

ЦЯО-НЯН И ЕЕ ЛЮБОВНИК

В Гуандуне жил потомок чиновной знати, некий Фу. Когда ему перевалило за шестьдесят, у него родился сын, названный им Лянь. Мальчик был чрезвычайно толковый, но кастрат от природы, и в семнадцать лет у него в тайном месте было еле-еле — с тутовый червяк. Об этом по слухам знали не только поблизости, но и дальние жители, и никто не хотел выдавать за него дочь. Старик уже решил, что ему судьба остаться без продолжения рода, тужил, горевал дни и ночи... Однако положение было безвыходное.

Лянь занимался с учителем. Случайно учитель куда-то ушел, а в это время у ворот их дома остановился фокусник с обезьянкой. Лянь загляделся на него и забыл про свои науки. Потом, спохватившись, что учитель сейчас придет, весь в страхе бросился бежать.

На расстоянии нескольких ли от дома он увидел какую-то барышню, одетую в белое платье; вместе

с маленькой служанкой появилась она откуда-то перед его глазами. Она разок оглянулась — дьявольская, ни с чем не сравнимая красота! Лотосовые шажки ковыляли вяло, и Лянь ее обогнал. Девушка обернулась к прислуге и сказала:

— Попробуй спросить у этого молодого человека, не собирается ли он идти в Цюн.

Служанка, и в самом деле окликнув Ляня, спросила. Лянь поинтересовался узнать, зачем это было нужно.

— Если вы направляетесь в Цюн, — ответила девушка, — то у меня есть, как говорится, в фут длиною письмо, которое я попросила бы вас по дороге передать в мое село. У меня дома старуха мать, которая, между прочим, может быть для вас, как говорят в таких случаях, «хозяйкой восточных путей».

Убежав из дому, Лянь, собственно говоря, никакого определенного направления не брал. Теперь он решил, что может пуститься хоть в море, и обещал. Девушка достала письмо, передала его служанке, а та — студенту. Лянь осведомился, как имя и фамилия адресатки и где она живет. Ему было сказано, что ее фамилия — Хуа и что живет она в деревне Циньской Девы, в трех-четырех ли от северных городских окраин. Студент сел в лодку и поехал. Когда он прибыл к северным предместьям Цюнчжоу, солнце уже померкло. Наступал

вечер. Кого он ни спрашивал, о деревне Циньской Девы решительно никто не знал. Пошел на север, отошел от города ли на четыре-пять. Уже ярко сияли звезды и луна. От цветущих трав рябило в глазах. Было пусто... ни одной гостиницы. В сильном замешательстве, увидев, что у дороги стоит чья-то могила, он решился как-нибудь у нее примоститься. Однако сильно боясь тигра и волка, полез, как обезьяна, вверх на дерево и там прикорнул.

Слышит, как ветер так и гудит, так и воет в соснах. Ночные жуки жалобно стонут... И сердце юноши захолодело пустотой, а раскаяние жгло огнем.

Вдруг внизу раздались человеческие голоса. Лянь нагнулся, посмотрел. Видит — самые настоящие хоромы; какая-то красавица сидит на камне, а две служанки держат по расписной свече и расположились одна направо, другая налево от нее.

Красавица взглянула влево и сказала:

— Сегодняшней ночью так бела луна, так редки звезды. Завари-ка чашечку круглого чая — того, что подарила нам тетушка Хуа... Насладимся, право, этой чудесной ночью!

Студенту пришло в голову, что это бесовские оборотни, и по всему его телу волосы стали торчком, словно лес. Сидел, не смея дохнуть. Вдруг служанка поглядела вверх и сказала:

На дереве сидит человек!

Девушка вскочила в испуге.

Откуда это взялся такой смельчак, — сказала она, что берется из-за угла подсматривать за людьми?

Студент страшно испугался. Укрыться было уже некуда, и он, кружась по дереву, спустился вниз. Упал на землю и умолил простить его. Девушка подошла к нему, всмотрелась и, вместо того чтобы разгневаться, выразила удовольствие. Взяла и потащила его сесть с ней вместе.

Студент взглянул на нее. Ей было лет семнадцать — восемнадцать. Красота и манеры были прямо на редкость. Вслушался в ее речь — не простой говор.

— Вы куда, молодой человек, держите путь? — спросила она.

— Я, видите ли, — отвечал Лянь, — исполняю кой для кого роль почтаря!

— В пустынных местах часто встречаются страшные незнакомцы, — сказала девушка. — Спать на открытом месте опасно. Если не отнесетесь с пренебрежением к грубому нашему шалашу, то я желала бы, чтобы вы у нас остановили, так сказать, колесницу.

И с этими словами пригласила студента войти в помещение. Там была всего-навсего только одна

кровать, но она велела прислуге застлать ее двумя одеялами. Студент, стыдясь своей телесной мерзости, выразил желание улечься на полу. Девушка засмеялась.

— Я познакомилась, — сказала она, — с таким прекрасным гостем. Смеет ли женщина Юань-лун лечь гордо и выше его?

Студенту не было иного выхода, и он лег с ней на одну кровать. Однако, дрожа от страха, не посмел вытянуться.

Не прошло и небольшого времени, как девушка незаметно залезла к нему под одеяло своей тоненькой ручкой и стала легонько щупать у его ног и колен. Студент притворился спящим и сделал вид, что ничего не чувствует и не понимает.

Вскоре она открыла одеяло и влезла к нему. Давай его расталкивать, но он решительно не шевелился. Тогда она стала нащупывать тайное место — и вдруг остановила руку, приуныла, с грустным-грустным видом ушла из-под одеяла, и студент сейчас же услыхал ее сдержанный плач. Весь в волненье стыда, не зная, куда деваться, со злобой и досадой роптал он на Небесного Владыку за его проруху... Но больше ничего предпринять не мог.

Девушка крикнула служанке, чтобы та зажгла свечу. Та, заметив следы слез, удивленно спроси-

ла, в чем неприятность. Девушка помотала головой и сказала:

— Я сама оплакиваю свою же судьбу.

Служанка стала у кровати и пристально всматривалась в ее лицо.

— Разбуди барина, — сказала она, — и выпроводи!

Услыша такие слова, студент почувствовал еще более жестокий прилив стыда... Кроме того, его брал страх очутиться среди ночи в темных, мутных пустырях, не зная больше, куда идти... Пока он все это соображал, вошла, распахнув двери, какая-то женщина.

— Пришла тетушка Хуа, — доложила служанка.

Студент исподтишка взглянул на нее. Ей было уже за пятьдесят, хотя живая рама красоты ее еще не покидала. Увидев, что девушка не спит, она обратилась к ней по этому поводу с вопросом. Не успела еще девушка ответить, как женщина, взглянув на кровать, увидела, что там кто-то лежит, и спросила, что за человек разделяет с ней ложе. Вместо девушки ответила служанка:

— Ночью здесь остановился спать один молодой человек!

Женщина улыбнулась.

— Не знала я, — сказала она, — что Цяо-нян с кем-то справляет свою узорную свечу.

Сказав это, заметила, что у девушки еще не высохли следы слез, и испуганно бросила ей:

— Ни на что не похоже тужить и плакать в вечер соединения чаш. Уж не грубо ли с тобой поступает женишок?

Девушка, не отвечая, стала еще грустнее. Женщина хотела уже коснуться одежды, чтобы посмотреть на студента. Едва она взялась за нее, чуть встряхнула, как на постель упало письмо. Женщина взяла, поглядела и, остолбенев от изумления, сказала:

— Что такое? Да ведь это же — почерк моей дочери!

Распечатала письмо и принялась громко вздыхать. Цяо-нян спросила, в чем дело.

— Вот здесь известие от моей Третьей. Муж ее умер, и она осталась беспомощной сиротой... Ну как тут теперь быть?

— Это верно, — сказала девушка, — что он говорил, будто кому-то несет письмо... Какое счастье, что я его не прогнала!

Женщина крикнула студенту, чтоб он встал, и стала подробно расспрашивать, откуда у него это письмо. Студент рассказал все подробно.

— Вы потрудились, — сказала она, — такую даль нести это письмо... Чем, скажите мне, вас отблагодарить?

Затем пристально посмотрела на студента и спросила его с улыбкой, чем он обидел Цяо-нян. Студент сказал, что не может понять, в чем провинился. Тогда женщина принялась допрашивать девушку. Та вздохнула.

— Мне жалко себя, — сказала она. — Живою я вышла за евнуха, мертвой — сбежала к сконцу!.. Вот где мое горе!

Женщина посмотрела на студента и промолвила:

— Такой умный мальчик... Что ж это ты: по всем признакам мужчина — и вдруг оказываешься бабой? Ну, ты мой гость! Нечего тут дольше поганить других людей!

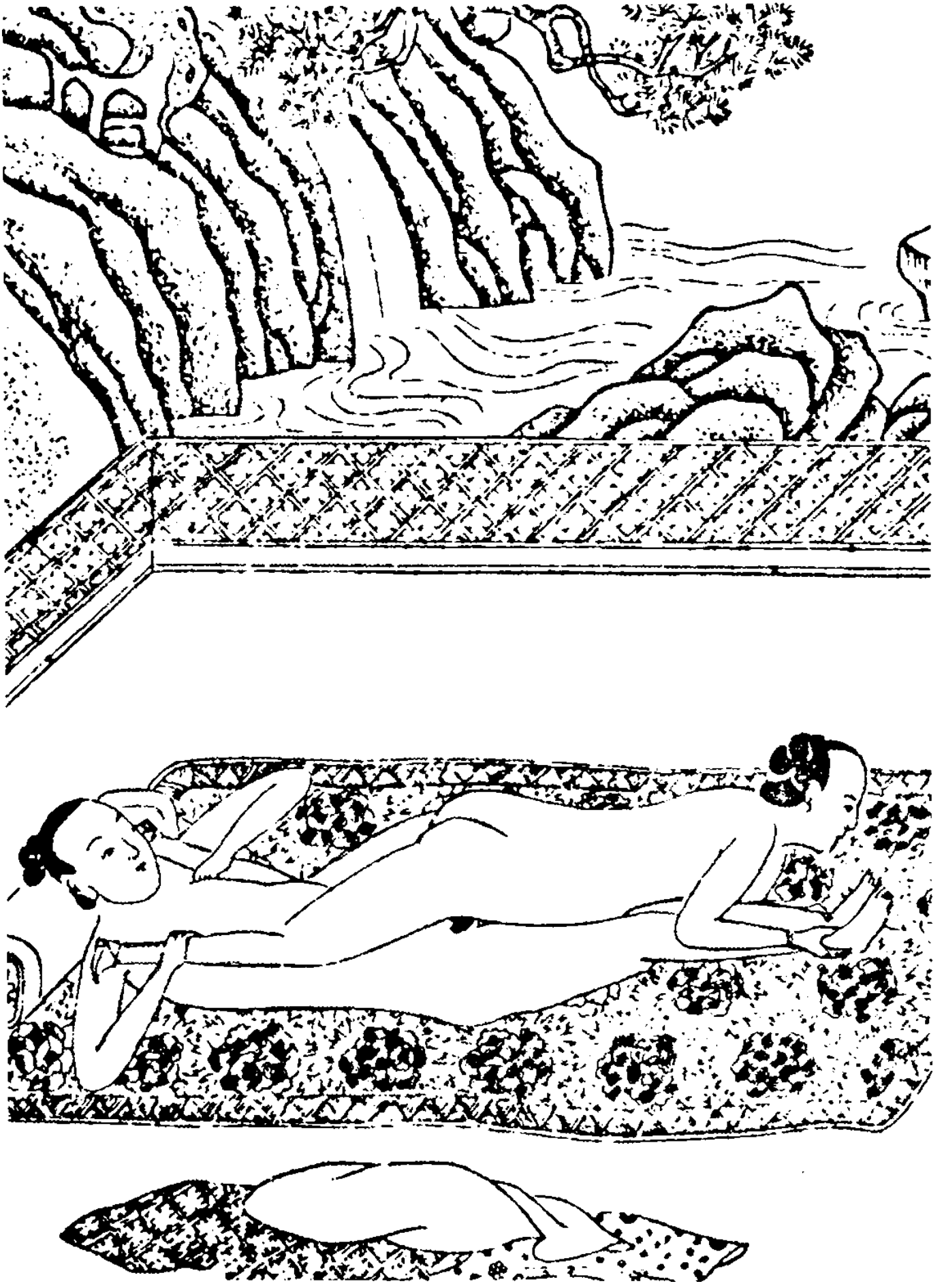
И повела студента в восточный флигель. Там она засунула руку ему между ног, осмотрела и засмеялась.

— Не удивительно, — сказала она при этом, — что Цяо-нян роняет слезы. Впрочем, на твое счастье, есть все-таки корешок. Можно еще что-нибудь сделать!

Зажгла лампу. Перерыла все сундуки, пока не нашла какой-то черной пилюли. Дала ее студенту, велела сейчас же проглотить и тихо рекомендовала ему не шуметь. Затем ушла.

Студент, лежа один, стал размышлять, но никак не мог взять в толк, от какой болезни его лечат.

Проснулся он уже в пятой страже и сейчас же



ощутил под пупом нить горячего пара, ударяющего прямо в тайное место. Затем что-то поползло, как червяк, и как будто между ляжек свисла какая-та вещь. Пощупал у себя — а он, оказывается, уже здоровенный мужчина! Сердце так и встрепенулось радостью... Словно сразу получил от государя все девять отличий.

Только что в рамах окна появились просветы, как вчерашняя женщина уже вошла и принесла студенту жареные хлебцы. Велела ему терпеливо отсидеться, а сама заперла его снаружи.

— Вот что, — сказала она уходя своей Цяонян, — молодой человек оказал нам услугу, принес письмо. Оставим его пока да позовем нашу Третью в качестве подруги-сестры для него. Тем временем мы его снова запрем, чтоб отстранить от него надоедливых посетителей!

И вышла за дверь.

Студенту было скучно. Он кружил по комнате и время от времени подходил к дверной щели — словно птица, выглядывающая из клетки. Завидит Цяо-нян — и сейчас же захочется ее поманить, все рассказать... Но конфузился, заикался и останавливался. Так тянулось время до полуночи. Наконец вернулась женщина с девушкой, открыла дверь и сказала:

— Заморили скукой молодого господина! Тре-

тья! Можешь войти поклониться и попросить извинения!

Тогда та, которую он встретил на дороге, нерешительно вошла.

Обратясь к студенту, подобрала рукава и поклонилась. Женщина велела им называть друг друга старшим братом и сестрой.

Цяо-нян хохотала:

Старшей и младшей сестрой... Тоже будет хорошо!

Все вместе вышли в гостиную, уселись в круг. Подали вино. За вином Цяо-нян в шутку спросила студента:

Ну, а что, скопец тоже волнуется при виде красавицы или нет?

Хромой, — отвечал студент, — не забывает времени, когда ходил. Слепой не забывает времени, когда видел.

Все расхохотались. Цяо-нян, видя, что Третья утомлена, настаивала, чтобы ее оставили в покое и уложили спать. Женщина обратилась к Третьей, веля ей лечь со студентом. Но та была вне себя от стыда и не шла. Хуа сказала:

— Да ведь это мужчина-то мужчина, а на самом деле — покойник! Чего его бояться?

И заторопила их убираться, тихонько шепнув студенту:

– Ты за глаза действуй как мой зять. А в глаза – как сын. И будет ладно!

Студент ликовал. Схватил девушку за руки и залез с ней на кровать. Вещь, только что снятая с точильного камня, да еще в первой пробе... Известно, как она быстра и остра!..

Лежа с девушкой на подушке, Фу спросил ее: что за человек Цяо-нян?

– Она мертвый дух. Талант ее, красота не знают себе равных. Но судьба, ей данная, как-то захромала, рухнула. Она вышла замуж за молодого Мао, но тот от болезненного состояния стал как кастрат, и когда ему было уже восемнадцать лет, он не мог быть, как все люди. И вот она, в тоске, которую ничем нельзя было расправить, унесла свою досаду на тот свет.

Студент испугался и выразил подозрение, что Третья и сама тоже бес.

– Нет, – сказала она, – уж если говорить тебе правду, то я не бес, а лисица. Цяо-нян жила одна, без мужа, а мы с матерью в это время остались без крова и сняли у нее помещение, где и приютились!

Студент был ошарашен.

– Не пугайся, – сказала дева. – Хотя мы, конечно, бес и лисица, мы – не из тех, которые кому-либо вредят!

С этой поры они стали проводить вдвоем все дни, болтая, балагуря...

Хотя студент и знал, что Цяо-нян — не человек, однако, влюбленный в ее красоту, он все досадовал, что нет случая ей себя, так сказать, преподнести.

У него был большой запас бойких слов. Он умел льстить и подлаживаться, чем снискал себе у Цяо-нян большие симпатии. И вот однажды, когда обе Хуа куда-то собрались и снова заперли студента в комнате, он, в тоске и скуке, принялся кружить по комнате и через двери кричать Цяо-нян. Та велела служанке попробовать ключ за ключом, и наконец ей удалось открыть дверь. Студент сказал, припав к ее уху, что просит оставить все лишь промеж них двоих. Цяо-нян отослала служанку. Студент схватил ее, потащил на кровать, где спал, и страстно устремился... Дева, смеясь, ухватила у него под животом:

— Как жаль! Такой ты милый мальчик, а вот в этом месте — увы! — не хватает!..

Не окончила она еще этих слов, как натолкнулась рукой на полный обхват.

— Как? — вскричала она в испуге. — Прежде ведь было такое малюсенькое, а теперь вдруг этакий канатище!

Студент засмеялся.

— Видишь ли, — сказал он, — в первый-то раз мы застыдились принять гостью — и съежились. А теперь, когда над нами глумились, на нас клеветали — нам невтерпеж: дай, думаем, изобразим, что называется, «жабий гнев».

И слился с ней в наслаждении.

Затем она пришла в ярость.

— Ах, теперь я поняла, — говорила она, — почему они запирали дверь! Было время, когда и мать и дочь шлялись тут без места... Я им дала помещение, приютила... Третья училась у меня вышивать... И я, знаешь, никогда ничего от них не скрывала и ничего для них не жалела... А они, видишь, вот какие ревнивые!

Студент стал ее уговаривать, успокаивать, рассказывая все, как было. И все-таки Цяо-нян затаила злобу.

— Молчи об этом, — просил студент. — Тетушка Хуа велела мне строго хранить это в секрете.

Не успел он закончить свои слова, как тетка Хуа неожиданно вошла к ним... Застигнутые врасплох, они быстро вскочили, а тетка, глядя на них сердито, спросила, кто отпер дверь.

Цяо-нян засмеялась, приняла вину на себя. Тетка Хуа еще пуще рассвирепела и принялась ругаться сплошным и путаным потоком оглушительной брани.

Цяо-нян с притворной и вызывающей усмешкой сказала:

- Слушай, бабушка, ты, знаешь, меня сильно насмешила! Ведь это, не правда ли, по твоим словам, хоть и мужчина, да все-таки покойник... Что он, мол, может поделать?

Третья, видя, что ее мать сцепилась с Цяо-нян насмерть, почувствовала себя плохо и принялась сама их усмирять. Наконец обе стороны побороли свой гнев и повеселели. Хотя Цяо-нян и говорила гневно и резко, однако с этой поры стала всячески служить и угождать Третьей. Тем не менее тетка Хуа и днем и ночью держала дочь взаперти, подальше от Цяо-нян, так что у нее с Фу Лянем не было возможности открыть друг другу свои чувства, которые оставались лишь в их бровях и глазах, скрытыми, невыраженными.

Однажды тетка Хуа сказала студенту:

– Мои дети, государь мой, – и старшая, и младшая, – уже имели счастье тебе услужить. Мне думается, что тебе сидеть здесь уже не расчет. Ты бы, знаешь, вернулся к себе домой и объявил отцу с матерью. Пусть они поскорее устроят вам вечный союз!

Собрала студента и заторопила в дорогу. Обе молодые женщины смотрели на него с грустными, скорбными лицами, особенно Цяо-нян, которая не

могла выдержать, и слезы так и катились из ее глаз, словно жемчуга из порвавшейся нитки, — без конца. Тетка Хуа остановила, отстранила ее и быстро вывела студента. Только что они вышли за ворота — глядь, а уже ни зданий, ни дворов! Видна лишь одна заросшая могила.

Тетка проводила студента до лодки.

— Вот что, — сказала она ему на прощанье, — после твоего ухода я заберу обеих девочек и проеду в твой город, где и сниму помещение. Если не забудешь старых друзей, то мы свидимся еще в заброшенном саду дома Ли!..

Студент прибыл домой. До этого времени Фу-отец искал-искал сына, но найти не мог. Тосковал и волновался до крайности. Увидев вернувшегося, был изумлен и обрадован. Студент рассказал все в общих чертах, причем упомянул, кстати, о своем уговоре с Хуа.

— Разве можно верить этой чертовщине? — говорил ему на это отец. — Знаешь, почему ты как-никак, а воротился живым? Только потому, что ты не мужчина, а калека. Иначе была бы смерть.

— Правда, что это необыкновенные создания, — возражал Лянь. — Тем не менее чувства у них напоминают те же, что у людей. Тем более что они такие сметливые, такие красивые... Женюсь на ней — так никто из земляков не будет смеяться!

Отец не стал разговаривать, а только фыркал.

Студент отошел от него... Его так и подзуживало. Он не желал мириться со своей участью. Начал с того, что, как говорится, приглядел себе служанку. И мало-помалу дошел до того, что среди бела дня с ней блудил вовсю, прямо желая, чтобы это во всей резкости дошло до ушей старика и старухи.

Однажды их подсмотрела маленькая служанка, которая сейчас же побежала и доложила матери. Та не поверила. Подошла, подсмотрела и была ошеломлена тем, что увидела. Позвала служанку, допросила ее и наконец узнала все. Страшно обрадовалась и стала разглашать всякому встречному, направо и налево, заявляя, что сын их не бездейственный человек. Ею руководила мысль просватать сына за кого-нибудь из знатной семьи.

Однако студент тихонько шепнул матери, что он ни на ком, кроме Хуа, не женится.

— Послушай, — сказала мать, — на этом свете нет недостатка в красивых женах. Зачем тебе вдруг непременно понадобилась бесовщина?

— Если бы не тетка Хуа, — возразил Лянь, — мне никак не удалось бы узнать, в чем жизнь человека. Повернуть ей спину — не принесет добра.

Старик Фу согласился. Послали слугу и старую прислугу искать Хуа. Вышли за город с восточного конца, прошли четыре-пять ли, стали искать сад

семьи Ли. Смотрят — среди разрушенных стен и бамбуков вьется ниточками дым. Старуха слезла с телеги и прямо прошла в дверь. Оказывается, мать и дочь вытерли стол, все чисто вымыли и, видимо, кого-то ждали.

Старуха с поклоном передала волю своих господ. Затем, увидя Третью, была поражена и сказала:

— Это и будет супруга моего молодого господина? Я лишь взглянула на нее, и то полюбила. Что же странного в том, что у молодого барина она в душе мыслится и во сне кружит?

Старуха спросила о сестрице. Хуа вздохнула:

— Это была моя приемная дочь. Три дня тому назад она внезапно скончалась, отошла от нас.

Вслед за этим стали угощать вином и обедом обоих прибывших: и старуху и слугу.

Вернувшись домой, старуха доложила полностью свои впечатления от внешности и манер Третьей. Отец и мать Фу пришли в восторг. Под конец старуха передала также известие о Цяо-нян. Студент пригорюнился и готов был заплакать.

В ночь встречи молодой у себя в доме он свидется со старухой Хуа и сам спросил о Цяо-нян.

Та засмеялась и сказала ему:

— Она уже переродилась на севере.

Студент долго стонал и вздыхал. Встретил свою Третью, но никак не мог забыть о своем чувстве к

Цяо-нян. Всех прибывших из Цюнчжоу он обязательно зазывал к себе и расспрашивал.

Как-то ему сообщили, что на могиле Циньской Девы слышат по ночам плач мертвого духа. Студент, пораженный такой странностью, пошел к Третьей и сказал ей. Она погрузилась в думу и долго молчала. Наконец заплакала и сказала:

— Я перед ней так виновата, так неблагодарна!

Студент стал спрашивать. Она улыбнулась.

— Когда мы с матерью пришли сюда, то не дали ей об этом знать. Уж не из-за этого ли теперь раздается плач обиды? Я уж давно собиралась тебе все рассказать, но боялась, знаешь, раскрыть материн грех.

Услыхав такие слова, студент сначала затужил, а потом возликовал. Сейчас же велел заложить повозку и поехал. Ехал днем и ночью и во весь опор прискакал к могиле. Распластался перед деревом на могиле и крикнул:

— Цяо-нян, а Цяо-нян! Я — ты знаешь кто — здесь!

И вдруг показалась Цяо-нян со спеленутым младенцем на руках. Выйдя из могилы, она подняла голову и стала жалобно стонать и глядеть на него с бесконечной досадой. Студент тоже плакал.

Потом он коснулся ее груди и спросил:

— Чей это сын?

– Это твой оставленный мне грех! Ему уже три дня.

– Я, милая, по глупости своей поверил тогда словам Хуа и этим дал тебе закопать в землю свою обиду... Могу ли, скажи, отказаться от своей вины?

Посадив ее с собой в повозку, он по морю вернулся домой. Взял на руки сына и объявил матери. Та взглянула. Видит — огромный, красиво сложенный младенец, не похожий на бесовскую тварь, и была еще более довольна, чем прежде.

Обе женщины прекрасно между собой ладили и служили с должным почитанием свекрови.

Затем захворал старик Фу. Пригласили врача.

– С болезнью ничего нельзя поделать, – сказала Цяо-нян, – ибо душа уже покинула свое обиталище. Позаботьтесь лучше о погребальных делах.

Только что она закончила говорить, как Фу умер.

Мальчик рос удивительно похожим на своего отца и даже был еще более сметливый и способный. Четырнадцати лет он уже вошел в Полупруд.

Некто Цзы-ся из Гаою, будучи наездом в Гуане, слышал эту историю. Названия мест он забыл, да и чем все это кончилось, тоже не знает.

НЕЖНЫЙ КРАСАВЕЦ ХУАН ДЕВЯТЫЙ

Хэ Шп-цань, по прозванию Цзы-сяо, имел свою студию в восточном Тяоси. Ее двери выходили в совершенно открытое поле. Как-то к вечеру он вышел и увидел женщину, приближавшуюся к нему на осле. За ней следом ехал юноша. Женщине было за пятьдесят. В ней было что-то чистое, взлетающее. С нее он перевел глаза на юношу. Тому было лет пятнадцать — шестнадцать. Яркой красотой своей он превосходил любую прекрасную женщину.

Студент Хэ отличался пристрастием к так называемому «отрыванью рукава». И вот, как только он стал смотреть на юношу, душа его вышла из своего, так сказать, жилища, и он, поднявшись на цыпочки, провожал юношу глазами до тех пор, пока не исчез его силуэт. Только тогда он вернулся к себе.

На следующий день он уже спозаранку принялся поджидать юношу. Солнце зашло, в темноте полил дождь... Наконец он опять проехал. Студент бросился с любезностями ему навстречу и с улыб-

кой спросил, откуда он едет. Тот отвечал, что едет из дома деда по матери. Студент пригласил зайти к нему в дом слегка отдохнуть. Юноша отказался, сказав, что ему недосужно. Студент стал настойчиво его упрашивать, и тот наконец зашел. Посидев немного, он встал и откланялся, причем был очень тверд: удержать его не удалось. Студент взял его за руку и проводил, усердно напоминая, чтобы он по дороге заезжал. Юноша, вежливо соглашаясь, уехал.

С этих пор студент был задумчив: его обуревала лишь одна мысль. Он все время ходил взад и вперед, усердно всматриваясь в горизонт, и ноги его не знали ни остановки, ни отдыха.

Однажды, когда солнце уже охватило землю полушаром, юноша вдруг появился. Студент сильно обрадовался и настоял на том, чтобы юноша вошел в дом. Слуге было приказано подать им вино. Студент спросил, как его фамилия и прозвание. Он отвечал, что его фамилия Хуан; он девятый по счету; прозвания, как отрок, еще не имеет.

— Наша милостивица живет у дедушки и временами сильно прихварывает. Поэтому я часто навещаю ее.

Вино обошло по кругу несколько раз. Юноша хотел проститься и уехать, но студент схватил его под руку и задержал. Затем закрыл дверь на ключ.

Юноша не знал, что делать, и с раскрасневшимся лицом снова сел.

Студент заправил огонь и стал с ним беседовать. Юноша был нежен, словно теремная девушка. Как только речь переходила на вольные шутки, его сейчас же охватывал стыд и он отворачивался лицом к стене.

Не прошло и нескольких минут, как студент потащил его с собой под одеяло. Юноша отказывался под предлогом дурноты. Дважды, трижды принуждал его студент. Наконец он снял верхнее и нижнее платье и лег на постель.

Студент загасил огонь и подвинулся к нему; лег на одну с ним подушку, согнул руку, положил ее на бедро и стал его похотливо обнимать, усердно прося об интимном сближении. Юноша вскипел гневом.

— Я считал вас, — сказал он, — тонким, просвещенным ученым. Вот отчего я так к вам и льну... А это делать — значит считать меня скотиной и по-скотски меня любить.

Юноша решительно встал и вышел.

Студент, боясь, что он теперь порвет с ним, стал опять его поджидать. Переживая, он устремлял взор вдаль, и глаза его, казалось, пронизывали Северный Ковш.

Через несколько дней юноша наконец появился.

Студент бросился ему навстречу, стал извиняться за свой поступок и силком втащил в дом, где торопливо усадил и стал весело с ним разговаривать.

В глубине души он был крайне счастлив, что юноша, как говорится, не помнит зла. Вслед затем он снял туфли, влез на кровать и опять стал гладить его и умолять.

— Ваша привязанность ко мне, — сказал юноша, — уже, можно сказать, врезана в мои внутренности. Однако близость и любовь разве ж непременно в этом?

Студент сладко говорил о том, как бы они сплелись в объятиях, и просил только разок прикоснуться к его яшмовой коже. Юноша позволил. Студент подождал, пока он уснул, и стал потихоньку учинять легкомысленное бесчинство. Юноша проснулся, схватил одежду, быстро вскочил и под покровом ночи сбежал.

Хэ приуныл, словно что-то потерял. Забыл о еде, покинул подушку и с каждым днем все более и более хирел. Он теперь только и знал, что посылал своего слугу из студии ходить повсюду и подсматривать.

Однажды юноша, проезжая мимо ворот, хотел прямо направиться дальше, но мальчик-слуга ухватил его за одежду и втащил к студенту. Юноша, увидя, как сильно высох студент, очень испугался, стал

его утешать и расспрашивать. Студент рассказал ему все, как это было. Слезы крупными каплями так и падали одна за другой вслед его словам.

Юноша прошептал:

— Моим маленьким мыслям всегда представлялось, что, сказать по правде, эта любовь не принесет вашему младшему брату пользы, а для вас будет гибельной. Вот почему я не делал этого. Но раз вам это доставит удовольствие, то мне не жалко.

Студент был сильно обрадован, и, как только юноша ушел, болезнь сейчас же пошла на убыль, а через несколько дней он вполне оправился.

Юноша пришел опять, и он крепко-крепко к нему прильнул.

— Сегодня я, пересиливая себя, поддержал ваше желание, — сказал юноша. — Сделайте милость, не считайте, что так будет всегда.

Затем он продолжал:

— Я хотел бы кое о чем вас попросить. Готовы ли вы мне посодействовать?

— В чем дело? — спросил студент.

— Мать моя, видите ли, страдает сердцем. Ее может вылечить только «Первонебная» пилюля Ци Е-вана. Вы с ним очень хорошо знакомы, так что можете ее у него попросить.

Студент обещал. Перед уходом юноша еще раз ему напомнил. Студент пошел в город, достал ле-

карство и вечером передал его юноше. Тот был очень рад, положил ему на плечо руку и очень благодарил.

Студент опять стал принуждать его соединиться с ним.

– Не пристраивайте ко мне, — сказал юноша. – Позвольте мне подумать для вас об одной красавице, которая лучше меня в тысячи и тысячи раз.

Кто такая? Откуда? любопытствовал студент.

У меня, видите ли, есть двоюродная сестра – красавица, равной которой нет. Если бы вы могли снизойти к ней своим вниманием, я бы, как говорится, «взялся бы за топорище и топор».

Студент слегка улыбнулся, но не ответил. Юноша спрятал лекарство и ушел. Через три дня он пришел и опять попросил лекарство. Студент, досадуя, что он так опоздал, сказал ему много бранных слов.

– Я, видите ли, не могу допустить себя до того, чтобы принести вам несчастье, и поэтому отдаляюсь... Если же мне не удается дать себя понять, то, пожалуйста, не раскаивайтесь.

С этих пор они сходились и наслаждались, не пропуская ни одного вечера.

Каждые три дня юноша непременно хоть раз

просил лекарство. Ци показалось очень странным, что так часто требуется.

— Это лекарство, — сказал он студенту, — таково, что не бывало еще человека, который принял бы его более трех раз. Как так вышло, что долго нет выздоровления?

В этот раз он завернул тройную порцию и сразу вручил ее студенту. Затем, посмотрев на него, Ци сказал:

— Вот что, сударь, вид ваш и выражение лица что-то томны и бледны. Больны вы, что ли?

— Нет, — сказал студент.

Ци пощупал пульс и пришел в ужас:

— Да у вас в пульсе бесовщина! — вскричал он. — Болезнь сидит в «малом потайном»... Кто не остережется — беда!

Студент вернулся и передал юноше эти слова.

— Отличный врач, — сказал тот, вздыхая. — Я действительно лис и боюсь, что не принесу вам счастья.

Студент, боясь, что он обманет, спрятал лекарство и вручил не все, боясь, что он не придет. Прошло совсем немного дней, и он действительно заболел. Позвал Ци освидетельствовать.

— Вот видите, — сказал тот, — в прошлый раз вы не сказали мне всей правды, и вышло, что теперь дыхание вашей жизни уже блуждает по пус-

тырям... Даже Цинь Хуань, и тот разве может вам помочь?

Юноша приходил каждый день проведать его.

— Вот, — говорил он, — не слушали вы моих слов — и действительно дошли до этого состояния!

Студент тут же умер. Хуан ушел, горько плача.

До этих еще происшествий в уездном городе, где умер студент, жил некий большой сановник с придворным званием. В молодости он делил со студентом Хэ, как говорят, кисть и тушь, но семнадцати лет уже был выдвинут и назначен в «Лес Кистей».

В то время циньским фаньтаем был человек, жадный до насилия и взяток. Никто из придворных чинов об этом не говорил царю, но новый академик имел решимость написать доклад, обличающий злоупотребления фаньтая. Однако так как здесь было то, что называется «переходом через жертвенные кубки», то он потерял должность, а фаньтай, наоборот, был повышен в должность дворцового министра. И вот он стал ежедневно следить, не прорвется ли где-нибудь молодой ученый.

А наш ученый сызмальства слыл за храбреца и в свое время пользовался, как говорится, «вглядом темных зрачков» взбунтовавшегося против династии князя. Зная это, бывший фаньтай купил ста-

рые письма от одного к другому и предъявил нашему ученому в письме угрозу. Тот испугался и покончил с собой. Его супруга тоже умерла, бросившись в петлю.

По прошествии ночи ученый вдруг воскрес.

— Я Хэ Цзы-сяо, — заявил он.

Стали спрашивать, и все то, что он говорил, действительно происходило в доме Хэ. Тогда только поняли, что Хэ вернулся своей душой в чужое, заимствованное тело. Стали его удерживать, но он не счел это для себя возможным, вышел и побежал в свое старое жилище.

Губернатор, заподозрив обман, захотел непременно его унизить, погубить и послал к нему человека с требованием тысячи лан. Ученый сделал вид, что соглашается, но от горечи и досады он готов был порвать с жизнью.

Вдруг ему докладывают о приходе юноши; он обрадовался, заговорил с ним, и сразу явились к ним и радость и горе. Только что он захотел снова учинить непристойность, как юноша спросил его:

— Скажите, сударь, у вас три, что ли, жизни?

— Мои раскаянья в своей жизни и мучениях не стоят этой смерти!

И рассказал ему свои обиды и горечи. Юноша погрузился в глубокое, далекое раздумье и через некоторое время сказал:

— К счастью, вот я снова встретился с вами вновь живым, но вам скучно ведь так, без подруги. Помните, я тогда еще говорил вам о своей двоюродной сестре. Так вот, она умна и прелестна, у ней большая изобретательность. Она-то уж непременно сумеет разделить с вами неприятность!

Наш ученый пожелал взглянуть хоть раз на ее лицо.

— Это нетрудно устроить, — сказал юноша. — Завтра я возьму ее с собой к старой матери, и она пройдет по этой самой дороге. Сделайте вид, что вы мой старший брат, а я под предлогом жажды попрошу у вас напиться. Вы, положим, скажете так: «Осел убежал!» — это будет знаком согласия!

Условившись, они расстались. На следующий день, только что солнце стало на полдень, как юноша и в самом деле прошел у ворот в сопровождении молодой девушки. Наш ученый сделал ему приветственный жест и стал с ним тихо-тихо шептаться, причем бросал на девушку беглые взгляды. Перед ним была милая, привлекательная, стройная, очаровательная девушка — самая настоящая фея!

Юноша попросил чаю. Хозяин попросил войти, чтобы напиться в доме.

— Ты не удивляйся, сестрица, — сказал юноша, — это мой старший брат по клятвенной дружбе. Не беда, если мы несколько отдохнем у него!

С этими словами он помог ей слезть, а осла привязал к дверям. Вошли. Хозяин сам поднялся, чтоб заварить чай, и сказал, смотря на юношу:

— То, что ты, милый, намедни говорил, не исчерпывает дело!.. Сегодня мне здесь приходит конец!

Девушка, видимо, догадалась, что он говорит о ней, встала с дивана и, стоя, сказала брату, словно щебеча:

— Уйдем!

Наш ученый, выглянув за дверь, сказал:

— Осел-то, гляди, убежал!

Юноша с быстротой огня выбежал. Ученый обнял девушку и просил сойтись с ним по любви. У той по лицу пошли пунцовые переливы, вся съежилась, словно попалась в клетку. Громко закричала, но юноша не отозвался.

— У вас, сударь, есть ведь жена, — сказала она, — к чему вам губить у человека честь и стыд?

Он объяснил ей, что не женат.

— Можете ли вы поклясться мне Рекой и Горой? Не дайте осеннему ветру увидеть ко мне пренебрежение!.. А тогда только прикажите, и я послушаюсь!

И он поклялся блистающим солнцем. Девушка более не сопротивлялась.

Когда дело было сделано, явился юноша. Девушка, сделав строгое лицо, гневно забранилась.

— Это, милая, Хэ Цзы-сяо, — сказал он, — в прежнее время известный литератор, а ныне придворный ученый. Со мною он в наилучшей дружбе. Это человек надежный. Сейчас мы доведем об этом до сведения тетки, и она, конечно, тебя не обвинит!

Солнце клонилось уже к вечеру. Хэ хотел удержать их, не позволяя уходить, но девушка выразила опасение, как бы тетка не напугалась и не подумала чего-нибудь особенного. Но юноша с решительностью взял это на себя, сел на осла и помчался.

Через несколько дней появилась какая-то женщина за руку с прислугой. Ей было за сорок лет; одухотворенностью своей и своим общим видом она совершенно напоминала девушку. Хэ крикнул ей, чтобы та вышла... Действительно, это была ее мать. Посмотрев на дочь прищуренными глазами, она спросила с крайним удивлением, как это она очутилась здесь. Дочь, застыдившись, не могла ответить. Хэ пригласил мать зайти, поклонился ей и объявил, как и что. Мать засмеялась.

— Мой Девятый, — сказала она, — юная душа... Зачем, как говорится, «он оба раза не спросил»?

Девушка сама пошла в кухню, поставила кушанья и угощала мать. Поев, старуха ушла.

С тех пор как Хэ получил красавицу подругу,

все его сердечные стремления были удовлетворены. Однако нить зла так и кружила в его душе, и он все время ходил надутый, недовольный, с видом страдальца. Жена спросила его, что это значит, и он рассказал ей все от начала до конца, что только пришло на память. Она засмеялась.

— Ну, это-то мой Девятый братец и один может распутать, — сказала она. — Чего горевать?

Хэ спросил ее, как это может быть.

— Я слышала, — отвечала жена, — что господин губернатор тонет в песнях и музыке, да и к глупеньким мальчикам весьма неравнодушен. Во всем этом мой Девятый братец, как известно, отличается. Пусть он приглянется губернатору, а мы его и подарим... Его злоба может таким образом пройти. Кроме того, можно еще будет ему отомстить за его зло.

Хэ выразил опасение, что брат не согласится на это.

Вы только, пожалуйста, умолите его, — сказала она.

Через день Хэ встретил его, идя на локтях. Тот был ошарашен.

— Как? — вскричал он. — В двух ваших жизнях я был вам друг... Везде, где только можно было это проявить, я не посмел бы пожалеть себя от

головы до пят... Откуда вдруг взялась эта манера обращаться ко мне?

Хэ изложил ему все, что было надумано. Юноша изобразил на лице трудную борьбу.

— Я от этого человека потеряла свое тело, — вмешалась женщина. — Кто, скажи по правде, это сделал? Если теперь ты дашь ему завянуть и погибнуть среди его жизненного пути, то куда же ты меня-то денешь?

Юноше не оставалось ничего другого, как согласиться. И вот Хэ тайно уговорился с ним и отправил спешное письмо к своему приятелю, сановнику Вану, прислав с письмом и самого юношу. Ван понял, чего хочет Хэ, устроил большой обед, на который пригласил и губернатора. Затем он велел юноше нарядиться женщиной и исполнить на обеде танец Небесного Мо. Получилось полнейшее впечатление прелестной женщины.

Губернатор так и одурел. Стал тут же настойчиво просить Вана отдать ему юношу, причем готов был заплатить за него огромные деньги, и единственное, чего боялся, так того, что ему не удастся за них получить красавца. Ван притворился, что это его вводит в глубокое раздумье и сильно затрудняет. Помешкав довольно продолжительное время, он наконец отдал юношу, но уже от имени Хэ. Губернатор был в восторге, и старая ссора сразу была

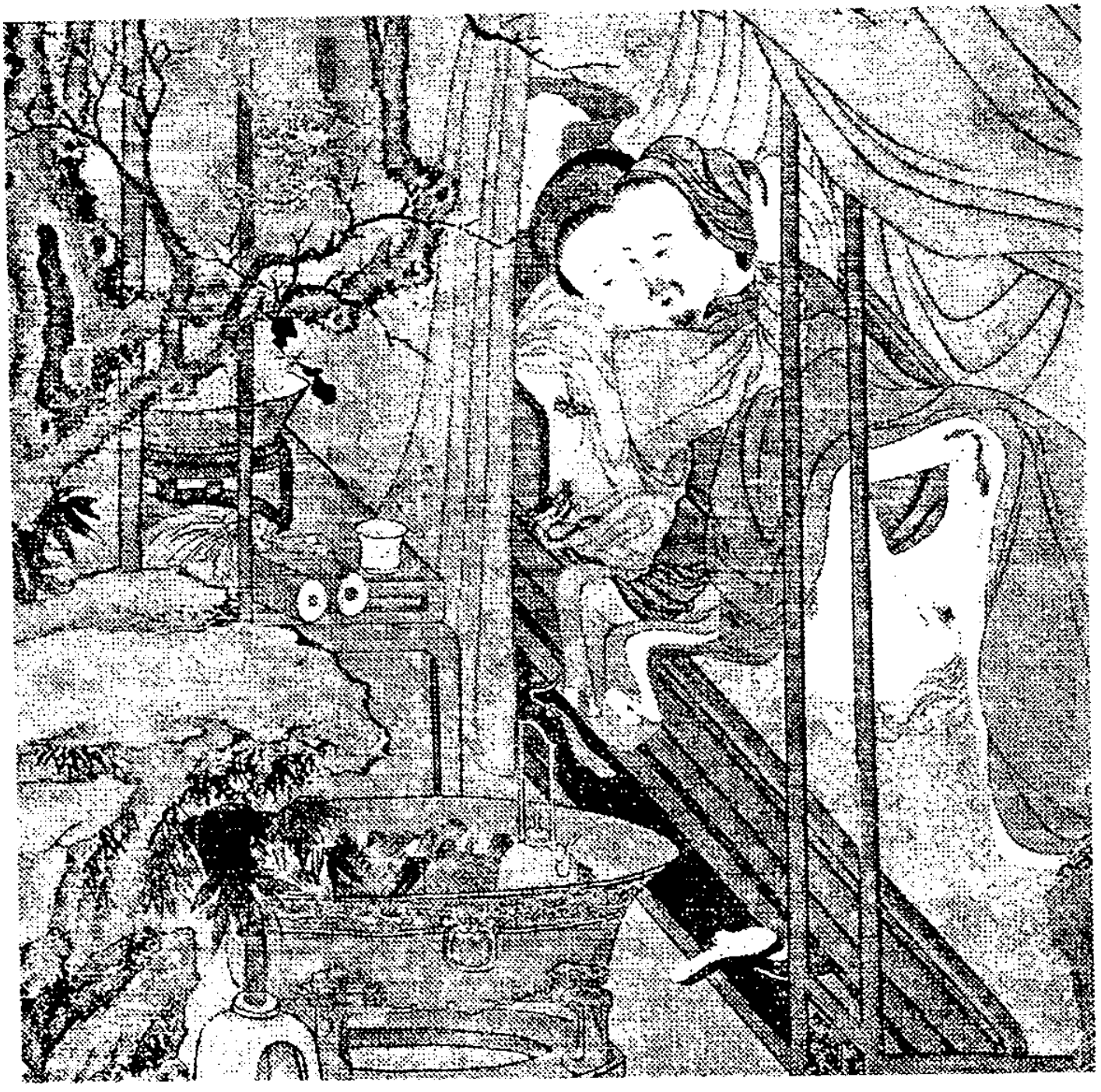
разрешена. Получив теперь юношу, он от него уже не отходил: где бы ни был, что бы ни делал, двигался ли, сидел ли, везде брал его с собой. У него было более десятка обслуживавших его девиц. На них он смотрел теперь, как на пыль и грязь.

Юноша стал у него пить и есть и пользоваться всяческой услугой, словно князь. Кроме того, губернатор подарил ему более десяти тысяч лан монет.

Через полгода губернатор захворал. Юноша, зная, что он уже совсем на дороге в тьму, сложил на повозку золото и парчу и поместил все это в доме Хэ. Вскоре губернатор умер. Юноша извлек деньги, выстроил хоромы, завел мебель и утварь, нанял слуг и служанок. Мать, братья, тетки — все пришли жить с ним вместе.

Когда юноша выходил из дому, на нем была великолепная шуба, его везли превосходнейшие кони.

Никто не знал, что он Лис.



ИСКУССТВО «ЖЕЛЕЗНОЙ РУБАХИ»

Мусульманин Ша изучил искусство силача «Железной рубахи». Сложит пальцы, хватит – и отрубает быку голову. А то воткнет в быка палец и пропорет ему брюхо.

Как-то во дворе знатного дома Чоу Пэн-саня подвесили бревно и послали двух дюжих слуг откачнуть его изо всех сил назад, а потом сразу отпустить.

Ша обнажил живот и принял на себя удар. Раздалось – хряп! – и бревно отскочило далеко.

А то еще, бывало, вытащит свое, так сказать, мужское достоинство, подержит в руках и положит на камень. Затем возьмет деревянный нест и изо всех сил ударит по нему. Ни малейшего вреда!

Ножа, однако, боится.

Примечания

Стр. 11. В женских покоях.

Пояс девичий — в древности девушке, выходящей замуж, надевали пояс, при этом ее мать произносила несколько нравоучительных фраз.

Стр. 14. Журавли.

Небесные сети — здесь автор имеет в виду недобрые замыслы императора.

Стр. 17. Красавица.

Мунань — жемчуг голубовато-зеленого цвета; по преданию, сделан из слюны птицы с золотыми перьями.

Стр. 20. «Ползучие стебли сажаю под южной горой...»

«Песня о сливе» — песня из «Шицзина», в ней говорится о верности в любви.

Как рыбы в одном пруду... — образная характеристика семейного счастья и благополучия.

Стр. 23. Ряска.

Шан и Шэнь — названия звезд; время появле-

ния на небосклоне звезды Шан совпадет со временем исчезновения другой звезды — Шэнь. По преданию, жили два брата, постоянно друг с другом враждовавшие, за что небесный император и превратил их в две звезды.

Новое платье умело кроит рука... — покинутая женщина представляет себе, что происходит в доме новой жены ее бывшего супруга.

Стр. 28. Покинутая женщина.

Гранат — установившийся в китайской поэзии символ, означающий большое потомство.

Нет детей... — в древнем Китае супруг мог отправить свою жену в дом ее родителей в том случае, если она была виновна хотя бы в одном из «Семи преступлений»: в бесплодии, беспутстве и лености, если она плохо ухаживала за родителями мужа, отличалась болтливостью, занималась воровством, была ревнива или болела неизлечимой болезнью.

...к Желтому источнику уйти... — то есть умереть.

...черепицей падая на дно... — автор сравнивает бесполезную жизнь покинутой женщины с расколотой на куски черепицей.

Чжэн — струнный щипковый инструмент, настольные гусли.

Стр. 32. Фея реки Ло.

Юноша Цзяо Фу — некий юноша, по имени Цзяо Фу, рассказывает легенда, встретил на берегу двух фей и попросил подарить ему яшмовые подвески. Те исполнили его просьбу. Цзяо Фу спрятал подарок за пазуху, но не прошел и десяти шагов, как обнаружил, что яшма бесследно исчезла. Оглянулся — скрылись и феи.

Звезда Паогуа — по преданию, жила в одиночестве на восточном краю неба.

Звезды Пастух и Ткачиха — по преданию, только один раз в год может встретиться Пастух со своей возлюбленной. Для этого он наводит мост, сплетенный из цветов, через Млечный Путь и по нему спешит на свидание.

Пин И — дух ветра и дождя.

Фэн И — божество, обитавшее в реках.

Нюй-ва — мифическая героиня, якобы починившая расплавленным камнем обвалившуюся часть небосвода.

Стр. 37. Сисянь.

Сисянь — название песни. Значение слова не расшифровано.

Там дева из песни шелковичные листья срывает... — подразумевается Цинь Ло-фу, воспетая в древнем произведении «Туты на меже».

Жена Доу Тао — поэт имеет в виду Су Хуэй, которая, горюя об уехавшем из дома муже, вытка-

ла из шелка иероглифы, расположенные так, что в каком бы направлении их ни читали, получалась фраза, говорящая о горе разлуки. Здесь Цинь Лофу символизирует собой красавицу, а Су Хуэй прекрасную и талантливую женщину, искренне тоскующую об уехавшем муже.

И пламенный феникс за опущенным пологом скрылся, дракон надзеркальный опустился за зеркалом вслед... — ненужное в отсутствии мужа зеркало и занавеска с вышитым на ней драконом убираются. Обе эти фразы употреблены поэтом, чтобы подчеркнуть одиночество и скромность женщины.

Стр. 49. Провожаю Шэнь Цзы-фу в Цзяндун.

Шэнь Цзы-фу — видимо, знакомый поэта. Более подробных сведений о нем не имеется.

Цзяндун — букв.: «район к востоку от реки» (Янцзы), расположен на территории современной провинции Цзянсу.

На ивовой переправе... — по древнему обычаю, расстающиеся друзья отламывали и брали с собой на память друг о друге ветки ивы. Потому ива в китайской поэзии — символ расставания, разлуки.

Стр. 51. Вдова князя Си.

В глубокой древности князь царства Чу, Вэньван, убил князя Си, а его вдову взял себе в жены. Она родила ему двух сыновей, но никогда не гово-

рила ему ни одного слова. Когда ее спросили о причине такого длительного молчания, она ответила: «Я — жена двух мужей. Хотя меня и не берет смерть, но тоска и стыд не позволяют мне говорить».

Стр. 52. Бань Цзе-юй.

Бань Цзе-юй («фрейлина Бань») — гаремная красавица и фаворитка Ханьского императора Чэнди (31—5 гг. до н.э.), придворная дама при императрице Сюй-хоу. Утратив милость государя, увлекшегося новой возлюбленной по имени Чжао Фэй-янь, она удалилась в Чансиньский дворец, где жила в уединении, не помышляя соперничать с новой фавориткой. Когда же ее обвинили в чародействе, то остроумными ответами она сумела отвести это обвинение.

Золотая колесница — в ней разъезжал император со своей новой фавориткой.

Стр. 65. «Песне «Шуйдяо» внимаю...»

«Шуйдяо» — название популярного в эпоху Сун музыкального произведения, на мотив которого исполнялось множество песен и стихов.

Стр. 66. «Астры подернулись...»

Астры подернулись дымкой тоски и печали. Крупные слезы на лепестках хризантемы... — астры и хризантемы, растущие в саду, символизируют собой верных жен, в противоположность ди-

корастущим полевым цветам, которые может сорвать каждый прохожий.

Стр. 71. «Одна брожу... как пуст мой дом!..»

...Стихами дал ответ на те, что услыхал... — у китайцев есть развлечение: хозяин и гость по очереди читают друг другу стихи. Получается стихотворный диалог. В стихотворении одинокая женщина, прочитав стихи, сама же дает на них и ответ.

Стр. 73. Под впечатлением осеннего вечера

Дриандры — кустарник с жесткими листьями из семейства протейных.

Стр. 76. Шоуянская песенка

Шоуян — город на территории нынешнего уезда Пиндин в провинции Шаньси.

«Убивает нещадно людей равнодушье» — слова из древнего стихотворения.

Стр. 86. «Вечерняя спустилась мгла...»

...Вальки... стучат по вымытым камням... — в старину, стирая белье, китайские женщины колотили его деревянными вальками на камнях.

Стр. 96. Пишу о желании

В стихотворении автор от лица мужчины описывает идиллическую картину красивой и счастливой жизни с любимой женщиной.

Стр. 97. Не разгладит утюг...

Триграммы — гадательные знаки, создание которых приписывается чжоускому императору Вэньвану.

Стр. 105. Юэфу. Народные песни

Сочетание утонченной классической поэзии и простой народной лирики — один из наиболее замечательных фактов истории китайской литературы.

Огромное влияние на развитие поэзии оказали в Китае знаменитый свод древнейших песен «Шицзин» и песни, известные под названием юэфу. Возникновение этого термина относится ко II веку до н. э.

В дальнейшем в обиход поэзии вошли песеные ритмы юэфу, поэтическая символика, лексика песен. Народная поэзия стала прочным материалом, в котором смогли оформиться и выразиться искания поэтического гения многих китайских корифеев слова.

Стр. 168. «С той самой поры...»

День восхожденья — девятое число девятой луны, когда на холмах отдыхают, пьют вино, настоянное на лепестках хризантем.

Цяо-нян и ее любовник

Стр. 288. *Лотосовые шажки* — искалеченные модой женские ноги часто называются в изящной литературе «лотосовым цветком» за их выгнутый подъем.

«...хозяйкой восточных путей» — то есть хозяйкой по отношению к гостю. Издавна понятие

востока связано в Китае с понятием хозяина, а запада — с понятием гостя. Самое ходячее слово для обозначения хозяина — это «человек востока». «Восток дома — хозяин дома». Наоборот: учитель, живущий в доме на положении гостя, — западный гость и т.д.

...Пуститься хоть в море... — Конфуций сказал («Изречения»): «Мой путь не идет... Сяду на плот и пущусь в море...» Цитата применена здесь формально.

...Передала его служанке... — иной порядок при строгости тогдашней патриархальной тюремной китайской жизни был бы немыслим.

Стр. 289. *Завари-ка чашечку круглого чая...* — сухие листья чая кладутся прямо в чашку и там уже обвариваются крутым кипятком. Затем чашка накрывается другою чашкой, лишь несколько меньшего диаметра. Листья опускаются на дно, и зеленоватый отстой отхлебывается глоточками при отодвигании края верхней чашечки. Круглый чай, или, иначе, чай «Дракона и феникса», считается самым лучшим по качеству. Ввиду его дороговизны и редкости с X века лишь государи стали жаловать его своим придворным.

Стр. 291. *...У нас остановили... колесницу* — речь условной вежливости особенно подчеркнута

здесь выбором слов-намеков на одну из од древней книги «Шицзин»:

При звездах, да пораньше заложить колесницу,
Остановить ее в тутовом поле...

Стр. 292. *Юань-лун* (Чэнь Юань-лун) — один из героев междоусобной войны, известной под именем «Троецарствия» (III в.). О нем так отзывался один из его сподвижников по ратному делу: «Юань-лун — муж озер и морей... Его не покидает необузданная храбрость. Я как-то свиделся с ним. У него нет деления на гостя и хозяина. Сам забрался на постель, а гостя заставил лечь у постели на полу».

Небесный Владыка — бог в одном из монотеистических проявлений китайской религиозной мысли.

Стр. 293. *Узорная свеча* — свечи в брачной комнате имеют особую форму, ярко раскрашены и густо позолочены. В стихотворении поэта VI века читаем:

В глубоком алькове цветная свеча блестит...
В танце обе ласточки легки...

Стр. 297. ...*Все девять отличий* — по древнему ритуалу, государь жаловал удельным князьям следующие девять регалий: лошадь и коляску; одежду; музыкальные инструменты; право выкрасить в красный цвет ворота; право выстроить парадное крыльцо; право иметь телохранителей; лук и стре-

лы; секиры для ношения при выходах; жертвенные сосуды.

Стр. 301. *«Жабий гнев»* — существует древний рассказ; князь страны Юэ, выйдя из дворца, увидел сердитую жабу и простерся перед ней. Все недоумевали. «Вот ведь какая она сердитая! — сказал он. — Как не поклониться ей?» И все храбрецы вокруг тоже присоединились к князю.

Стр. 308. *...Вошел в Полупруд* — то есть в училище конфуцианцев, как прошедший на экзаменах успешный кандидат на первую учено-литераторскую степень.

Нежный красавец Хуан девятый

Стр. 310. *...Что-то... взлетающее* — как в звуке, полученном от удара по прекрасному камню: гудит и куда-то улетает.

...Отличался пристрастием к... «отрыванью рукава» — в основе этого намека лежит следующее историческое повествование: Дун Сянь (I в. до н.э.) попал во дворец путем протекции и по заслугам отца. Он вошел в необыкновенный фавор у государя, который стал его быстро выдвигать и отличать и, наконец, не расставался с ним ни днем, ни ночью. Однажды днем они оба спали рядом. Дун повернулся и лег на рукав государя. Тому нужно было встать, но Дун не просыпался. Тогда государь оторвал рукав, чтоб его не беспокоить, и под-

нялся, оставив его спать. С этих пор в китайской литературе существует такой образ для обозначения предосудительной любви мужчин друг к другу.

Стр. 311. *Наша милостивица* — то есть мать; отец называется «наша строгость». Вежливый язык в старом Китае, при общем самоуничижении, не позволял называть старших общими наименованиями.

Стр. 314. ...*Вашему младшему брату* — то есть мне; ударение здесь, конечно, на слове «младший», что соответствовало требованиям вежливости.

Стр. 315. ...*«Взялся бы за топорище и топор»* — то есть стал бы сватом. В древней книге од («Шицзин») читаем:

Обрубают топорище — как?
Без топора нельзя!
Берут жену — как?
Без свахи не получишь!

Стр. 317. *Цинь Хуань* — знаменитый врач древности.

«Лес Кистей» («Ханьлинь») — «собрание достойнейших и просвещеннейших литераторов», стоящих во главе государственного делопроизводства и особенно историографии, — своеобразная академия былой китайской науки.

Циньский фаньтай — финансовый комиссар от центрального правительства в какой-либо провин-

ции, один из олигархов с весьма большой властью, правивших громадной территорией.

«Переход через жертвенные кубки» — превышение своей компетенции. Образ идет из притчей философа Чжуан-цзы (IV в. н.э.), где читаем: «Хотя бы повар и не наладил к жертвоприношению своей кухни, однако тот, кто изображает и представляет покойника, не пойдет через все сосуды и блюда, чтобы сделать это вместо него», то есть каждый из них должен знать свое дело.

Дворцовый министр — губернатор, который называется так в литературном языке, потому что по своему значению и происхождению этот чин соответствовал древнему придворному цензору, блюстителю государственного порядка.

...Пользовался... «взглядом темных зрачков» взбунтовавшегося... князя — то есть взглядом прямо устремленных зрачков симпатизирующего человека, в противоположность «белым глазам» — глазам, не желающим глядеть на неприличного и недостойного человека и потому повертывающим к нему белки, а не «темные зрачки».

Стр. 321. *...Поклясться мне Рекой и Горой* — то есть так, как клялись в торжественных случаях в древности, а именно: «Пока Желтая река не станет с пояс, пока гора Тай не источится...» и т.п.

Не дайте осеннему ветру... — намек на знаме-

нитое стихотворение поэтессы I века до н.э. Бань Цзе-юй «Осенний ветер»:

Только что сделанный из циского чистого шелка,
Он бел, он чист, словно иней иль снег.
Выкроен в виде веера слитной радости:
Круглого-круглого — словно светлая луна.
Он то выйдет, то уйдет к груди иль в рукав государя,
Веет и машет... Нежный ветерок появляется.
Всегда боюсь, что, с приходом осенней поры,
Холодные бури унесут яркую, жару...
Бросит его он, кинет в сундук иль в корзину:
Благодатное чувство прервется в своем пути.

В этом стихотворении изображается боязнь фаворитки утерять расположение государя с приближением ее к возрасту, более напоминающему осень, чем жаркое лето.

Стр. 322. *«...Он оба раза не спросил...»* — женщина говорит здесь словами книги «Цзочжуань», приложенной к летописи Конфуция. Там рассказывается о двух героях, которых их возничий не спросил, как поступить ни перед боем, ни во время боя, а поступил по-своему. Здесь мать намекает, очевидно, на двоякую деятельность ее сына около Хэ.

Стр. 324. *...Танец Небесного Мо* — то есть дьявола, владыки шестого буддийского чувственного неба, младшего брата всех будд и злейшего их врага. Он старается всеми силами вредить буддийскому учению и буддийской вере. Он действует на человека через чувства, омрачая его мысли, искушает

и обольщает подвижников, принимая разные виды, например, прелестных женщин, даже отца и матери. Мо — китайское сокращение из Моло (санскритского Мара). Танец Мо зародился, по-видимому, ранее VIII века, ибо у знаменитого поэта этого времени Ван Цзяня в его «Ста дворцовых песнях» эта тема уже встречается. Но окончательное его развитие относится к концу владычества в Китае монголов, больших покровителей буддизма. Последний император монгольской династии Юань был неумеренно пристрастен к «благам цивилизации», особенно отрицательного направления. Пируя дни и ночи, он выбрал шестнадцать наиболее красивых наложниц из своего гарема, нарядил их в наилучшие украшения, придав им вид святых бодисатв, искушающих подвижника всеми своими прелестями. Таким образом, это своего рода танец сатанинского наваждения (христианские миссионеры отождествляли Мару с сатаной, дьяволом-искусителем).

СОДЕРЖАНИЕ

И. Лисевич. Кое-что о китайской поэзии. 5

О, РАДОСТЬ СВИДАНЬЯ!

Цао Чжи. *Пер. Л. Черкасского.*
В женских покоях 11
Журавли 14
Семь печалей 15
Красавица 17
«Ползучие стебли...» 20
Ряска 23
Песня 26
Покинутая женщина 28
Фея реки Ло 32
Сюэ Дао-хэн. *Пер. А. Арго*
Сисянь 37
Шицзин. *Пер. И. Лисевича*
«Если я люблю его всем сердцем...» 39
«Плавно проносит река мимо берега
тихие струи...» 40

Чжан Цзю-лин. *Пер. Л. Мясникова и С. Плотникова*
Глядя на луну, вспоминаю о далекой 41
Ли Бо. *Пер. И. Лисевича*
«Пока она со мной была...» 43
«Попивая вино у горной тропы...» 44
Чжан Цзи. *Пер. Л. Меньшикова*
Песня верной жены 46
Тун Хай. *Пер. И. Лисевича*
«Прошла гроза, умолкнул гром...» 48
Ван Вэй. *Пер. А. Гитовича*
Провожаю Шэнь Цзы-фу в Цзяндун 49
Берег в зарослях кизила 50
Вдова князя Си 51
Бань Цзе-Юй 52
Хань Юй. *Пер. А. Старостина*
Песня о невысоком светильнике 54
Юань Чжэнь. *Пер. Л. Черкасского*
Элегия на смерть жены. 56
Ли Шан-инь. *Пер. А. Ахматовой*
Ночью в дождь пишу на север 62
Вэнь Тин-юнь. *Пер. М. Басманова*
«В слезинках тает красная свеча...» 63
Ню Си-цзи. *Пер. В. Марковой*
Разлука 64
Чжан Сянь. *Пер. И. Павлович*
«Песне «Шуйдяо» внимаю с кубком вина...» . . 65

Янь Шу. *Пер. Л. Черкасского*
«Астры подернулись...» 66
Лю Юн. *Пер. В. Адуевского*
Мимолетная радость 68
Чжу Шн-чжэнь. *Пер. М. Сизовой*
«Как четко видны на холмах павильоны...» . . 70
«Одна брожу... как пуст мой дом!..» 71
Чэнь Юань-пин. *Пер. А. Корчагина*
Под впечатлением осеннего вечера 73
Мао Чжи-юань. *Пер. А. Старостина*
Шоуянская песенка 76
Гуань Юнь-ши. *Пер. Ю. Попкова*
«У окон раскрытых сидим...» 78
Чжан Кэ-цзю. *Пер. Ю. Попкова*
Осенняя тоска 79
«Я стою под лучами...» 81
Сюй Цзай-сы. *Пер. Н. Павлович*
Весенние чувства. 84
Лю Цзи
Песня солдата, уходящего в поход.
Пер. А. Арго 85
Хэ Цзин-мин. *Пер. Ю. Александрова*
«Вечерняя спустилась мгла...» 86
Фын Мэн-лун. *Пер. А. Белова*
Посылка письма 88
Мао Сянь-шу. *Пер. Ю. Александрова*
Песенка «Крою одежду» 90

Син Дэ. *Пер. А. Арго*
«Я не сержусь, нет, я жалею...» 92
«Когда луну я вижу в ясном небе...» 93
Чжао Цинь-си. *Пер. С. Северцева*
Напился пьяным 95
Гун Цзы-чжэнь. *Пер. С. Северцева*
Пишу о желании 96
Неизвестный автор
Не разгладит утюг... *Пер. Ю. Александрова* 97
Неизвестный автор
Приходи чаще. *Пер. Ю. Александрова* 98
Хуан Цзунь-сянь. *Пер. А. Чивилихина*
Из «Горных песен»
«Девушка в семье одной...» 100
«Все хотят, чтоб и за гробом...» 101
«Лет тринадцать миновало...» 102

ЛЮБОВЬ МЕНЯ ИССУШИЛА

ЮЭФУ

Народные песни.
Пер. Б. Вахтина

Песни на мотив «Четыре времени года»

Весна

«Волнующий ветер...» 105
«Она привлекает...» 106
«В девичьих покоях...» 108

«Кукует кукушка...» 109
«Багряный закат озарил...» 110
«Тонкое облако...» 111
«Как ярки у ней...» 112
«В весеннем лесу...» 113
«Ласточка первой запоет...» 115
«Изящно и нежно...» 116
«Гибка и нежна...» 117
«Ясный месяц сегодня...» 118
«Предчувствую сердцем...» 119
Лето
«Высокий мой дом...» 121
«В тревоге мечусь...» 122
«Если с весны...» 123
«Разлукой весенней...» 124
«Веер складной...» 125
«Персик созрел...» 126
«В шелководстве и в поле...» 127
«Я утром всхожу...» 128
«Да, лето в разгаре...» 130
«Как гетере ни шла...» 131
«В дни жаркого лета...» 132
«Кончается лето...» 133
«Из легкого шелка...» 134
«В дни летнего зноя...» 135
Осень
«Стал ветер свежее...» 137
«Прозрачные росы спустились...» 138

«По сердцу пришлась ты...» 139
«Порывистый ветер...» 140
«Осеннею ночью...» 141
«Окно распахнул...» 142
«С той самой поры...» 144
«Приходит к нам холод...» 145
«Любуюсь я осенью...» 146
«И утром и вечером...» 147
«Осеннею ночью...» 148
Зима
«Замерзшие птицы...» 150
«Я тихо брожу...» 151
«Жаровню топлю...» 152
«Морозные дни...» 153

Песни без музыкального сопровождения

«Я у тонкой рубашки...» 155
«Одеяло отброшу...» 156
«Растрепаны волосы...» 157
«Вспоминаю о милом...» 158
«Расцвели все цветы...» 159
«Узнала, что милый...» 160
«Когда ты полюбишь...» 163
«К Белым воротам...» 164
«Я жду и надеюсь...» 165
«Ты ночью пришел...» 166
«Я никогда...» 167
«С той самой поры...» 168

«Я дни вспоминаю...» 169
«Я долго томилась...» 170
«Стыд потеряв...» 171
«Поступки супруга...» 172
«Ко мне приходи...» 174
«Мой милый, любимый!..» 175
«Со смехом ко мне...» 176
«Милого сердце...» 177
«Взяла его руку...» 178
«Зачем говорят...» 179

Западные песни местности Цзин и Чу
Песни на мотив «Музыка Шичэна»

«Родилась и росла...» 180
«В расцвете весны...» 181

Песня на мотив «Мелодии Сяньяна»

«Лебедь летит...» 183

На мотив «Песни трех островов»

«Провожала тебя...» 184
«Напиток линлу...» 185

Песни на мотив «Рву тростник»

«Зеленый тростник...» 186
«Мы утром идем...» 187

Песни на мотив
«На западе вороны ночью летают»

«Солнце взошло...» 188
«В разгаре весна...» 189

Песни на мотив «Ворон ночи кричит»

«Любимая птица...» 190
«За тысячи ли...» 191

Песни на мотив «Мелодии Шоуяна»

«Восточная башня...» 192
«У длинных мостков...» 193
«Ночью грущу о тебе...» 194

Песня на мотив «Сичжоу»

«Помню, сливы цвели...» 195

Песни на мотив «Ланъеван»

«Меч длиною в пять чи...» 198
«Быстрый конь у меня...» 199

Песни на мотив «Мэн-чжу»

«Богата Мэн-чжу...» 200
«Я милого помню...» 201
«В Янчжоу повсюду...» 202

ЛЕТИТ ПАВЛИН НА ЮГО-ВОСТОК

Летит павлин на Юго-Восток. *Поэма* 206

КРАСОТА, ПОКОРЯВШАЯ ЦАРСТВА

И. Лисевич. Любовь в Поднебесной империи . . 255
Цзинь, Пин, Мэй (*отрывок из романа*) 277
Ли Юй. Подстилка из плоти
(*отрывок из романа*) 282

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ НЕОБЫЧАЙНЫХ

Цяо-нян и ее любовник. *Пер. В. Алексеева* 287
Нежный красавец Хуан Девятый.
Пер. В. Алексеева 310
Искусство «Железной рубахи».
Пер. В. Алексеева 327
Примечания 328

Литературно-художественное издание

ПРЕЛЕСТНИЦЫ ВОСТОКА

Китайская эротическая поэзия и проза

Ответственный редактор *А. Корина*
Художественный редактор *А. Новиков*
Компьютерная графика *Г. Булгакова*
Технический редактор *В. Бардышева*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Н. Борисова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.2003
Формат 60x90$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Бум. писч. Усл. печ. л. 11,0
Тираж 6 000 экз. Заказ № 1088

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

ISBN 5-699-02760-2

9 785699 027606 >

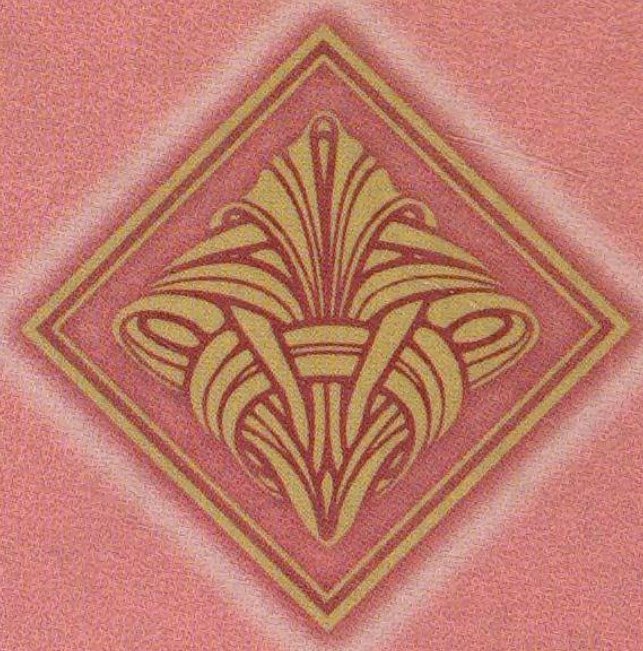
Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

Книжный магазин издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)
Тел. 194-97-86.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.